

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Зайончковский П. — Военные реформы Д. А. Милютина	3
Минц И., проф. — Версальский мир (1919 г.)	27
Чебан И. — О взаимоотношениях Молдавии с Московским государством в XV—XVIII веках	59
Смирин М. — Социально-политическая программа народной реформации в Германии	72
Ранович А., проф. — Эллинизм и его социально-экономические основы	99
Застенкер Н. — Веймарские мифы о причинах поражения Германии в войне 1914—1918 годов	117

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

Пруссак А. — Из истории Беломорканала	138
Стоклицкая-Терешкович В., проф. — Средневековый город	144

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Тихомиров М., проф. — Арциховский А., проф. «Древнерусские миниатюры как исторический источник» Шафрановский К. — Князев Г. «Краткий очерк истории Академии наук СССР». Шаскольский И. — «Учёные записки Ярославского государственного педагогического института». Воронин Н., проф. — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры»	147
---	-----

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	155
-------------------------------------	-----

СТАТЬИ

ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ Д. А. МИЛЮТИНА

П. Зайончковский

История русской армии, за исключением истории войн, является вопросом, наименее разработанным как дворянской и буржуазной историографией, так и нашей, советской.

Русская историческая наука, по установившимся традициям, детально изучала те или иные военные кампании, не касаясь, однако, организации армии. Даже в многотомной «Истории русской армии и флота»¹, представляющей, по существу, историю войн, вскользь затронут вопрос организации армии. В той или иной мере он освещён лишь в изданной в начале XX в., по постановлению комитета министров, объёмистой работе «Столетие военного министерства 1802—1902» (вместе с приложениями около 50 томов). Но эта работа, написанная в духе официального панегирика, естественно, не может быть признана серьёзным научным исследованием. К тому же в ней многие проблемы организации и состояния армии освещены совершенно недостаточно; наиболее полно представлена только история военного управления.

Один из важнейших вопросов военной истории XIX в. — военные реформы 60—70-х годов — до сих пор не являлся предметом научного исследования. Обычно эти реформы сводятся к одному закону о воинской повинности 1 января 1874 г., хотя они заключались в ряде крупных преобразований. Закон о воинской повинности как бы завершил эти преобразования, коснувшись всех сторон военного управления и организации самой армии.

Настоящая статья ставит своей задачей осветить основные вопросы военных реформ 60—70-х годов. В ней использованы главным образом материалы архива Д. А. Милютина, хранящиеся в отделе рукописей Государственной ордена Ленина библиотеке СССР имени В. И. Ленина².

Военные преобразования 60—70-х годов являлись неразрывной частью реформ 60-х годов, означавших «шаг по пути превращения России в буржуазную монархию»³.

Проведение военных реформ было прямым результатом военного поражения царизма в Крымской войне и разложения феодально-крепостного строя. Однако в сознании государственных деятелей и самого Александра II это предомылялось иначе, — военная реформа представлялась им необходимой лишь с точки зрения внешнеполитических факторов, задачи обеспечения обороны государства. Объективно же смысл военных реформ заключался в превращении армии феодально-крепостнического государства в современную буржуазную армию. А это требовало многого. Необходимо было вместо сословной армии создать всеобщую, а стало быть,

¹ «Образование». Т. I—XV. М. 1911—1913.

² Большой интерес представляют воспоминания и дневники Милютина, хранящиеся в его архиве. Несмотря на их апологетический характер, они являются ценнейшим источником для изучения истории России второй половины XIX века.

³ Ленин. Соч. Т. XV, стр. 143.

изменить принцип комплектования армии рядовым и унтер-офицерским составом и систему подготовки офицерских кадров. Необходимо было реорганизовать обветшалую систему военного управления сверху донизу, придав ей определённую стройность и единообразие. Требовалось коренным образом изменить систему обучения и воспитания солдат, не муштровывать солдата для плацпарадов и смотров, а развивать в нём боевые качества. Наконец, армия нуждалась в перевооружении, в оснащении новейшим оружием. Словом, следовало реорганизовать всю армию, все звенья её системы.

Что представляла собою дореформенная армия? Комплектование её рядовым составом производилось по рекрутскому уставу 1831 года. Военная служба была обязательна лишь для крестьян, мещан, солдатских детей и вообще для лиц податных сословий. Срок службы ещё со времён второй турецкой войны (1793) был установлен в 25 лет вместо существовавшего ранее пожизненного. Ежегодный контингент рекрутов с 1835 по 1854 г. составлял в среднем около 80 тыс. человек¹ — процент ничтожный по отношению к общему количеству мужчин, подлежащих рекрутскому набору. Таким образом, основная масса населения оставалась вне армии.

Увеличить же контингент призываемых за счёт сокращения срока службы, создать таким образом кадры запаса, необходимые для развертывания армии в случае войны, было невозможно: при крепостном праве зачисленные в солдаты становились вольными. Следовательно, без потрясения основ существовавшей государственной системы нельзя было увеличить количество призываемых и создать обученные кадры запаса, необходимые для военного времени. Таким образом, обученного людского запаса не существовало. Штаты войска по мирному и военному времени были почти одинаковы. Поэтому приходилось в условиях мирного времени содержать большую армию; развертывание же её в случае войны оказывалось невозможным. Только при крайней необходимости, как это было в период Отечественной войны 1812 г. либо войны 1853—1856 гг., правительство прибегало к чрезвычайным мерам — неограниченным наборам рекрутов и призыву ополчения. Однако всё это обеспечивало армию лишь совершенно необученными кадрами, подготовка которых во время войны была чрезвычайно трудна.

Правда, с 1834 г. начали принимать меры к созданию подготовленного людского запаса. Нижние чины, прослужившие 20 лет, увольнялись на остальные пять лет в бессрочный отпуск; производилось увольнение и в годовой отпуск. Таким образом ежегодно в запас уходило около 27 тыс. человек — цифра ничтожная! В 1853 г. на миллионную армию приходилось всего 212 433 запасных². В действительности же запас этот был ещё меньше, так как большинство увольняемых в бессрочный отпуск были людьми престарелого возраста, и значительный процент их уже не мог возвратиться в армию.

Комплектование армии офицерами происходило, во-первых, за счёт оканчивавших кадетские корпуса и специальные военные училища (артиллерийское и инженерное); во-вторых, за счёт так называемых недорослей из дворян, поступавших в армию добровольно юнкерами, а также и унтер-офицеров общих сроков службы, т. е. призывавшихся в армию по рекрутскому набору.

Эти две категории резко различались между собой. Воспитанники кадетских корпусов (получавшие наряду с общим и специально военное образование), а также военных училищ, при всей неудовлетворительности

¹ См. Зайончковский А. «Восточная война 1853—1866 гг. в связи с современной ей политической обстановкой». Т. I, стр. 476. СПб. 1908.

² См. Зайончковский А. Указ. соч. Т. I, стр. 468, 471.

постановки там учебного дела, всё же являлись более или менее образованными людьми. Но они составляли меньшинство — около одной трети общего количества офицеров. Так, за двадцатипятилетие (1825—1850) на 50 567 произведённых в офицеры пришлось всего 14 415 воспитанников военно-учебных заведений¹. Их направляли преимущественно в гвардию, в специальные рода войск, а также в военные управления. Вторая же группа, представлявшая собой значительное большинство, не имела никакого образования; многие из офицеров были едва грамотны. При поступлении в армию юнкерами дворянские недоросли обязаны были выдержать весьма небольшой экзамен по общеобразовательным предметам, военные же познания их могли ограничиваться лишь знанием строевого устава. Не большими познаниями обладали и унтер-офицеры, производившиеся в офицеры после 10—12-летней службы, при условии сдачи такого же экзамена. Эта группа вообще была очень незначительна, составляя не более 8—9% общего количества офицеров.

Высшие военно-учебные заведения были представлены тремя академиями: военной (генерального штаба), артиллерийской и инженерной. Качество преподавания в них находилось далеко не на высоком уровне. По свидетельству современников, всё сводилось к школярскому воспроизведению учебников и записок профессоров². Число слушателей было ничтожно мало: так, по штатам военной академии на курсе в конце 40-х годов значилось 25—27 слушателей, в действительности же их было ещё меньше.

Каков был состав армии? В начале 50-х годов, накануне войны 1853—1856 гг., военно-сухопутные силы состояли из регулярных и иррегулярных войск. Регулярная армия подразделялась на действующие войска, резервные и запасные. Высшим строевым соединением действующих войск являлся корпус. Всего было 14 корпусов, разнообразных по составу, но большей частью корпус состоял из трёх пехотных, одной кавалерийской и одной артиллерийской дивизий; дивизии же — из четырёх полков, соединённых в две бригады. Пехотные полки состояли из трёх-пяти батальонов, кавалерийские — из шести-десяти эскадронов.

Штаты действующих войск в мирное и военное время, как уже указывалось выше, почти не изменялись; в случае перевода армии на военное положение увеличение не превышало 10—12% за счёт возвращения бессрочно отпусковых.

Общее количество регулярных войск к 1853 г. составляло 27 тыс. генералов и офицеров и 968 тыс. нижних чинов, из них в резервных и запасных войсках состояло до 15 тыс. человек³.

Резервные и запасные войска (в дореформенной армии чёткого разграничения между ними не существовало) предназначались для пополнения убыли в действующих войсках во время войны, а также для формирования особых резервных и запасных частей. Кадры этих частей в мирное время состояли из небольших команд, охранявших имущество и несших те или иные хозяйственные обязанности.

Иррегулярные части состояли из казачьих и так называемых инородческих частей (Закавказский конно-мусульманский полк, Дагестанский конно-иррегулярный и т. д.). Всего в этих войсках числилось 246 тыс. человек, из них на действительной службе состояло 89 тысяч⁴.

Военное управление в дореформенный период страдало полной бессистемностью.

Вплоть до начала 60-х годов XIX в. в военное и мирное время существовало деление войск на армии. До 1833 г. имелись две армии, позднее—

¹ См. «Историческое обозрение военно-сухопутного управления 1825—1850», стр. 46. СПб. 1850.

² См. «Записки П. К. Менъкова». Т. II, стр. 20—23. СПб, 1898.

³ См. Петров А. Русская военная сила. Т. II, стр. 431. СПб, 1892, 2-е изд.

⁴ См. Зайончковский А. Указ. соч. Т. I, стр. 468.

одна, под названием 1-й или действующей армии. Состояла она из трёх — четырёх корпусов и занимала территорию Царства Польского и западные губернии до Днепра и Западной Двины. Эта армия сохраняла все органы военно-полевого управления, как в военное время, представляя собою, по словам Милютина, «странную аномалию среди глубокого мира»¹. Во главе армии стоял главнокомандующий, он же наместник Царства Польского. Эта армия не подчинялась непосредственно военному министру; ему подчинялись непосредственно только армейские корпуса, не входившие в состав армии. Корпуса же кавказский, оренбургский, сибирский представляли собой каждый не только строевую единицу, но и военно-административную: корпусный командир являлся и главным начальником края. Гвардейские и гренадерский корпуса также были на несколько особом положении: они подчинялись особому главнокомандующему гвардейскими и гренадерскими корпусами, обычно одному из членов императорского дома.

Ещё бо́льшая бессистемность существовала в центральном военном управлении. Военное министерство состояло из следующих основных департаментов: инспекторского, ведавшего личным составом и внутренним устройством войск, за исключением артиллерийских и инженерных частей, не подчинявшихся военному министру; генерального штаба, занимавшегося вопросами дислокации и размещения войск, разработкой дислокационных карт, маршрутов и т. д.; провиантского, действовавшего лишь в районе внутреннего управления, так как снабжение продовольствием 1-й армии возлагалось на генерал-провиантмейстера армии; комиссариатского, ведавшего вопросами денежного и вещевого снабжения на территории всей империи, включая и 1-ю армию, а также устройством госпиталей и их снабжением. Артиллерийский и инженерный департаменты ведали лишь хозяйственными вопросами всех видов, включая и обеспечение вооружением всех родов войск. Общее руководство артиллерией сосредоточивалось в руках генерал-фельдцехмейстера и его штаба; генерал-фельдцехмейстер имел право непосредственного доклада императору и, стало быть, не подчинялся военному министру. Такими же правами пользовался и генерал-инспектор по инженерной части со своим штабом, возглавлявший инженерные войска. Обе эти должности замещались лицами императорской фамилии и, естественно, пользовались полной самостоятельностью.

Далее следует назвать медицинский департамент, призванный весть вопросами медицинского и ветеринарного обслуживания войск². Аудиториатский департамент ведал военно-судебными делами. Военно-учебные заведения не были подчинены военному министру и возглавлялись «главным начальником военно-учебных заведений», которому были предоставлены права министра.

Местных военных учреждений, в строгом смысле этого слова, не было. Лишь некоторые департаменты — комиссариатский, провиантский, артиллерийский и инженерный — имели свои «представительства» на местах, именуемые либо комиссиями либо округами. Собственно функции этих представительств заключались в снабжении войск, расположенных в определённом районе, теми или иными видами довольствия, вооружения либо имущества. Но районы этих округов и комиссий не совпадали, и одна и та же часть войск, расположенная в определённом пункте, для удовлетворения своих нужд вынуждена была обращаться в разные места: «по части обмундирования — туда, где находилась ближайшая «комиссариатская комиссия», по части продовольствия — в провиантскую комиссию, по части оружия — в другой пункт, где находился артиллерийский арсенал. Можно себе представить, какие происходили от этого неудоб-

¹ «Вестник Европы» № 1 за 1882 г., стр. 24.

² Для деятельности медицинского департамента характерно, что за 25 лет (1825—1850) в армии умерло только от болезней 1 028 650 человек «Историческое обозрение военно-сухопутного управления 1825—1850», стр. 99.

ства, проволочки, пререкания»¹, — говорит в своей статье о военной реформе Милютин.

Такова была «система» военного управления.

К началу 50-х годов пехотные и кавалерийские части были почти поголовно вооружены гладкоствольными, заряжавшимися с дула кремнёвыми и ударными ружьями. Различие кремнёвых и ударных ружей заключалось лишь в способе «сообщения огня заряду». Дальность стрельбы из гладкоствольных ружей не превышала 300 шагов, причём точность была очень незначительной. Вообще обучали солдат так, что они неизбежно приучались к мысли: ружьё необходимо для всего, но только не для стрельбы. Так, например, чтобы более чётко отбивался ритм во время исполнения ружейных приёмов, винты в ружье специально расшатывались, и нередко ружья оказывались вовсе непригодными к стрельбе.

«В материальном, как и в нравственном отношении, войска наши не могут похвалиться ни вооружением, ни искусною стрельбою из дурного оружия, — говорит в своих записках генерал Меньков. — По общей в государстве системе дурное оружие с придачею поступает в арсеналы, из арсеналов в полки; ружьё со сломанным штыком, с огнём, не дающим искры, составляет оборонительное и наступательное оружие солдата, приученного делать на-караул»².

Количество нарезных штуцерных ружей было ничтожно: не более 4—5% действующей пехоты были вооружены ими. Количество огнестрельных припасов было также явно недостаточно: на каждое ружьё полагалось иметь 100 патронов³, причём в действительности их было ещё меньше.

Вооружение артиллерии состояло из гладкоствольных, заряжавшихся с дула 6- и 12-фунтовых пушек и единорогов, представлявших собою род укороченной пушки, приспособленной в основном для стрельбы разрывными снарядами. Предельная дальность выстрела не превышала 400—500 сажень. При всём несовершенстве русской артиллерии состояние её было всё же несравненно выше, нежели других родов войск. Вполне понятно, что военная промышленность, базировавшаяся на крепостном труде, не могла обеспечить армию необходимым количеством современного вооружения и боеприпасов.

В заключение необходимо добавить, что за последние 30—40 лет перед реформой солдат муштровали главным образом для смотра и парадов; воспитанию же в солдате боевых качеств, нужных на войне, уделялось мало внимания. Сильно снизилось и качество офицерского состава: на смену боевым командирам Отечественной войны 1812 г., героям Бородина, Малоярославца, Кульма и Лейпцига пришло невежественное офицерство николаевской эпохи, которое маршировало браво, но не умело воевать и не знало ничего, кроме строевого устава. Это явилось результатом аракчеевских порядков, укоренившихся в армии после 1812 г. и получивших дальнейшее развитие в эпоху Николая I. Образование, способность к самостоятельному мышлению — всё это рассматривалось как отрицательные качества, совершенно не нужные офицеру.

Необходимо, однако, заметить, что и в этот период господства прусской муштры и невежества в русской армии сохранялись, правда, в незначительной степени, иные военные традиции — традиции Суворова — Кутузова.

Носителем их в первую очередь являлся Ермолов, стоявший в резкой оппозиции ко всей военной системе Николая I. Эти традиции находили

¹ «Вестник Европы» № 1 за 1882 г., стр. 25.

² «Записки П. К. Менькова». Т. II, стр. 111.

³ См. Фёдоров В. «Вооружение русской армии в Крымскую кампанию», стр. 71. СПб. 1904.

своё выражение и в боевых действиях Кавказского корпуса, где сохранился ермоловский «дух».

Такова краткая характеристика дореформенной армии. На ней сказывалось общее состояние государства, переживавшего кризис феодально-крепостнических отношений. Кризис этот находил своё выражение не только в экономических факторах, но и в полнейшей дезорганизации всей системы государственного управления, причём система военного управления — область, в которую больше всего вмещивался Николай I, — в ещё большей степени отстала от экономического развития страны, что и нашло своё выражение в позорном провале Крымской кампании.

Война 1853—1856 гг. обнаружила «гнилость и бессилие крепостной России»¹ и в первую очередь вскрыла несовершенство управления и организации армии. Война явилась генеральной проверкой всей системы армейских порядков, сверху донизу. Несмотря на героизм русских солдат и офицеров, стяжавших себе бессмертную славу, особенно в период обороны Севастополя, война не могла не быть проиграна. Военная машина, как и весь существовавший государственный порядок, оказалась неспособна организовать оборону. Экономическая и политическая отсталость страны определила и военную отсталость России.

Ещё во время войны стали критиковать порядки, царившие в армии, и всю систему военного управления. Начало этому было положено в записке главнокомандующего гвардейскими и гренадерским корпусами генерал-адъютанта графа Ридигера, представленной Александру II в июне 1855 года. По мнению Ридигера, главная причина постоянных военных неудач заключалась в том, что наиболее важные посты в армии и в военном управлении занимали неспособные люди. Это являлось результатом излюбленной централизации военного управления, отнимавшей инициативу у командиров тех или иных частей войск и принуждавшей их «превращаться в бюро по передаче распоряжений и отчётов»². Вторая причина, по мнению Ридигера, заключалась в забвении начал военного искусства, в увлечении парадами и тонкостями строевого устава, что опять-таки влияло на качество командного состава.

Через несколько дней после подачи записки граф Ридигер представил Александру II перечень мер, которые необходимо было провести для улучшения существующего положения. На основе этой второй записки в середине 1855 г. была создана особая «комиссия для улучшения по военной части» под председательством Ридигера, а затем после его смерти — под председательством его преемника по командованию генерал-адъютанта Плаутина. На комиссию эту были возложены следующие функции: изменить и упростить строевые уставы; улучшить вооружение; ввести в войсках занятия по физической культуре для офицеров и нижних чинов; составить новую программу для летних занятий войск; изменить систему аттестаций офицеров в смысле предъявления к ним больших требований. Несколько позднее на комиссию была возложена также задача — разработать меры повышения общего уровня офицерства, улучшения их материального положения, улучшения пищи солдат и т. д.

Как ни важны и ни своевременны были вопросы, поставленные Ридигером, они всё же не касались основных принципов устройства и организации армии и, естественно, коренных изменений внести не могли.

Д. А. Милютин в своих «Воспоминаниях за 1855 год», признавая полезность работ комиссии Ридигера в области военного устройства, отмечал, что они «вовсе не касались тех основных начал нашей военной си-

¹ Ленин. Соч. Т. XV, стр. 143.

² «Столетие военного министерства 1802—1902». Приложение. Т. I, стр. 20. СПб. 1902. Перевод с французского.

стемы, от которых собственно зависит численная соразмерность вооружённых сил государства в мирное время и в военное, а также степень готовности к войне»¹.

Большой интерес представляет поданная Александру II в 1856 г. записка генерал-адъютанта Глинки 2-го, касавшаяся военных преобразований.

Глинка поставил вопрос о «возвышении в войсках личного достоинства начальствующих лиц и офицеров». Отмечая несовершенство армейских порядков, он особенно напал на систему снабжения армии, которая превращала командиров полков в своеобразных подрядчиков и культивировала вопиющее казнокрадство. В конце записки Глинка решительно говорил о необходимости существенных изменений: «Настала, повидимому, пора приступить к нравственному преобразованию войск и военных управлений, не уступающему по важности своей другим преобразованиям»².

Таким образом, неудачи войны впервые вызвали критику существовавшей системы военного управления и организации армии в военной среде. Значение этой критики станет понятным, если учесть, что, по крайней мере, за 30—35 лет, предшествовавших реформе, никто в официальных документах не высказывал жалоб на несовершенство и недостатки военной системы. В своих всеподданейших докладах военный министр Чернышёв и его преемник князь Долгорукий, ставший военным министром с 1852 г. вплоть до 1855 г., всегда изображали состояние армии в самых радужных красках.

Впрочем, и военные неудачи не изменили, повидимому, точки зрения военного министра, преломившись в его сознании довольно своеобразно. По крайней мере, военное министерство в 1855 г. усиленно занималось лишь одним вопросом — изменением существовавшей формы. Этому посвящены 62 из 282 приказов по военному министерству за 1855 год. Новая форма «существенно» отличалась от старой: так, генералам вместо султана на каску из белого волоса полагался султан из петушиных перьев, вместо летних панталон — шаровары, зимой из красного сукна³.

Е. А. Штакеншнейдер, современница Милютина, родители которой имели в Петербурге литературный салон, писала в своём дневнике за 1855 г.: «Одно только приводит в недоумение, это — беспрестанные перемены форм военных. В Петербурге, кажется, нет двух офицеров одного и того же полка, одинаково одетых: один уже в новой форме, другой ещё не успел её себе сшить, а третий уже в самой новейшей»⁴.

Весной 1856 г. на смену Долгорукому пришёл генерал-адъютант Н. О. Сухозанет 2-й. Типичный представитель николаевского генералитета, крайне невежественный, Сухозанет не был в состоянии понять необходимость коренной реорганизации армии, а тем более возглавить её. Напротив, военный министр всячески противодействовал работе «комиссии для улучшений по военной части»^{*}.

¹ Рукописный отдел Государственной ордена Ленина библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ГБЛ), ф. Д. А. М и л ю т и н а. «Воспоминания». 7812, л. 395.

² «Столетие военного министерства 1802—1902». Приложение. Т. I, стр. 67. СПб. 1902.

³ См. Приказы по военному министерству за 1855 г. Приказ № 60 от 15 марта.

⁴ Штакеншнейдер Е. «Дневник и записки (1854—1886)». Запись 31 декабря 1855 г., стр. 103—104. Academia. 1934.

* Отсутствие ясного мышления и слабое знание русского языка достаточно характеризует собственная деловая записка Сухозанета, хранящаяся в архиве Д. А. Милютина: «Были ли бумаги сии как ето по постановлению следует рассмотрены товарищем моим, и он ли уж сам признал нужным дабы доклад о сих делах был зделан прямо мой директором департамента, таком разе, при присудствии товарища предсавить мне оное по окончании заседания Военного Совета в канцелярии Воен. министерства» (см. Рукописный отдел ГБЛ, ф. Д. А. М и л ю т и н а, 7990, л. 12). Прав был Ермолов, сказавший в своё время о Сухозанете: «Хороший он был бы человек, да в иценках заморён» (см. там же, 7959. Письмо Карцева от 24 марта 1859 г.).

Правда, в целях сокращения расходов по военному ведомству Сухозанет пробовал проводить отдельные преобразования, но ничего из этого не выходило. Что же касается уничтожения в конце 50-х годов военных поселений¹, а также сословия кантонистов, то это было проведено на основе указаний свыше также в целях финансовой экономии и в актив Сухозанета занесено быть не может.

Полковник Карцев, служивший в военном министерстве в тот период, так характеризовал в своём письме к Милютину состояние дел: «Министерство военное решительно разлагается. Из всех задуманных преобразований вышло только одно уничтожение прежнего хоть какого-нибудь порядка»².

Резко отрицательную оценку деятельности Сухозанета даёт и Милютин в своих воспоминаниях: «Все меры, принятые генералом Сухозанетом, имели исключительной целью сокращение военных расходов: то одно, то другое отменялось, упразднялось, убавлялось... всё сделанное в этот период времени носило на себе характер отрицательный. Продолжая идти таким путём, можно было бы довести государство до полного бессилия, в то время, когда все другие державы европейские усиливали свои вооружения»³. Действительно, безопасность государства, особенно ввиду быстрого количественного и качественного роста европейских армий, настоятельно требовала коренной реорганизации русской армии.

Только в 1859 г. Александр II понял необходимость смены Сухозанета. На основе соглашения с Наполеоном III Россия должна была во время франко-австрийской войны выставить на границе с Австрией четыре армейских корпуса. Однако военное министерство не справилось с этим делом: для перевода четырёх корпусов на военное положение ему потребовалось... пять месяцев. Это воочию продемонстрировало полнейшую неспособность военного министра навести порядок в военном управлении и обеспечить правильную организацию армии. Естественно, встал вопрос о подыскании на пост военного министра человека, способного реорганизовать армию и обеспечить надлежащее состояние вооружённых сил страны.

Летом 1859 г. Александр II беседовал в Петербурге с главнокомандующим Кавказской армией князем Барятинским о состоянии военного министерства. Барятинский предложил на пост военного министра начальника штаба Кавказской армии генерала Милютина.

Человек большой культуры и знаний, разносторонне одарённый, Дмитрий Алексеевич Милютин был поистине замечательной личностью, резко выделяясь из среды генералитета. Военную карьеру Милютин начал в 1833 г., поступив по окончании благородного пансиона Московского университета на военную службу, в гвардейскую артиллерию. В том же году, сдав экзамены, Милютин был произведён в офицеры. Через два года, в 1835 г., 19-летний Милютин поступил в военную академию сразу на старший курс, а в 1836 г. успешно закончил её.

Дальнейшая военная карьера Милютина протекает на службе в гвардейском генеральном штабе, затем на Кавказе, куда он был командирован для получения необходимой боевой практики. В середине 40-х годов, после вторичного пребывания на Кавказе, Милютин был назначен профессором военной академии по кафедре военной статистики. Одновременно он вёл большую научную работу, подготовляя многотомное монографическое исследование по истории войны 1799 года.

Научная деятельность Милютина началась, собственно, задолго до

¹ После 1831 г. военные поселения утратили значение вооружённой силы, и отличие военных поселенцев от прочего населения заключалось лишь в выполнении ими специальных повинностей для нужд армии.

² Рукописный отдел ГБЛ, ф. Д. А. М и л ю т и н а, 7959. Письмо от 4 марта 1859 года.

³ Там же, «Воспоминания», 7841, стр. 109.

этого: уже с юношеских лет он упорно работал в области различных наук, опубликовал ряд статей по военным вопросам, математике, физике и механике¹. В середине 50-х годов Милютин был назначен начальником главного штаба Кавказской армии.

Пребывание в университетском пансионе, установившиеся благодаря этому связи и знакомства — всё это было необычно для военных того времени. Близкое знакомство Милютина с Грановским и Панаевым, дружба с Чичериным и Кавелиным, высказывания самого Дмитрия Алексеевича по отдельным политическим вопросам — всё это даёт основание считать, что по своим политическим убеждениям он был представителем либерального направления.

Только человек большого ума и эрудиции, решительный и вместе с тем независимого образа мысли, каким был генерал Милютин, мог осуществить ту огромную задачу, которая стояла перед военным министерством: реорганизовать всю систему военного управления и организации армии.

30 августа 1860 г. Милютин был назначен товарищем военного министра. Но Сухозанет, ревниво оберегая свои права, не допускал его к руководству ни одной отраслью военного управления. «Служебное моё положение было совершенно ненормальное, — рассказывал Милютин в своих «Воспоминаниях». — Почти устранённый от дел министерства, я оставался лишь безучастным слушателем ежедневных докладов генерала Сухозанета государю»².

В мае 1861 г. Милютин вступил в управление министерством в связи с назначением Сухозанета исполняющим должность наместника Царства Польского, а 9 ноября того же года состоялось утверждение Милютина в должности военного министра. С этого момента во всей деятельности министерства произошёл резкий перелом. «С назначением меня военным министром, — говорит Милютин, — я счёл своей обязанностью немедленно же заняться составлением общей программы предстоявшей мне деятельности. Составление такой программы потребовало всестороннего пересмотра и обсуждения всех частей нашего военного устройства»³.

Действительно, к разработке этой широкой программы было привлечено всё министерство: почти ежедневно Милютин устраивал различные совещания, на которых обсуждались те или иные вопросы намечавшихся преобразований. Для разрешения более серьёзных вопросов создавались особые комиссии. Каждый желающий мог представлять свои замечания и проекты. «Правда, — замечает Милютин, — что я был завален множеством разнообразных записок и проектов, из которых только немногие оказывались к чему-нибудь пригодными, но этим средством возбуждена была в министерстве живая деятельность, общее участие в предпринятой работе»⁴.

Разработкой вопросов организации армии занималась особая комиссия, в которую все департаменты должны были представить свои соображения о тех или иных нуждах и недостатках. Ближайшими помощниками Милютина в этой большой работе были Ф. Г. Устрялов, обладавший большими познаниями и опытом в вопросах военного законодательства, ранее занимавший должность редактора «Свода военных постановлений», и В. М. Аничков, полковник генерального штаба и профессор военной академии по кафедре военной администрации. Несколько позднее большое

¹ Первая книга Милютина «Руководство к съёмке планов с приложением математики» была издана в 1831 г., когда её автору было 15 лет.

² Рукописный отдел ГБЛ, ф. Д. А. Милютин. «Воспоминания», 7840, стр. 107—108.

³ Там же, 7841, стр. 111—113.

⁴ Там же, стр. 111.

участие в военных преобразованиях принимал профессор военной академии Н. Н. Обручев. В результате огромной, напряжённой работы общая программа преобразований и улучшений по всем частям военного ведомства была готова менее чем в двухмесячный срок и 15 января 1862 г. уже представлена Александру II в форме всеподданнейшего доклада. Этот доклад, утверждённый Александром II в конце января, и явился программой действий Милютина.

Главная задача этой программы заключалась в создании вполне современной массовой армии, способной служить надёжной защитой государства от внешних врагов. Рост милитаризма во всех странах, а особенно в Пруссии, обуславливался тем обстоятельством, что 60-е годы явились кануном новой эпохи, когда противоречия между отдельными странами особенно обострились.

В основу новой организации армии Милютин положил следующий принцип: «Развивать в наибольшей соразмерности боевые силы в военное время, при наименьшем числе наличных войск в мирное время»¹. Новый министр прекрасно понимал, что с отменой крепостного права создаётся возможность для организации такой массовой армии.

Одной из первых реформ Милютина явились реорганизация системы центрального военного управления и создание местных территориальных органов в виде военных округов. «Общая мысль этого преобразования, — говорил Милютин, — состояла в том, чтобы привести всё здание в стройный вид и упростить весь сложный механизм его, а для этого признано было полезным слить вместе части, однородные по кругу действий, и уничтожить лишние наросты, которые в течение времени образовались более или менее случайно, без всякого плана»².

Действительно, вместо архаической, бессистемной организации военного министерства, в результате преобразования его по «Положению 1867 года», была создана стройная и чёткая система центрального военного управления. Вместо упомянутых выше департаментов были созданы главные управления, ведавшие целиком той или иной отраслью. Так, департамент генерального штаба и инспекторский были объединены в главный штаб, в круг деятельности которого вошли все вопросы строевого устройства войск, личного состава, боевой подготовки и т. д. Провиантский и комиссариатский департаменты слились в одно главное интендантское управление. Артиллерийский и инженерный департаменты, ведавшие лишь хозяйственными вопросами, были преобразованы в главные управления и полностью возглавили руководство артиллерийским и инженерным ведомствами. Существовавшие параллельно должности генерал-фельдцейхмейстера и генерал-инспектора инженерной части с их штабами были упразднены. Штаб главного начальника военно-учебных заведений, ранее существовавший независимо от военного министра, был уничтожен, а его функции переданы военному министерству, и с этой целью образовано главное управление военно-учебных заведений. Медицинский департамент также был превращён в главное медицинское управление, аудиторiatский — в главное военно-судное управление. В результате реформы аппарат военного министерства сократился почти на тысячу человек, канцелярская переписка уменьшилась на 45%.

Одновременно на местах были созданы военные округа. Вся территория России была разделена на 15 военных округов. Каждый округ являлся одновременно и органом строевого управления войсками и органом местного военно-административного устройства, сосредоточивая в себе все функции военного управления и представляя собой как бы военное

¹ Рукописный отдел ГБЛ, ф. Д. А. М и л ю т и н а. «Воспоминания», 7841, стр. 122.

² «Вестник Европы» № 1 за 1881 г., стр. 13.

министерство в местном масштабе. Управления военного округа — артиллерийское, инженерное, интендантское, военно-медицинское — подчинялись, с одной стороны, начальнику округа — командующему войсками, а с другой — соответствующим главным управлениям военного министерства.

Военно-окружная система имела ряд крупных преимуществ. Устранялась излишняя централизация управления — один из основных недостатков дореформенной военной администрации. На военное министерство возлагались лишь общее руководство и контроль над деятельностью округов. А главное, военно-окружная система создавала большие преимущества в деле оперативного руководства войсками и обеспечивала быструю мобилизацию их. Кроме того в случае войны военно-окружное управление могло быть чрезвычайно легко превращено в штаб действующей армии, что было особенно важно для пограничных округов. При такой системе становилось излишним существование действующей армии в мирное время. В 1862 г. она была ликвидирована, а вместо неё были созданы первые военные округа: Варшавский, Виленский и Киевский. Вместе с тем было уничтожено деление войск на корпуса; высшей тактической единицей стала дивизия.

Уничтожение корпусов диктовалось необходимостью достигнуть большей подвижности армии, к тому же практика показывала, что существовавшие в мирное время корпуса почти полностью обновляли свой состав с начала войны, укомплектовывались другими частями войск, что не оправдывало их существования в мирных условиях.

Таким образом, реорганизацией военного министерства и созданием военных округов были устранены крупнейшие недочёты в системе военного управления и тем самым обеспечена относительно чёткая организация военного ведомства.

В связи с этой реформой было разработано новое положение по управлению войсками во время войны — «Положение о полевом управлении войск в военное время 1868 года». По сравнению с предшествующим Уставом 1846 года, оно уточняло функции главнокомандующего, освобождаемого от руководства второстепенными, административными вопросами, и предусматривало координацию деятельности штаба главнокомандующего с военно-окружными управлениями. Но и это «Положение», в принципе правильно решая основные вопросы полевого управления, страдало одним существенным недостатком: в нём слабо был разработан раздел об устройстве тыла армии, что вызвало во время войны 1877—1878 гг. ряд серьёзных трудностей. В дальнейшем в это «Положение» были внесены некоторые изменения на основе опыта франко-прусской войны 1870—1871 годов.

Одновременно проводилась огромная работа и в области устройства армии. В своём докладе от 15 января 1862 г. Милютин отмечал, что основная задача — создание необходимых резервов.

На 1 января 1862 г. в регулярных войсках числилось по штатам 798 194 человека, по штатам же военного времени это количество следовало увеличить до 1400 тыс. человек. Однако в действительности, пишет Милютин в своих «Воспоминаниях», «мы не имели в готовности ни запаса людей, ни запаса вещевого, нужных для приведения наших вооружённых сил в предположенный штатами военный состав»¹. Для перевода войск на военное положение требовалось призвать из запаса 612 тыс. человек, а имелось налицо всего 210 тысяч. Таким образом, армия могла увеличиться всего на 25%, но и для этого развёртывания не хватило бы

¹ Рукописный отдел ГБЛ, ф. Д. А. Милютин, «Воспоминания», 7841, стр. 117.

ни подготовленного офицерского состава, ни запасов материального обеспечения. Неудовлетворительное состояние русской армии того времени особенно резко выступало при сопоставлении её с западноевропейскими армиями, где соотношение сил складывалось так:

Таблица 1¹

Страны	Численность армии		Отношение численности армии мирного и военного времени
	В мирное время	в военное время	
	(в тысячах)		
Франция	400	800	1 : 2
Австрия	280	625	1 : 2,2
Пруссия	200	695	1 : 3,4

Указанное увеличение армий этих стран было действительно обеспечено необходимым количеством обученного людского запаса.

Милютин исходил из принципа наибольшего сокращения армии в мирное время при наибольшем увеличении его в условиях войны, но он понимал невозможность вкоре изменить систему призыва в силу существовавшего сопротивления. Поэтому Милютин в своём докладе предложил довести ежегодный контингент рекрутов до 125 тыс.; при условии увольнения людей в отпуск на седьмом—восьмом году службы это создало бы в течение семи лет резерв обученного запаса в 750 тыс. человек. «На первый раз я не решился предложить слишком значительное сокращение установленного... срока службы², чтобы не поднять тревогу в нашей военной среде, — писал Милютин, — предложение же моё увольнять нижних чинов во временный отпуск ранее выслуги срока никого не пугало»³.

В том же докладе от 15 января 1862 г. был поставлен вопрос об изменении существовавшего рекрутского устава. «В программу мою входило, — писал Милютин, — как неразрывное условие, коренное изменение самого порядка рекрутских наборов... Для пересмотра рекрутского устава я предложил образовать особую комиссию из представителей разных министерств и указывал некоторые меры к облегчению тяжёлой воинской повинности для народа, в том числе распределение рекрутов по возможности в ближайшие от их родины части войск и привлечение к отбыванию этой повинности большей части населения, т. е. ограничение существовавших многочисленных льгот и изъятий для разных классов и групп населения»⁴.

Таким образом, уже в 1862 г. Милютин сделал первые шаги к введению всеобщей воинской повинности, однако осуществить её оказалось довольно трудно, — только особые обстоятельства внешнеполитического порядка заставили Александра II согласиться на это.

Намеченные в докладе 1862 г. меры комплектования войск хотя и не могли обеспечить создания массовой современной армии, но всё же принесли ощутимые результаты: к 1870 г. запас вырос до 553 тыс. человек вместо 210 тыс. в 1862 году.

Большие изменения внёс Милютин в принцип развёртывания армии: если ранее увеличение армии в случае войны достигалось формированием новых тактических единиц — полков и дивизий, — то отныне оно осуществлялось увеличением штата существующих в мирное время войсковых частей. С этой целью Милютин довёл количество дивизий с 31 до 47, установив сокращённый состав их в мирное время. Если штаты военного

¹ Всеподданнейший доклад по военному министерству 15 января 1862 года. «Столетие военного министерства». Приложение к историческому очерку развития военного управления в России. Т. I, стр. 75. СПб. 1902.

² В 1859 г. срок действительной службы был сокращён до 12 лет.

³ Рукописный отдел ГБЛ, ф. Д. А. М и л ю т и н а. «Воспоминания», 7841, стр. 126.

⁴ Там же, стр. 127.

времени принять за 100, то штат мирного времени составлял 55%, а так называемый кадровый, т. е. сокращённый, штат — 35%. Таким образом, при наличии всех войсковых частей в мирное время в случае войны кадровую армию можно было легко увеличить почти втрое, не прибегая к новым формированиям, что было крайне важно, особенно с точки зрения быстроты развёртывания.

Много было сделано Милютиным в области подготовки офицерского состава. Милютин этому вопросу уделял исключительно большое внимание и заботу. Прежде всего была проведена реформа кадетских корпусов, которые состояли из общеобразовательных и специальных классов. Такое совмещение в одном учебном заведении и общего и специально военного образования отрицательно сказывалось на качестве преподавания. В середине 60-х годов специальные классы кадетских корпусов, за исключением Пажеского корпуса, были уничтожены и вместо них созданы военные училища, в которые принимались лица, имеющие среднее образование. Кадетские корпуса были переименованы в военные гимназии, представлявшие собой среднее учебное заведение с программой, приближающейся к курсу реальной гимназии. Милютин придавал огромное значение постановке преподавания и воспитания в военных гимназиях. Об этом свидетельствует следующая запись в дневнике Милютина за 30 марта 1876 г.: «В прошлом году в «Журнале министерства народного просвещения» обратила моё внимание статья об испытаниях выпускных воспитанников гимназии; в этой статье были, между прочим, указаны и темы, которые задавались по разным предметам преподавания и решение которых обуславливало получение свидетельства зрелости. Мне пришла мысль сделать опыт в военных гимназиях: насколько наши воспитанники развиты, чтобы решить удовлетворительно такие же задачи. Для этого я распорядился, чтобы из старшего (7-го класса) первой и второй военных гимназий и пажеского корпуса отобрана была четвертая часть воспитанников, лучших по баллам, чтобы в назначенный мною день и час они были собраны в одном из заведений и в моём присутствии решили одну и ту же задачу из каждой части гимназического курса математики... Вчера вечером мне были доставлены эти работы, и сегодня немало стоило мне труда пересмотр целой пачки испещрённых цифрами и фигурами листков. Я имел терпение исполнить эту самую скучную работу и написать подробную рецензию... Сегодня же назначено было воспитанникам тех же заведений писать сочинение на данную мною тему: «Географическое и историческое значение Средиземного моря»¹.

В результате заботы Милютина качество преподавания и воспитания в военных гимназиях значительно повысилось, а после реформы гр. Толстого в области так называемого «классического образования» военные гимназии оказались лучшими среднеучебными заведениями в России. Воспитанники военных гимназий составляли в основном контингент поступающих в военные училища, которые в свою очередь ежегодно выпускали около 600 офицеров. Это было явно недостаточно для пополнения командного состава армии, и Милютин создал ещё один вид военно-учебных заведений — юнкерские училища. Для поступления в юнкерские училища уже не требовалось среднего образования, а только знания в объёме примерно четырёх классов среднеучебного заведения. В юнкерских училищах с двухгодичным сроком обучения преподавались наряду со специальными предметами также и общеобразовательные: математика, физика, химия и т. д. Ежегодно из юнкерских училищ выпускалось около 2 тысяч офицеров.

Таким образом, если ранее командный состав комплектовался преимущественно из безграмотных дворянских недорослей, знавших лишь строевые уставы, то после реформы для получения офицерского звания требовалось окончить либо военное, либо юнкерское училище.

¹ Рукописный отдел ГБЛ, ф. Д. А. М и л ю т и н а. Дневник, 7853, стр. 75—77.

Качество высшего военного образования также значительно улучшилось. Коренным образом были пересмотрены планы, программы. Помимо трёх академий: генерального штаба, артиллерийской и инженерной — была открыта четвёртая — военно-юридическая.

Большая работа была проведена и в области внутренней организации и обучения войск. В своём докладе от 15 мая 1862 г. Милютин писал: «Совершенствование дела армии основано преимущественно на образовании единиц, её составляющих, на развитии их природных способностей, не только физических, но и умственных»¹.

Милютин пытался совершенно изменить принцип обучения солдат, возродив суворовское положение: обучать лишь тому, что нужно для войны. В этих целях большое внимание уделялось физическому воспитанию солдат, подготовке их к трудным условиям боевой службы. В войсках введено было преподавание гимнастики и фехтования. Стрелковое образование, развитие искусства стрельбы в цель, получило большое распространение. Подготовка меткого стрелка придавалось исключительное значение.

Строевое обучение войск тоже значительно изменилось. Опыт Крымской кампании и задачи подготовки солдата для войны заставили отменить «нормальные боевые порядки», т. е. боевое построение сомкнутым строем. В середине 60-х годов был разработан новый воинский устав о строевой пехотной службе.

Однако в этом вопросе Милютину приходилось преодолевать большие трудности: слишком глубоко вкоренились традиции плацпарадов, особенно на протяжении последних 30—40 лет.

«К сожалению, Государь, — пишет Милютин в своих «Воспоминаниях», — имея склонность к поддержанию прежних традиций, хотя и радовался успехам войск в настоящем тактическом образовании, в то же время однако требовал и строгого соблюдения стройности и равнения на церемониальном марше, точного соблюдения на разводах, церковных парадах и других церемониях всей прежней мелочной формалистики. Одно какое-нибудь замечание Государя за пустую ошибку уставную или за неровность шага, недостаточно «чистое» равнение — парализовало все старания придать обучению войск новый характер, более соответственный истинной пользе и условиям войны»².

Большое значение придавал Милютин распространению грамотности среди солдат и всестороннему повышению их культурного и нравственного уровня, считая, что всё это должно «вести к сознательному исполнению ими воинских обязанностей». Обучение грамоте, издание специальных солдатских журналов — «Солдатской беседы» и «Чтения для солдат», — организация полковых и ротных библиотек и, наконец, отмена телесных наказаний — всё это заслуга Милютина. По его наблюдениям, меры эти достигали своей цели. «В среде нижних чинов, — рассказывает он в своих «Воспоминаниях», — также заметны были большие успехи в умственном развитии и распространении грамотности... Вместе с тем принимались меры для возможного поднятия нравственного уровня, так сказать, для облагораживания солдата и для улучшения его домашней обстановки. В этих видах старался я, между прочим, поощрять заведение в полках «чайных» и читален, чтобы отвлечь солдата от кабака, пьянства и других грубых развлечений»³.

¹ «Столетие военного министерства 1802—1902 гг.». Т. I, стр. 92.

² Руксписный отдел ГБЛ; ф. Д. А. Милютин. «Воспоминания», 7850, стр. 296—297.

³ Там же, 7851, стр. 171—172.

Милютин также всемерно содействовал распространению в офицерской среде военных знаний, повышению общей культуры офицера. Во всех военных академиях, а также при штабах полков и дивизий в определённые дни недели читались лекции по различным вопросам военных знаний. В офицерских собраниях отводились специальные дни для бесед и чтений на военные темы, а также для «военных игр».

Полковое хозяйство также подверглось реорганизации. Раньше всем полковым хозяйством бесконтрольно ведал командир полка. Для ликвидации казнокрадства и всякого рода злоупотреблений была проведена коренная реформа: к разрешению хозяйственных вопросов в полках привлечён ряд ответственных лиц офицерского состава, налажена правильная отчётность, часть провианта поручено заготавливать интендантству в централизованном порядке.

Большое внимание уделялось Милютиным вопросу перевооружения армии. По окончании Крымской войны, с 1857 г., производилось перевооружение пехоты: вместо существовавших семилинейных гладкоствольных и нарезных ружей вводилась шестилинейная заряжающаяся с дула винтовка. Артиллерия стала переходить к орудиям с нарезными стволами, также заряжаемым с дула. Разрабатывался вопрос о замене деревянных лафетов железными.

В 1866 г. благодаря энергичным мерам военного министерства эта работа была закончена: в пехоте ввели шестилинейную винтовку, в артиллерии — медные нарезные пушки. Однако развитие военной техники в Европе ещё шагнуло вперёд: нарезное оружие, заряжающееся с дула, к тому времени уже устарело. Опыт австро-прусской войны 1866 г. поставил вопрос о необходимости перехода к оружию, заряжающемуся с казённой части, перехода от медных пушек к стальным.

Отсталость отечественной военной промышленности, с одной стороны, и отсутствие средств для приобретения новых видов вооружения за границей — с другой, крайне тормозили дело перевооружения и мешали Милютину добиться сколько-нибудь существенных результатов. Милютину приходилось непрерывно вести борьбу с министерством финансов, отстаивая требуемые им ассигнования на перевооружение армии, причём, как правило, он никогда полностью не получал этих сумм. Учтя невозможность произвести замену существующего оружия новым, военное министерство наладило переделку существующих винтовок в скорострельные, заряжающиеся с казённой части, а также частичное изготовление новых винтовок. Дело перевооружения осложнялось ещё и тем, что военное министерство долго не могло остановиться на определённой системе винтовки, — за границей появлялись всё более совершенные виды оружия. Так, в 1866 г. начинается переделка винтовок в скорострельные, капсюльные, по системе Терри-Нормана, в конце же года отдаётся предпочтение винтовке системы Карля, отличавшейся скорострельностью и прочностью устройства.

В конце же 60-х годов принимается на вооружение мелкокалиберная винтовка Бердана № 2, отличавшаяся несомненными преимуществами: наибольший прицел достигал 1500 шагов при очень большой силе удара — на расстоянии 4 тыс. шагов пуля пробивала дюймовую доску. Эта винтовка американского образца была значительно реконструирована командированными в Америку русскими офицерами Горловым и Ганиусом, вследствие чего и получила в Америке наименование русской, представляя собою наилучший образец из всех существовавших там систем оружия.

Переделка же шестилинейных винтовок производилась по системе Крынка. Винтовка Крынка обладала наибольшим прицелом на 1200 шагов и заряжалась с казённой части. Таким образом, на вооружении име-

лись винтовки различных систем, что создавало огромные неудобства и снижало качество технической вооружённости русской армии.

При перевооружении армии министру приходилось преодолевать многочисленные трудности. Большим препятствием, вспоминает Милютин, было «вмешательство в это дело, под эгидою наследника цесаревича, людей неспециальных, вовсе незнакомых с техникой оружейного дела, и взявшихся за переделку наших ружей по какой-то случайно попавшейся им в руки неиспытанной системе»¹. Вокруг наследника увивались алчные и ловкие дельцы с одной только целью: как бы побольше нажить на поставках оружия. Они при поддержке своего высокопоставленного, но невежественного покровителя принесли большой вред делу перевооружения армии.

Милютин придавал большое значение развитию отечественной военной промышленности, понимая, что только наличие её может обеспечить должное состояние вооружённых сил. В одной из своих резолюций относительно приобретения ружей за границей он писал: «Россия — не Египет, не папские владения, чтобы ограничиться покупкой ружей за границей на всю армию. Мы должны устроить свои заводы для изготовления в будущем наших ружей»².

Милютин провёл реорганизацию оружейных заводов (Тульского, Сестрорецкого и Ижевского), и это дало возможность к середине 70-х годов наладить производство и переделку винтовок. Если в 1873 г. все три завода изготовили 10 564 винтовки, то в 1876 г. — 194 тыс., а в 1877 г. — 352 тыс.³ Однако эта работа шла медленно и с большими трудностями, связанными с общей промышленно-экономической отсталостью страны и отсутствием необходимого количества хорошо технически оснащённых военных заводов. Поэтому одновременно делались большие заказы и за границей по изготовлению винтовок Бердана № 2.

Во второй половине 70-х годов перевооружение пехоты винтовками, заряжающимися с казённой части, было закончено. Однако лучшими винтовками системы Бердана № 2 было вооружено менее трети войск, остальные — менее совершенными ружьями системы Крынка и Карля. Только после русско-турецкой войны, в 1879 г., вся армия получила винтовки Бердана № 2.

Артиллерия к тому времени была снабжена стальными и частью медными (бронзовыми) пушками на железных лафетах, заряжающимися с казённой части. Тяжёлые орудия для крепостной артиллерии приобретались за границей, главным образом на заводах Круппа.

Смелая реформаторская деятельность Д. А. Милютина вызывала большое недовольство в реакционных правительственных кругах. Буквально невыносимым стало положение Милютина в 1866 г., в связи с резким усилением реакционного курса правительства. «Наступившая после 4 апреля реакция, — пишет Милютин, — отозвалась весьма невыгодно и на личном моём положении. Я стал в странном отношении к моим коллегам, составляя как бы оппозицию в самом составе правительства»⁴.

Действительно, с 1866 г., после увольнения министра народного просвещения Головина, Милютин оставался единственным представителем либерального направления в правительстве. В представлении шефа жан-

¹ Рукописный отдел ГБЛ, ф. Д. А. Милютина. «Воспоминания», 7849, стр. 183.

² Резолюция Милютина на рапорте ген. Горлоза от 21 сентября 1870 года. Цит. по Фёдорову В. «Вооружённые силы русской армии в XIX столетии», стр. 237. СПб. 1911.

³ «Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича, 1855—1880 г.». Т. VI, стр. 227. СПб. 1881.

⁴ Рукописный отдел ГБЛ, ф. Д. А. Милютина. «Воспоминания», 7847, стр. 259—260.

дармов Шувалова и министра внутренних дел Тимашева Милютин являлся чуть ли не революционером, которого надлежит во что бы то ни стало убрать. Особенно пошатнулось положение Милютина в конце 1866 г.; появились упорные слухи об его отставке.

Однако подобрать на пост военного министра кандидата, способного возглавить реорганизацию армии, не удалось, и Александр II не решился дать отставку Милютину. В 1868 г. Шувалов и Тимашев снова повели яростную кампанию против Милютина. Они представили Александру II доклад о вредном направлении газеты военного министерства «Русский инвалид». На страницах газеты, фактически редактируемой Милютиным, защищались реформы начала 60-х годов и подчас резко критиковались статьи ультрареакционной «Северной почты», издававшейся министерством внутренних дел.

«Недовольные «Инвалидом» представляли несообразность одновременного существования двух официальных изданий, полемизирующих друг против друга; говорили, что военный министр ведёт свою особую политику. Упрёки эти были бы совершенно основательны, если бы в нашем правительстве было бы одно определённое направление, но замечательно, — замечает Милютин, — что у нас при самодержавии действительно каждый министр проводил свои взгляды. Реакционные замыслы гр. Шувалова представляли в моих глазах столь же мало авторитета, как и ксенополитические теории Валуева, или неопределённые блуждания всякого другого министра»¹.

Совет министров, обсудив вопрос, прекратил издание газеты «Русский инвалид». Правда, через некоторое время выпуск её был возобновлён, но уже в виде узко ведомственной газеты.

В том же году реакционная печать начала поход против всех преобразований Милютина. На страницах газеты «Весть» военный писатель Р. А. Фадеев в ряде статей критиковал с реакционных позиций всю деятельность Милютина. В начале 70-х годов Фадеев и генерал Черняев в газете «Русский мир» вели систематическую травлю Милютина. Политическая направленность этой борьбы станет вполне ясной, если привести следующее суждение Фадеева, высказанное им в письме к Ю. Ф. Самарину: «Продолжающееся царство Милютина, которое есть чистейший остаток банды, выстроившей Россию 1861 года, о благонамеренности которой Вы считаете возможным говорить так громко»².

Кампания, поднятая против реформ Милютина, представляла собою одно из проявлений борьбы крепостников, которые стремились воспрепятствовать превращению России в буржуазную монархию и, следовательно, русской армии — в современную буржуазную армию.

Лучшие представители общества прекрасно понимали сущность кампании против Милютина. Недаром эта борьба нашла отклик в стихотворении Некрасова «Современники». Напомним и строки, озаглавленные «Военный спор»:

Военный пир... военный спор...
 Не знаю, кто тут триумфатор
 Аничков — вор. Мордвинов — вор³.
 Кричит зарвавшийся оратор:
 Милютин ваш не патриот,
 А просто карбонарий ярый,
 Куда он армию ведёт?..

¹ Рукописный отдел ГБЛ, ф. Д. А. Милютина. «Воспоминания», 7847, стр. 263.

² Рукописный отдел ГБЛ, ф. Самариных, 7/76, 18, 205; письмо Фадеева к Ю. Ф. Самарину от 4 сентября 1875 года.

³ Аничков — профессор военной академии, Мордвинов — начальник канцелярии военного министерства. Оба — ближайшие сотрудники Милютина.

Нет, лучше был порядок старый!
Солдата в палки ставь, и знай,
Что только палка бьёт пороки! ¹

Действительно, в представлении крайних реакционеров вся деятельность Милютина казалась чуть ли не революционной, посягающей на основы существующего порядка. Однако эта борьба, естественно, являлась лишь борьбою внутри господствующего класса «исключительно из-за меры и формы уступок» ². Милютин, будучи либералом и стремясь к превращению русской армии в армию буржуазную, вместе с тем никогда не отваживался на решительный разрыв с реакционерами. «Либералы,— писал Ленин,— были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. Либералы ограничиваются поэтому «борьбой за реформы», «борьбой за права», т. е. дележом власти между крепостниками и буржуазией» ³. Это классическое определение сущности русского либерализма великолепно характеризует всю деятельность Милютина, одного из наиболее горячих сторонников буржуазных реформ и вместе с тем яркого и наиболее умного противника революционно-демократического движения в стране.

Для характеристики политических взглядов Милютина небезынтересно привести следующую запись в его дневнике от 20 апреля 1879 года:

«Нельзя не признать, что всё наше государственное устройство требует коренной реформы, снизу доверху. Как устройство сельского самоуправления, земства, местной администрации уездной и губернской, так и центральных и высших учреждений — всё отжило свой век, всё должно бы получить новые формы, согласованные с великими реформами, совершёнными в 60-х годах. К крайнему прискорбию, такая колоссальная работа не по плечам теперешним нашим государственным деятелям, которые не в состоянии подняться выше точки зрения полицмейстера или даже городского. Высшее правительство запугано дерзкими проявлениями социалистической пропаганды за последние годы и думает только об охранительных, полицейских мерах, вместо того, чтобы действовать против самого корня зла. Появилась зараза — и правительство устраивает карантинное оцепление, не предпринимая ничего для самого лечения болезни. Высказывая эти грустные мысли, невольно задаёшь самому себе вопрос: честно ли ты поступаешь, храня про себя эти убеждения, находясь в самом составе высшего правительства? Часто, почти постоянно гнетёт меня этот вопрос, но что же делать? — Плетью обуха не перешибёшь; я был бы Дон-Кихотом, если бы вздумал проводить взгляды, совершенно противоположные существующим в той сфере, среди которой вращаюсь; взгляды эти сделали бы невозможным моё официальное положение и не принесли бы ровно никакой пользы делу; я убеждён, что теперешние люди не в силах не только разрешить предстоящую задачу, но даже и понять её» ⁴.

Эти сокровенные мысли Милютина являются блестящей характеристикой его же собственного либерализма.

Говоря о борьбе вокруг военной реформы, необходимо остановиться на роли фельдмаршала кн. Барятинского (в своё время рекомендовавшего Милютина на пост военного министра) в этой борьбе. Барятинский, соб-

¹ Некрасов. Полное собрание стихотворений, стр. 255. Огиз. 1934. 7-е изд.

² Ленин. Соч. Т. XV, стр. 143.

³ Там же, стр. 144.

⁴ Рукописный отдел ГБЛ, ф. Д. А. Милютина. Дневник, 7825, лл. 40—41. Важно отметить, что приведённые строки имеются лишь в черновике дневника, на полях которого против этих рассуждений рукою Милютина написано: «выпустить». Действительно, в переписанном на белом экземпляре они отсутствуют.

ственно говоря, и возглавил всю кампанию против Милютина, причём руководствовался он не только политическими, но и личными соображениями. В конце 50-х годов, ещё будучи на Кавказе, Барятинский задумал реорганизовать армию по прусскому образцу, согласно которому руководство всей армией должно принадлежать императору, а фактически — начальнику генерального штаба. Военное же министерство устранялось от непосредственного руководства войсками и ведало лишь военно-административными вопросами. На должность начальника генерального штаба претендовал сам Барятинский, военным министром он рекомендовал Милютина. Когда же Милютин стал самостоятельно и решительно проводить задуманные им преобразования, шедшие вразрез с планами Барятинского, последний превратился в заклятого врага военного министра.

Реорганизация войск, проведённая Милютиным в период 60-х годов, всё же не обеспечивала создания массовой армии вследствие ограниченности контингента призываемых. Для этого требовалось решительно изменить всю систему набора в армию, а также увеличить финансовые ассигнования на военные нужды. И то и другое было связано с большими трудностями и вызывало сильное противодействие со стороны правительственных кругов.

Однако внешнеполитические причины: быстрый рост западноевропейских армий, а главное, результаты франко-прусской войны — очень помогли Милютину предпринять дальнейшие шаги в области намеченных преобразований. «Война франко-прусская, — рассказывает Милютин, — произвела сильное впечатление во всей Европе... Тогда поняли у нас, как несвоевременно было заботиться исключительно об экономии, пренебрегая развитием и совершенствованием наших военных сил. Заботы о сокращениях и сбережениях отодвинулись на задний план, заговорили о том, достаточны ли наши вооружённые силы для ограждения безопасности России в случае каких-либо новых политических пертурбаций в Европе»¹.

Воспользовавшись благоприятной обстановкой, Милютин вновь поставил вопрос об увеличении численности войск, а также о разработке нового устава о личной воинской повинности, имея в виду всемерно расширить контингент населения, подлежащего призыву.

Большую помощь в этом вопросе оказал Милютину бывший министр внутренних дел, член Государственного совета Валуев. Проведя лето 1870 г. за границей, Валуев явился свидетелем молниеносного разгрома Франции и под впечатлением этих событий высказал Милютину мысль о целесообразности введения всеобщей воинской повинности. «Я отвечал ему, — рассказывает Милютин, — что, без сомнения, такое решение вопроса было бы самым рациональным, но что едва ли можно рассчитывать на успех, если инициативу подобного предложения приму я на себя: достаточно моего имени в этом предложении, чтобы оно было признано новой революционной мерой. Я убедил Валуева изложить письменно его мысли и представить их государю от своего имени»².

Действительно, несколько дней спустя Валуев передал Милютину свою записку, озаглавленную «Мысли невоенного о наших военных силах», в которой он, ссылаясь на события в Западной Европе, ставил вопрос о необходимости увеличения вооружённых сил на основе введения всеобщей воинской повинности. Записка Валуева, представленная Александру II и одобренная им, дала возможность Милютину приступить к разработке плана дальнейших преобразований.

В этом плане, принятом Александром II, Милютин ставил следую-

¹ Рукописный отдел ГБЛ, ф. Д. А. Милютин. «Воспоминания», 7850, стр. 89—90.

² Там же, 7850, стр. 94—95.

щую задачу — на основе введения всеобщей воинской повинности и сокращения сроков службы значительно увеличить возможности развертывания армии в случае войны. Для этого предполагалось сформировать 30 резервных дивизий, комплектуемых во время войны обученными кадрами, находящимися в запасе; кроме того для пополнения убыли на войне создать запасные войска и с этой целью в военное время в каждом полку сформировать четвёртый — запасный — батальон.

Для разработки предложенных мер были созданы две комиссии: одна по вопросу введения всеобщей воинской повинности, другая — по созданию резервных и запасных войск, а также и реорганизации ополчения.

Таким образом, только внешнеполитические события дали возможность Милютину приступить к осуществлению своих заветных планов — подготовке устава о воинской повинности. Для того чтобы охарактеризовать отсталость России и в этом вопросе, достаточно сказать, что во Франции всеобщая воинская повинность была введена в 1796 г., в Пруссии — в 1814 году.

Разработка и утверждение проекта закона о воинской повинности потребовали от Милютина больших трудов, и только его энергия и мужественная защита проекта обеспечили проведение закона в жизнь. Реакционеры всех мастей, вплоть до «Московских ведомостей», выступили против нового закона, усматривая в нём ущемление прав дворянства. Особенно ожесточённая борьба происходила при обсуждении проекта, а также и манифеста о введении воинской повинности в Государственном совете, где главным противником реформы выступил министр народного просвещения гр. Толстой.

«Заседание Государственного совета, — записал 3 декабря 1873 г. в своём дневнике Милютин, — было весьма оживлённое и продолжительное. Это был только приступ к прениям о воинской повинности. Как надобно было ожидать, главным оппонентом явился опять гр. Толстой. За несколько дней до заседания он разослал членам Государственного совета длиннейшую записку, в которой развивает новые свои затеи по вопросу о льготах по образованию. Записка эта переполнена самыми натянутыми справками, извращёнными цитатами, подтасованными цифрами и невозможными предположениями. Говорят, что она составлена и привезена из Москвы Катковым... Многие из членов (Государственного совета. — П. З.) громко подсмеивались над тем, что два министра обменялись ролями: министр народного просвещения как будто только и заботился о лучшем составе армии и в особенности корпуса офицеров, жертвуя с самоотвержением всеми выгодами просвещения и другими интересами государственными. Военный же министр защищал народное просвещение и высшее образование. Мало того, шеф жандармов, стоящий во главе аристократической партии, клонил к тому, чтобы вся высшая и образованная молодёжь поголовно была бы привлечена к военной службе и чтобы в случае войны легла целиком на поле битвы: представитель же военного ведомства защищал эту бедную молодёжь и желал сохранить её для разных поприщ гражданской деятельности»¹. Таким образом, министр народного просвещения гр. Толстой выступал решительным противником предоставления льгот по образованию.

1 января 1874 г. был издан устав о воинской повинности. По этому закону, воинскую повинность должно было отбывать всё мужское население, достигшее 20 лет, без различия сословий. Ввиду того что контингент ежегодно призываемых был всё же значительно меньше подлежащих призыву, часть призывников определялась на действительную службу с последующим перечислением в запас армии, а затем в ополчение, другая же часть зачислялась прямо в ополчение. Вопрос этот определялся,

¹ Рукописный отдел ГБЛ, ф. Д. А. Милютин. Дневник, 7852, стр. 68—69.

во-первых, льготами по семейному положению, — такие лица большей частью освобождались от действительной военной службы; во-вторых, для прочих призываемых — жеребьёвкой.

Льготы по семейному положению устанавливались трёх разрядов: первый — для единственных сыновей, второй — для старшего сына при наличии братьев моложе 18 лет, третий — для лица, непосредственно следующего по возрасту за братом, находящимся на действительной военной службе. Срок действительной военной службы устанавливался в 6 лет.

Большие льготы предоставлялись по образованию: срок действительной военной службы для окончивших высшие учебные заведения составлял всего 6 месяцев, для окончивших гимназии и соответствующие им учебные заведения — полтора года; прогимназии и городские училища — 3 года и, наконец, для получивших начальное образование — 4 года. Для лиц, получивших высшее и среднее образование, срок службы сокращался ещё вдвое, при условии отбывания воинской повинности в качестве волноопределяющегося.

Устав о воинской повинности разрешал одну из основных задач реорганизации армии — создание запаса обученных резервов, необходимых для развёртывания армии в военное время. Тем самым обеспечивалось основное условие для превращения русских вооружённых сил в современную массовую армию.

Устав 1 января 1874 г., распространивший службу в армии на все сословия, всё же не обеспечил введения всеобщей воинской повинности.

Во-первых, значительная часть «инородческого» населения вовсе устранялась от воинской повинности; далее, освобождался от призыва ряд категорий, например лица духовных званий, деятели науки и искусства, не говоря уже о многочисленных отступлениях от закона для господствующих классов, практически существовавших в условиях самодержавно-дворянского строя. Всё это давало основание Ленину говорить о всеобщей воинской повинности в России, беря слово «всеобщий» в кавычки. «В сущности, у нас не было и нет всеобщей воинской повинности, потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений. В сущности, у нас не было и нет ничего похожего на равноправность граждан в военной службе»¹.

Для обсуждения подготовленных мероприятий в области организации резервных и запасных войск и других вопросов развёртывания армии в начале 1873 г. по инициативе Милютина было созвано секретное совещание под председательством Александра II. Присутствовавшие представители генералитета с фельдмаршалами кн. Барятинским и гр. Бергом во главе превратили совещание в арену ожесточённой борьбы против всех преобразований Милютина. Оппозиция во главе с кн. Барятинским пыталась уничтожить ненавистную им систему военного управления и организации армии. Предлагалось уничтожить военные округа, а вместо них сформировать четыре армии и распределить между ними все вооружённые силы. Кн. Барятинский «в целях экономии средств» предлагал... уничтожить военно-учебные заведения. Это была решительная попытка реакционеров не допустить превращения русских вооружённых сил в современную буржуазную армию. Александр II благожелательно отнёсся к предложениям оппозиции, поддержанным великими князьями, но решительная борьба Милютина, резко отстаивавшего созданную им систему, спасла положение.

«В немногих словах, — рассказывает Милютин о своём выступлении на совещании 10 марта, — я высказал, что прочитанные предложения составляют полное ниспровержение всей существующей у нас системы военной администрации; что уничтожение военных округов будет воз-

¹ Ленин. Соч. Т. IV, стр. 70—71.

вращением к прежней неурядице, к прежним комиссариатским и провиантским злоупотреблениям и пр. и пр. Всё это высказано было строго и резко и в заключение вырвалась такая фраза: «Как бы то ни было, но предлагается ныне такое коренное преобразование, которое выработать и привести в исполнение я не чувствую себя в силах»¹.

Александр II с присущими ему бесхарактерностью и отсутствием собственной принципиальной точки зрения, боясь потерять Милютина, вскоре после этого выступления прекратил заседание, а вечером во дворце, встретив Милютина, попытался его успокоить. «Государь отыскал меня в толпе,— рассказывает Милютин,— взял за руку, отвёл немного в сторону и, нагнувшись, на ухо сказал мне кротким и мягким тоном: «Как не стыдно было тебе рассердиться! Приходи ко мне завтра утром, часу в одиннадцатом». В воскресенье, 11 марта, в назначенный час,— продолжает Милютин, — прихожу к государю. Он даёт мне руку, обнимает меня и смущённым голосом говорит: «Зачем ты принял так к сердцу то, что вчера говорилось? Мало ли какие приходится слушать несообразности...»².

Повидимому, Александр II забыл, что эти «несообразности» лишь день назад он горячо поддерживал.

Милютин вынужден был сделать своим противникам небольшие уступки (восстановление армейских корпусов, некоторые изменения принципа формирования запасных и резервных войск), но всё же победа осталась за ним. Созданная им система организации армии была сохранена.

Причиной этого являлась не только решительная борьба Милютина, отстаивавшего свои преобразования: в условиях подготавливавшейся войны Александр II не мог пойти на новую реорганизацию армии, требовавшую немало времени, успех которой к тому же был далеко не ясен.

В этот период Милютин проводит большую работу по передислокации войск из внутренних губерний на западные границы. «...дислокация наших действующих войск в мирное время, — писал Милютин в одном из своих проектов реорганизации армии, — должна быть сколь возможно более согласована со стратегическими условиями военного времени, т. е. чтобы войска эти были сколь можно более сосредоточены больше к западным границам»³.

Милютин прекрасно понимал, какую опасность представляет собою вновь созданная Германская империя, которую он рассматривал как единственно серьёзного противника России.

«Могло ли быть выгодно и для России образование новой могущественной Державы среди Европейского континента? В то время, как государь радовался блестящим успехам своего дяди и друга, в русском обществе большинство людей мыслящих сознавало опасность, грозившую нам в будущем», — пишет Милютин в своих «Воспоминаниях»⁴.

Война 1877—1878 гг. явилась серьёзной проверкой произведённых Милютиным реформ. Далеко не все они были закончены, но даже и в таком виде смогли дать свои результаты.

В начале ноября 1876 г. была впервые в истории русской армии проведена мобилизация. И хотя это был первый опыт и проводился он в самую распутицу, результаты мобилизации оказались удовлетворительными. На четвёртый день мобилизация была закончена в десяти губерниях, а к пятому дню из 224 тыс. запасных, подлежащих призыву, 75% явилось на сборные пункты. На 15-й день мобилизация была полностью закончена, за исключением Закавказского края. Укомплектование людьми и лошадьми частей, переведённых на военное положение, закончилось на

¹ Рукописный отдел ГБЛ, ф. Д. А. Милютина. «Воспоминания», 7851, стр. 237.

² Там же, стр. 238.

³ Там же, 8068, лл. 66—67.

⁴ Там же, 7850, стр. 185.

28-й день мобилизации. Сосредоточение войск на театре военных действий, несмотря на задержку в подаче подвижного состава, было закончено на 42-й день. Таким образом, потребовалось лишь шесть недель для перевода на военное положение 28 дивизий, 5 бригад, а также ряда отдельных воинских подразделений и для сосредоточения значительной части их на театре военных действий.

При старой системе военного управления в 1859 г. для приведения на военное положение четырёх корпусов, т. е. только для сбора 67 тыс. отпускных нижних чинов, потребовалось более... пяти месяцев, тогда как в том же году вся прусская армия была отмобилизована в трёхдневный срок.

К войне 1877 г. вооружённые силы России благодаря реформам Милютина были в значительной мере перестроены.

Накануне войны, в 1876 г., Милютин в своём дневнике давал следующую оценку армии: «Никогда ещё, положительно никогда, Россия не имела в готовности такой силы со всеми материальными средствами, как теперь, никогда не могло быть прежде такого приготовления к быстрой мобилизации»¹.

Но вместе с тем Милютин считал, что «война была бы для нас неизбежным бедствием потому, что успех и ход войны зависит не от одной лишь подготовки материальных сил и средств, но столько же от подготовки дипломатической, а, с другой стороны, от способности тех лиц, в руках которых будет самое ведение военных действий. К крайнему прискорбию должен сознаться, что в обоих этих отношениях мало имею надежд: дипломатия наша ведётся так, что в случае войны мы неизбежно будем опять одни, без надёжных союзников, имея против себя почти всю Европу и вместе с тем в среде нашего генералитета не вижу ни одной личности, которая внушила бы доверие своими способностями стратегическими и тактическими. У нас подготовлены войска и материальные средства, но вовсе не подготовлены ни главнокомандующие, ни корпусные командиры. Мне даже неизвестно, есть ли в потаённом ящике государева письменного стола список тех генералов, которым он намерен в случае большой войны вверить свои армии»².

Начавшаяся в 1877 г. война показала справедливость опасений Милютина. Все недостатки и безобразия, имевшие место в действующей армии, в подавляющем большинстве объяснялись бездарностью командования, начиная от главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и кончая командирами корпусов, которые, по словам Милютина, «не годились даже и на должность начальников дивизий».

Крупным недостатком являлось также и качество вооружения армии. Ружья системы Крынка, которыми были вооружены две трети пехотных дивизий, в боевых условиях показали свою полную непригодность. Несмотря на все усилия Милютину не удалось закончить к началу войны перевооружение армии винтовками Бердана. Кроме того, несмотря на многое, сделанное Милютиным в области реорганизации армии, он не мог в корне изменить всю систему. Военные преобразования, как и другие буржуазные реформы 60-х годов, в большей или меньшей степени характеризовались известной половинчатостью, непоследовательностью, а это не могло не найти отражения в ходе войны.

Однако было бы совершенно неверно рассматривать недочёты, обнаружившиеся во время войны, только как результат несовершенства преобразований Милютина. Военный министр не имел никакого отношения к действующей армии и, находясь вместе с Александром II на театре военных действий, должен был довольствоваться лишь ролью постороннего зрителя.

¹ Рукописный отдел ГБЛ, ф. Д. А. Милютина. Дневник, 7853, стр. 136.

² Там же, стр. 136—137.

По окончании турецкой кампании Милютин продолжал дело преобразования армии, учтя опыт войны, пересматривая в первую очередь «Положение о полевом управлении армии». Однако довести это дело до конца ему не удалось. С вступлением на престол Александра III правительственный курс резко изменился; это побудило Милютина уйти с поста военного министра. После опубликования манифеста 29 апреля 1881 г., который, по мнению Милютина, означал «установление реакции под флагом православия и народности», он решил выйти в отставку.

Значение Милютина в правительстве отнюдь не определялось лишь его ролью как военного министра; влияние его было велико также и в вопросах внутренней и внешней политики, особенно со второй половины 70-х годов. Представляя собою крупную политическую фигуру и будучи человеком принципиальным, он не мог оставаться в составе правительства, изменившем прежний политический курс.

20 мая 1881 г. отставка Милютина была принята, и он переехал в Крым, в своё имение Симеиз, где прожил до самой смерти, последовавшей в 1912 году.

Военные реформы Милютина, коснувшиеся буквально всех областей военного управления и организации армии, имели большое прогрессивное значение. Создание стройной системы военного управления, коренное изменение принципа комплектования войск, стремление возродить суворовские методы тактического обучения, перевооружение всей армии и, наконец, постоянное стремление повысить культурный уровень как солдат, так и офицеров — всё это способствовало превращению вооружённых сил России в современную массовую армию.

Созданная Милютиным структура военного управления и организации войск отнюдь не явилась механическим заимствованием той или иной западноевропейской системы. Наоборот, Милютин неоднократно подчёркивал невозможность применения в России ни французской окружной системы, ни прусского территориального принципа. Используя в той или иной мере образцы военного устройства западноевропейских армий, Милютин самостоятельно разработал такую систему военного управления, которая соответствовала особенностям страны.

Военные преобразования Милютина вместе с тем не могли обеспечить создание современной буржуазной армии, не могли заложить прочные основы обороны государства. Являясь неразрывной частью буржуазных реформ 60-х годов, военные преобразования Милютина также сохранили в себе в большей или меньшей степени черты феодально-крепостнического общества.

Коренное переустройство вооружённых сил России, так же как и уничтожение феодально-крепостнических пережитков во всех областях жизни, не могло быть осуществлено в условиях существования царизма даже талантливейшими представителями либерализма, каким был Д. А. Милютин.

Эта задача могла быть разрешена отнюдь не соглашением с царизмом, а революционным свержением его. Только в результате революции можно было создать прочные основы обороны страны, что и произошло в октябре 1917 года.

ВЕРСАЛЬСКИЙ МИР (1919 г.) *

Проф. И. Минц

1. Накануне мирной конференции

ГЕРМАНСКИЙ ШАНТАЖ ПЕРЕД ЗАКЛЮЧЕНИЕМ МИРА

Перемирие между Антантой и германским блоком было заключено на 36 дней. Пять раз в течение этого времени Германия просила о заключении хотя бы прелиминарного мира. Антанта не соглашалась. «Ждем Вильсона» — гласил ее неофициальный ответ. Дело однако было не в Вильсоне, — он сам не торопился и прибыл в Париж только 13 декабря. Суть была в том, что победители не успели еще договориться об условиях мира. Во всех больших и малых столицах 27 стран, участвовавших в борьбе против Германии, в том числе и созданных после ее поражения, шла подготовительная работа. Добывали справочники по отдельным вопросам, составляли докладные записки, поручали историкам и экономистам рыться в старых договорах и других дипломатических документах в поисках обоснования того или иного притязания. Румыния пыталась установить единую линию поведения с Чехословакией, Югославией и Грецией. Париж и Лондон непрерывно совещались. Между обеими столицами сновали дипломатические курьеры. В Лондон съехались премьеры и министры иностранных дел Франции и Италии. Многие пункты предстоящего мирного договора вызывали серьезные разногласия. Всплывали наружу секретные соглашения, изменявшие сложившуюся обстановку, а это в свою очередь требовало внесения поправок в предполагаемый договор.

Больше других волновал Англию и Францию вопрос о наследстве Турции, поделенном соглашением Сайкс—Пико в мае 1916 г. Как известно, Италия, узнав о секретном соглашении, всполошилась и в течение года настойчиво требовала допустить ее к этому дележу. В апреле 1917 г. Ллойд Джордж, нуждаясь в помощи итальянцев на Ближнем Востоке, предложил уступить им Смирну и часть других турецких территорий. В Сен-Жан-де-Мориенн англичане и французы согласились на передачу Смирны итальянцам. Тем, однако, это показалось недостаточным. Они претендовали на дополнительные территории, населенные греками и турками. Переговоры снова затянулись до августа 1917 г. Наконец, условились, что договор получит силу только с согласия России. Но Временное правительство было свергнуто в октябре 1917 г. Возник вопрос о том, обязательно ли обещание, данное итальянцам. Переговоры затянулись еще на год и возобновились после поражения Германии. В декабре 1918 г. Клемансо приехал в Лондон, чтобы добиться отмены соглашения, заключенного в Сен-Жан-де-Мориенн, и настоять на предоставлении Франции Киликии и Сирии, занятой войсками Англии. Ллойд Джордж пошел навстречу Клемансо, но в свою очередь потребовал для Англии в качестве компенсации Мосул, а также Палестину. Секретные переговоры шли 2 и 3 декабря. Франция колебалась, Италия требовала обещанную Смирну. Положение все осложнялось.

* Статья является сокращенной главой из «Истории дипломатии». Т. III. Под ред. акад. В. П. Потемкина.

Союз между странами-победительницами был заключен по принципу: «вместе бить, врозь идти». После войны пути союзников расходились все дальше и дальше. Этим прежде всего пользовалась Германия.

Долгое время историки дипломатии, загипнотизированные торжеством Антанты, неправильно оценивали поведение послевоенной Германии. Об этом позаботились и сами немцы, изображавшие Германию как несчастную жертву версальского «диктата». Постарались и те сторонники Антанты, которые не согласны были с условиями мира. Так или иначе, но империалистическую Германию изображали чуть ли не кроткой овечкой, безропотно подставлявшей шею под нож. На деле то был раненый хищник, с рычанием зализывавший раны и зорко следивший за своими врагами, выжидая, нельзя ли снова ринуться в бой. В декабре 1918 г. верховному командованию Германии удалось отвести всю армию за Рейн. Ни одна ее часть не попала в плен. Правящие круги в Германии вздохнули с облегчением: план сохранения армии казался выполненным. Правда, армия была уже не прежней: она быстро поддавалась влиянию революции. Но пока можно еще было пугать победителей тем, что армия сохранена и, в случае нужды, сумеет продолжать сопротивление. Часть войск стояла под Берлином, где поднимались волны революции. Правительство требовало разоружения армии прежде, чем она войдет в Берлин, но верховное командование настаивало на разоружении рабочих. С ведома, а чаще и по прямому указанию верховного командования Германия покрылась сетью различных добровольческих формирований, из которых вышли впоследствии кадры фашистской партии. Тут были отряды добровольцев Росбаха, Лютцова, Эппа, бригада Эрхардта, «Балтийская оборона» и т. д. Все эти формирования готовились для подавления революции в Германии. Тайно и наверняка подготавливая разгром народного движения, германские империалисты в то же время спекулировали революцией, угрожая странам Антанты, что движение может переброситься и к ним. Пользуясь этим шантажем и зная о разногласиях в среде Антанты, германские империалисты начали саботировать выполнение условий Компьенского перемирия. Они задерживали отправку французских пленных, не возвращали награбленных ценностей, всячески тормозили сдачу подводных лодок и бронированных крейсеров. Мало того, Германия продолжала закладывать новые подводные лодки, хотя по условиям перемирия должна была сдать весь свой подводный флот. Всего на немецких верфях строилось 64 лодки. Германия срывала план поставки локомотивов и вагонов, а в числе сданных ею паровозов было много неисправных.

«Я думаю, — признавался Гофман, — что пока Антанта не имеет никакого представления, что делается у нас, иначе она давно потребовала бы, чтобы мы прекратили плутовать. Антанта все еще полагает, что у нас сохранилась крепкая армия и что мы играем с ними комедию»¹.

ПРОДЛЕНИЕ ПЕРЕМИРИЯ

Между тем срок перемирия истекал. От Антанты пришло требование прислать уполномоченных для продления перемирия. Нота была направлена в адрес верховного командования Германии. Немецкая военщина воспользовалась этим, чтобы злорадно подчеркнуть, что Антанта не считается с берлинским правительством. На предварительном совещании с германской делегацией Гинденбург предлагал при продлении перемирия добиваться следующих условий: предместные укрепления и нейтральная зона на правом берегу Рейна уничтожаются; граница проходит по Рейну, причем между Германией и оккупированными областями сохраняется свобода сообщений; оккупационная армия должна быть сокращена и блокада снята.

¹ Гофман. Записки и дневники, стр. 262.

12 и 13 декабря в Трире германская делегация вела переговоры с Фошем. На протесты маршала по поводу затягивания выполнения условий перемирия Эрцбергер заявил, что срок был дан слишком короткий, что и сами союзники со своей стороны не выполнили обещания дать Германии продовольствие. Фош пропустил это возражение мимо ушей. Тогда Эрцбергер указал на опасность революции: армия и страна находятся в состоянии опасного брожения, возможен переворот. Это Фош принял к сведению. Трирским соглашением перемирие было продлено еще на один месяц, до 13 января 1919 г. В качестве новой гарантии союзники оставляли за собой право занять нейтральную зону на правом берегу Рейна, к северу от кельнского предместного укрепления и до голландской границы. Об оккупации должно последовать уведомление за шесть дней.

Тут же союзники выговорили себе свободный проход через Данциг и Вислу. В Данциг предполагалось выслать польскую армию под командованием генерала Галлера, которая формировалась во Франции. Союзники подготавливали плацдарм для борьбы поляков с большевиками, но немцы хотели взять это на себя; тайно от союзников они сами вели переговоры с поляками. Вот что писал Гофман о планах германских империалистов: «У нас были очень интересные переговоры с поляками. Они предлагают удерживать Вильно против большевиков, если мы разрешим им провести войска из Варшавы в Вильно. Я всецело за это, так как наши войска не желают больше сражаться. Как решит правительство, я еще не знаю»¹.

Месячного продления перемирия оказалось опять недостаточно; и к этому сроку союзники не закончили предварительных переговоров. К тому же Франция и не спешила, ибо заключение мира вынудило бы Фоша демобилизовать армию, а перемирие позволяло держать солдат под ружьем. Понадобилось новое продление, тем более, что в Германии ширилось революционное движение; Эрцбергеру в Берлине пришлось ехать на вокзал окольным путем, так как в районе станции шли уличные бои. 14 января 1919 г. в Касселе правительственная делегация встретила германским верховным командованием. Обсуждали линию поведения. Решили предложить союзникам общий фронт против большевиков в обмен за уступки на Западе. Немцы готовы были впустить войска Антанты в Берлин, если там победит пролетарская революция. «Если они, вопреки всему, — писал Гофман о спартаковцах, — захватят власть, Берлин займет Антанта. Такие перспективы не очень отрадны, но все же это некоторая страховка»².

Отдать Берлин национальным врагам, только не своему народу, — такова была позиция господствующих кругов Германии.

Во время переговоров о продлении перемирия Фош потребовал в качестве штрафа за недоставленные локомотивы и вагоны присылки 58 тысяч сельскохозяйственных машин. Кроме того, маршал настаивал на подчинении русских военнопленных, находящихся в Германии, комиссии союзников, немедленном возвращении всего увезенного Германией из Северной Франции и Бельгии имущества и предоставлении немецкого торгового флота в распоряжение союзников для подвоза продовольствия Германии и другим странам Европы. На ответ немцам дано было 24 часа.

Эрцбергер просил увеличить срок, он возражал против всех пунктов. Маршал оставался неумолим. Эрцбергер снова воспользовался уже испытанным средством: германские уполномоченные пробовали пугать союзников угрозой революции и настойчиво предлагали свои услуги для борьбы с большевизмом. Из Германии тем временем поступили сведения, что армия вошла в Берлин и приступила к разоружению рабочих. Началась расправа. Как только Эрцбергер получил сообщение об умерщвлении Карла Либкнехта и Розы Люксембург, он поспешил к маршалу

¹ Гофман. Записки и дневники, стр. 262.

² Там же.

Фошу. «Я отправился в 11 часов к маршалу Фошу на вокзал, — рассказывает Эрцбергер в своих мемуарах, — где сообщил противникам только что полученное известие об убийстве Либкнехта и Розы Люксембург. Это сообщение произвело на всех присутствующих глубокое впечатление. Я тотчас заявил, что выдача сельскохозяйственного материала до 1 марта 1919 г. невыполнима: она разрушила бы немецкое сельское хозяйство и сделала бы невозможной будущую жатву»¹.

Фош, настаивавший первоначально на том, чтобы 50% машин было доставлено немедленно, сбавил две трети этого количества и согласился назначить конечным сроком выдачи 1 мая, и то лишь «в принципе». Так германская дипломатия обменяла кровь Либкнехта на машины.

16 января перемирие было продлено опять на один месяц, до 17 февраля 1919 г. Требования Фоша были приняты: немцы согласились предоставить весь свой торговый флот в распоряжение союзников для обеспечения Германии продовольствием. При этом германская делегация согласилась на смену немецкого экипажа — «постановление, принятое в защиту от большевизма», как признавался Эрцбергер.

ПРОГРАММА ДЕРЖАВ НА МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Условия перемирия в известной мере predeterminedляли и условия мира. Эти условия в основном были подготовлены давно. Они подвергались только постоянным изменениям в связи с новым соотношением сил. Французские империалисты мечтали о расчленении Германии. Им очень хотелось отбросить Германию назад, к тому положению, какое она занимала до Франкфуртского мира. Недаром сам Клемансо в речах и репликах постоянно возвращался к Франкфуртскому миру, который он в свое время отказался подписать. Но наиболее агрессивные элементы во Франции требовали Германии, переброшенной по образцу Вестфальского мира 1648 г.

Каковы были истинные намерения Франции, можно судить по тайному соглашению, заключенному Францией с царской Россией в феврале 1917 г., буквально накануне свержения царизма. Россия соглашалась на французский план установления границ с Германией при условии, если Франция удовлетворит стремление царской России получить Константинополь и проливы и признает за Россией полную свободу в установлении ее западных границ. По этому тайному соглашению Франция получала Эльзас-Лотарингию и весь углепромышленный бассейн долины реки Саар. Граница Германии проходила по Рейну. Германские территории, расположенные по левому берегу Рейна, отделялись от Германии и составляли автономные и нейтральные государства. Франция занимала эти государства своими войсками до тех пор, пока Германия окончательно не удовлетворит всех условий и гарантий, которые включены будут в мирный договор. В завуалированной форме это была едва ли не вечная оккупация, ибо всегда можно было найти доказательство, что Германия «не окончательно» удовлетворила все условия.

В свое время опубликование большевиками этого секретного соглашения вызвало переполох во всем мире. Английский министр иностранных дел Бальфур 19 декабря 1917 г. заявил официально в Палате общин: «Мы никогда не давали своего согласия на это дело... Никогда мы не желали этого, никогда не покровительствовали этой идее»².

Французская пресса с возмущением писала, что все это выдумки. Но граница по Рейну всегда в том или ином виде оставалась требованием французских империалистов. На ней настаивали прежде всего французские генералы. Всю Англию обошло интервью маршала Фоша, данное им

¹ Эрцбергер. Германия и Антанта. Мемуары. Перев. с нем. Гиз. М. и Л. 1923. стр. 325.

² Бекер. Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир, стр. 91. 1923.

корреспонденту «Times» 19 апреля 1919 г. Ударяя карандашом по карте француско-германской границы, маршал Фош говорил: «Здесь нет никаких естественных преград вдоль всей границы. Неужели здесь мы должны будем удерживать немцев, если они снова нападут на нас? Нет! Здесь! Здесь!»¹.

И маршал несколько раз прочертил карандашом по Рейну.

Граница по Рейну сама по себе еще не определяла всей программы Франции. Насчитывая всего 40 миллионов населения, притом почти не увеличивавшегося, Франция боялась даже обезоруженной Германии с ее 70 миллионами непрерывно умножающегося населения. Французские стратеги хотели создать по ту сторону Германии блок стран, которые заменили бы прежнего союзника — царскую Россию. Восстановленные Польша и Чехословакия, усиленные Румыния и Югославия должны были составить цепь союзников Франции по ту сторону Германии и вместе с тем барьер между Германией и Советской Россией. С помощью огромной контрибуции, лишь ради приличия названной репарациями, французские империалисты надеялись подорвать экономическую мощь Германии. Колонии Франции расширялись за счет Германии в Африке и за счет Турции в Малой Азии.

Выполнение этого плана, т. е. господство над Центральной и известной частью Восточной Европы, проникновение на Балканы, твердые позиции в Африке и на Ближнем Востоке, делало Францию гегемоном Европы. Это предстояло закрепить на мирной конференции. «Этот мирный договор, как и все другие, является и не может не быть лишь продолжением войны»², — недаром писал Клемансо в предисловии к книге Тардые, своего ближайшего советника и члена французской делегации на Парижской конференции.

Выполнение программы Франции выпало на долю беспощадного человека, который как-то сказал, что «20 миллионов немцев являются излишними». За долгие годы политической борьбы Клемансо приобрел огромный опыт. «Сокрушитель министерств», «тигр» — таковы были клички Клемансо, которому удалось ловкими маневрами опрокинуть несколько министерских кабинетов.

Позиция французской дипломатии на конференции была довольно сильной: за ее спиной стояла огромная континентальная армия; маршал Фош диктовал Германии условия перемирия и многого уже добился.

Но даже и такому опытному и непреклонному политику, как Клемансо, было трудно проводить на конференции свою программу. Приходилось лавировать, отступать, выдвигать туманные формулировки, сталкивать лбами своих соперников. Мир превращался не столько в «продолжение войны» с Германией, сколько в борьбу недавних союзников.

Англия, интересы которой представлял Ллойд Джордж, добившись сокрушения Германии, хотела на конференции закрепить мирным договором то, что было добыто силой оружия. Морское превосходство Англии определяло ее позицию на конференции. Германия как морская держава перестала существовать. Правда, флот ее не был разбит в бою, но значительная его часть стояла в английской гавани Скапа-Флоу. Колонии Германии в большей части перешли к Англии. В ее же руках находились Месопотамия, Аравия и Палестина, отнятые английской армией у Турции. Превосходство Англии подкреплялось союзом с Японией. Опираясь на Японию, Англия могла противостоять США. С другой стороны, для борьбы с непомерно возросшими претензиями Франции в Европе ей можно было опираться на те же США, которые также возражали против расчленения Германии по примеру Вестфальского мира. Проникновение Франции на Балканы Англия могла нейтрализовать, поддержав против Франции Ита-

¹ Ллойд Джордж. Европейский хаос, перев. с англ., стр. 35. М. 1924.

² André Tardieu. La paix, p. XIX. Paris. 1921.

лию и, с другой стороны, организовав балканские страны против той же Франции.

Слабым местом в плане Ллойд Джорджа было отношение к Германии. Возражая против расчленения Германии, Ллойд Джордж думал в то время использовать ее против Советской страны. А это требовало сохранения Германии как военной державы, создавая тем самым возможность для Германии, собравшись с силами, вновь выступить против той же Англии.

Положение Америки в кругу мировых держав резко изменилось в конце войны. Из страны-должника США превратились в страну-кредитора, которой Европа задолжала около 10 миллиардов долларов. Обеспечить получение долгов нельзя было, не вмешиваясь в европейские дела. Приходилось окончательно отказаться от прежней позиции невмешательства — и президент США впервые в истории страны покинул пределы родины, отбыв на старый континент, в Европу.

Тогдашних руководителей Америки пугало морское могущество Англии. «Уничтожение германского военного флота, — признает Бекер, написавший книгу о Вильсоне, — давало британцам беспримерный в истории перевес над всеми державами... Морское могущество Англии увеличилось еще в большей степени благодаря союзу между Британией и Японией, третьей великой державой мира»¹.

Считая возможность конфликта между Великобританией и США маловероятной — «правда, не вследствие чувства взаимной симпатии», а потому, что обе державы обладали избытком территории на земном шаре, — Бекер заключает: «Тем не менее морское превосходство Англии было важным моментом, определившим ее поведение на мирной конференции»².

Сам Вильсон поддерживал положение, что американский флот должен быть таким, чтобы он мог поспорить с любым флотом мира. «Ни одному флоту в мире, — говорил Вильсон 3 февраля 1916 г. в Сен-Луи, — не приходится защищать так далеко растянувшуюся область, как американскому флоту; поэтому он должен, по моему мнению, превосходить все прочие флоты мира своей активностью»³.

В целях ослабления Англии и Японии США добивались расторжения англо-японского союза. С другой стороны, можно было затруднить положение Англии в Европе, не допустив полного разгрома Германии. В этом вопросе США и Англия играли одной и той же картой. Но Ллойд Джордж ставил ее против Франции и России, а Вильсон — против Англии и Советской страны.

Французскую гегемонию в Европе Вильсон думал ослабить некоторой поддержкой, оказываемой Италии, а также использованием противоречий между Англией и Францией.

В позиции США также были свои сильные стороны. Формально мирный договор строился на основе 14 пунктов Вильсона, — по крайней мере обе враждующие коалиции официально об этом заявили. Взоры всего мира прикованы были к Вильсону. Все видели в нем спасителя. В Европе Вильсону устраивали головокружительные встречи. В Париже его принимали восторженнее, чем Фоша, превознесенного как национального героя. Вся пацифистская пресса мира поддерживала веру в спасительную миссию президента. «Вильсон, не сдавайся!» — с таким лозунгом во всю страницу выходила лейбористская газета, противопоставляя поборников «новой дипломатии» дипломатам старой школы.

Вильсон в общем умело и настойчиво использовал сильные позиции США, добившись на конференции ряда серьезных успехов несмотря на то, что имел в лице Клемансо и Ллойд Джорджа весьма опытных дип-

¹ Бекер. Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир, стр. 396.

² Там же.

³ Там же, стр. 401.

ломатических соперников. Последние никак не могли ему простить своих неудач, охарактеризовав его как деятеля, совершенно не искушенного в вопросах дипломатии и к тому же наивно вообразившего, что он действительно призван спасти мир. «Я думаю, — так писал о Вильсоне Ллойд Джордж, — что идеалистически настроенный президент действительно смотрел на себя, как на миссионера, призванием которого было спасение бедных европейских язычников... Особенно поразителен был взрыв его чувств, когда, говоря о Лиге наций, он стал объяснять неудачи христианства в достижении высоких идеалов. «Почему, — спрашивал он, — Иисус Христос не добился того, чтобы мир уверовал в его учение? Потому что он проповедовал лишь идеалы, а не указывал практического пути для их достижения. Я же предлагаю практическую схему, чтобы довести до конца стремления Христа». Клемансо молча раскрыл широко свои темные глаза и оглядел присутствующих»¹.

К числу дипломатических успехов Вильсона следует отнести в первую очередь заключение перемирия на основе 14 пунктов, включение в мирный договор устава Лиги наций, отказ Италии в ее притязаниях. Но у дипломатии США были свои слабые стороны. Прежде всего Вильсон не имел большинства в конгрессе: на последних выборах в ноябре 1918 г. демократическая партия, лидером которой был Вильсон, потерпела поражение и президенту приходилось всё время оглядываться на оппозицию. Во-вторых, уязвимой позицией Вильсона было стремление не допускать полного разгрома Германии, т. е. тем самым сохранить экономические и политические возможности для новой войны. Наконец, крайне слабым местом дипломатии Вильсона было отношение к Советской России. В пункте 6 своих 14 условий мира Вильсон настаивал на таком разрешении вопросов, касавшихся России, которое гарантировало бы ей «полную и беспрепятственную возможность принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики». Но когда от этой пышной декламации Вильсон перешел к практическим вопросам, то этот пункт превратился в программу расчленения России. В официальном американском комментарии к 14 пунктам, составленном полковником Хаузом (членом делегации США на Парижской конференции и личным другом Вильсона), а затем утвержденном президентом, 6-й пункт расшифровывался следующим образом:

«Основной вопрос заключается в том, следует ли считать русскую территорию равнозначней территории, принадлежавшей ранее Российской империи. Ясно, что это не так, потому что пункт 13-й предполагает создание независимой Польши, — условие, которое исключает восстановление территории империи. То, что признано правильным для поляков, разумеется, должно быть так же признано и для финнов, литовцев, латышей, а, возможно, так же для украинцев».

На этом расчленение России не заканчивается. Американская дипломатия предполагала рассматривать Кавказ «как часть проблемы Турецкой империи». Туркестанские республики рекомендовалось передать в качестве подмандатной территории какой-нибудь великой державе. Вильсон позаботился даже о Великороссии и Сибири. «Мирная конференция, — говорилось в официальном комментарии Хауза, — может потребовать создания правительства, достаточно правомочного, чтобы говорить от имени этих территорий»².

Хотя Италия на мирной конференции и числилась в группе великих держав, но после поражения у Капорретто с ней никто не считался. Верная своему характеру международного «шакала», Италия вертелась вокруг стола великих держав, выжидая куска добычи, который наметила себе в награду за измену Тройственному союзу. Поддерживая требования

¹ Lloyd George D. The truth about the Peace Treaties. Vol. I, p. 223—225.

² «The intimate papers of colonel House». Vol. IV, p. 202—204.

то одной, то другой великой державы, Италия переходила от угодливости к угрозам; она даже покинула было мирную конференцию, чего, кстати, и не заметили, как не обратили внимания и на ее конфузливое возвращение в зал заседаний. Лишь в одном вопросе ее представители — премьер-министр Орландо и министр иностранных дел Соннино — не меняли своей позиции и до того, как, уходя, хлопнули дверью, и после того, как урядкой прошмыгнули обратно в ту же дверь: Италия все время настаивала на интервенции против Советской России.

Япония была представлена Сайондзи, Макино и другими делегатами, которых прозвали «молчаливыми партнерами» — так редко приходилось им выступать. В спорных вопросах, касавшихся Европы и Африки, они не выдвигали своих претензий, а систематически поддерживали Англию и США, надеясь на соответствующие компенсации в вопросах тихоокеанских. В этих случаях их молчаливость сменялась неудержимым многословием. Оставаясь в стороне в американско-европейском конфликте и, тем не менее, всячески его углубляя, японские дипломаты под шум общей перепалки добивались захвата азиатского материка.

Что касается остальных стран, участвовавших на мирной конференции, то они самостоятельной роли не играли, а если и выступали, то лишь в роли свиты или клиентов великих держав.

Противоречия между странами не могли не прорваться на мирной конференции. Это было ясно для всех. Не случайно Бальфур перед Парижской конференцией обронил: «Повидимому, мирная конференция превратится в несколько беспокойное бурное предприятие».

2. Парижская конференция

(18 января — 28 июня 1919 г.)

ОРГАНИЗАЦИЯ КОНФЕРЕНЦИИ

Всего на конференцию съехалось более тысячи делегатов. Их сопровождало огромное число сотрудников: ученые эксперты — историки, юристы, статистики, экономисты, геологи, географы и т. п., — переводчики, секретари, стенографистки, машинистки и даже солдаты. Вильсон привез с собой охрану из Америки, так же как и Ллойд Джордж из Лондона. Число сотрудников, обслуживавших делегацию, у американцев достигало 1.300. Содержание американской миссии обошлось в 1,5 миллиона долларов. Одних журналистов, официально зарегистрированных на конференции, было более 150, не считая бесконечного количества репортеров и интервьюеров, кружившихся вокруг отелей, занятых делегациями. «По осторожному подсчету», как говорил председатель американского комитета печати на Версальской конференции Бекер, в Париж прибыло не менее 500 иностранных журналистов¹.

Кроме официальных делегатов на мирную конференцию в Париж прибыли представители ряда колониальных стран, малых держав, вновь созданных государств, общественных организаций. Шумный Париж, достаточно привыкший к большому наплыву приезжих, и тот жил несколько месяцев интересами мирной конференции.

12 января на Кэ д'Орсэ состоялось первое деловое совещание премьер-министров, министров иностранных дел и полномочных делегатов пяти главных держав. Председательствующий французский министр иностранных дел Пишон предложил присутствующим обсудить порядок работ конференции.

Сразу возник вопрос о языке конференции, протоколов и будущих текстов мирного договора. Клемансо заявил, что до сих пор все дипломаты пользовались французским языком; нет никаких оснований менять

¹ Бекер. Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир, стр. 122.

этот обычай, особенно если вспомнить, «что пережила Франция». Ллойд Джордж предложил пользоваться также и английским языком, потому что полмира говорит на этом языке; надо принять к тому же во внимание, что США выступают в Европе впервые на дипломатическом поприще. Итальянский министр иностранных дел Соннино, кстати безукоризненно владевший французским языком, заявил, что французское предложение наносит оскорбление Италии. Раз принимается во внимание, что пережила Франция, то не следует забывать, что Италия выставила на фронт от 4 до 5 миллионов солдат, говорил Соннино, настаивая на допущении итальянского языка. «Плохое начало для будущего союза наций», — сердито проворчал Клемансо. В конце концов признали стандартными языками английский и французский.

Уладив вопрос о языке, приступили к обсуждению регламента мирной конференции. Это представляло большие трудности, ибо все 27 наций настаивали на своем участии в прениях, совещаниях и решениях. Искали прецедентов в истории, вспоминали про организацию Венского конгресса, обсуждали, нельзя ли принять за образец его «комиссию четырех» или «восьми» и т. д.

Клемансо настаивал на том, чтобы в первую очередь во внимание принимались мнения великих держав.

«Я до сих пор постоянно держался того мнения, что между нами существует соглашение, — говорил Клемансо, — в силу которого пять великих держав сами разрешают важные вопросы прежде, чем входят в зал заседаний конференции.

В случае новой войны Германия бросит все свои армии не на Кубу или Гондурас, а на Францию; Франция будет снова отвечать. Поэтому я требую, чтобы мы держались принятого предложения; оно сводится к тому, чтобы происходили совещания представителей пяти названных великих держав и, таким образом, достигалось разрешение важных вопросов. Обсуждение второстепенных вопросов должно быть до заседания конференции предоставлено комиссиям и комитетам»¹.

С другой стороны, английские доминионы требовали, чтобы их рассматривали как самостоятельные государства. «Мы имеем такое же значение, как Португалия», — говорили делегаты Канады. Вильсон возражал против обсуждения вопросов в тесном кругу. Англия не выступала против предложения Клемансо, но настаивала на предоставлении возможности и малым нациям принять участие в работах конференции.

После продолжительного обсуждения приняли французский проект, составленный Бертело. Все представленные на конференции страны были поделены на четыре категории. В первую входили воюющие державы, «имеющие интересы общего характера», — США, Британская империя, Франция, Италия и Япония. Эти страны будут участвовать во всех собраниях и комиссиях. Вторая категория — воюющие державы, «имеющие интересы частного характера», — Бельгия, Бразилия, британские доминионы и Индия, Греция, Гватемала, Гаити, Геджас, Гондурас, Китай, Куба, Либерия, Никарагуа, Панама, Польша, Португалия, Румыния, Сербия, Сиам, Чехословацкая республика. Они будут участвовать в тех заседаниях, на которых обсуждаются вопросы, их касающиеся. В третью категорию входят державы, находящиеся в состоянии разрыва дипломатических отношений с германским блоком, — Эквадор, Перу, Боливия и Уругвай. Их делегации участвуют в заседаниях, если будут обсуждаться вопросы, их касающиеся. Наконец, четвертую категорию составляют нейтральные державы и государства, находящиеся в процессе образования. Они могут выступать или устно, или письменно в тех случаях, когда будут приглашаться одной из пяти главных держав, имеющих интересы об-

¹ Бекер. Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир, стр. 204—205.

щего характера, и только на заседания, посвященные специально рассмотрению вопросов, прямо их касающихся. Притом, подчеркивал регламент, «лишь постольку, поскольку эти вопросы затронуты». Ни Германия, ни ее союзники в регламенте не упоминались.

Представительство между странами было распределено следующим образом: США, Британская империя, Франция, Италия и Япония послали на мирную конференцию по 5 полномочных делегатов, Бельгия, Бразилия и Сербия — по 3, Китай, Греция, Геджас, Польша, Португалия, Румыния, Сиам и Чехословацкая республика — по 2, британские доминионы (Австралия, Канада, Южная Африка) и Индию представляли по 2 делегата, Новую Зеландию — один делегат. Все остальные страны получили право послать по одному делегату. Особо было оговорено, что «условия представительства России будут установлены конференцией, когда будут рассмотрены дела, касающиеся России».

По регламенту мирную конференцию должен был открыть президент Французской республики. Вслед за тем временно должен был председательствовать глава французского Совета министров. Для редактирования протоколов был создан секретариат по одному представителю от каждой из пяти главных стран. Далее, было тщательно предусмотрено ведение протоколов, хранение документов, кто и как имеет право представлять петиции. Но впоследствии вся эта тщательная регламентация оказалась нарушенной. Одно совещание следовало за другим. Скоро все запутались в том, какое совещание является официальным, а где — частная встреча. Вряд ли можно назвать в истории дипломатии еще одну такую беспорядочную конференцию, как Парижская: важнейшие ее совещания остались совершенно без протоколов и даже без секретарских записей. Когда занятому по горло в этих бесконечных совещаниях Клемансо сказали об этом, он пробормотал: «К чорту протоколы...»

В сущности, деление стран на категории и распределение мандатов между странами уже предопределяли характер работы конференции. Первоначально все было сконцентрировано в Совете десяти, состоявшем из премьер-министров и министров иностранных дел пяти великих держав. То были: от США — президент Вильсон и статс-секретарь Лансинг, от Франции — министр-президент Клемансо и министр иностранных дел Пишон, от Англии — премьер-министр Ллойд Джордж и министр иностранных дел Бальфур, от Италии — премьер-министр Орландо и министр иностранных дел барон Соннино, от Японии — барон Макино и виконт Шинда. Остальные полномочные делегаты конференции присутствовали лишь на пленарных заседаниях конференции, которых почти за полгода ее работы было всего семь.

Регламент был утвержден. Собирались уже закрыть собрание, как вдруг слова потребовал маршал Фош.

Не считаясь с тем, что совещание было довольно многочисленным, Фош открыто предложил организовать поход против большевиков. В руках маршала было сообщение Падеревского о занятии большевиками Вильно. Маршал настаивал на переброске войск в район Данциг — Торн: этим и объясняется, почему Фош, обсуждая продление перемирия с Германией, потребовал пропуска войск через Данциг. Ядром войск, предназначенных для экспедиции, должны были являться армии США. «Они обнаруживают еще величайшую бодрость», — объяснял свое предложение Фош. Предложение маршала преследовало тройную цель: оно оказывало помощь французскому союзнику — Польше, с другой стороны, связывало США с интересами Франции и, наконец, вводило американские войска из Франции.

Вильсон непрочь был реализовать свой план борьбы с большевиками, но в таком виде предложение маршала его не устраивало. Президент высказался против идеи маршала. Ллойд Джордж также отказался обсуж-

дать это предложение. При таких условиях Клемансо ничего не оставалось, как отказаться от плана маршала, а Пишон даже внес предложение, «чтобы собрания продолжались без участия военных, которые должны удалиться»¹.

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Конференция, которой предстояло пред'явить мирный договор Германии, открылась в тот же самый день, 18 января, и в том же зеркальном зале Версаля, где 48 лет тому назад было провозглашено создание Германской империи. В большой речи при открытии собрания президент Пуанкаре потребовал санкций против виновников войны и гарантий против новой агрессии. Напомнив, что в зале заседания в свое время была провозглашена Германская империя, захватившая при этом две французские провинции, Пуанкаре говорил:

«По вине своих основателей она была порочна в самом своем происхождении. Она хранила в себе зародыш смерти. Рожденная в несправедливости, она закончила свое существование в бесчестии»².

Атака была направлена, можно сказать, прямо в лоб: Франция в лице Пуанкаре сразу выдвинула программу расчленения Германии. Но другие делегаты больших стран не поддержали французской позиции: у них имелись свои планы. Вильсон рекомендовал рассмотреть сначала вопрос о Лиге наций. Он внес свое предложение еще после заседания Совета десяти от 12 января. Несколько раз потом Вильсон возвращался к Лиге наций. Остальные участники Совета десяти колебались. Они боялись, что принятие устава Лиги наций может затруднить последующее решение территориальных и финансовых проблем. Так до пленума и не решились вопроса о Лиге наций.

Пленум мирной конференции утвердил регламент работ, избрал Клемансо президентом, а Лансинга, Ллойд Джорджа, Орландо и Сайондзи — вице-президентами конференции.

Четыре дня после пленума шли длительные дискуссии в Совете десяти. Вильсон настаивал на том, что устав Лиги наций и мирный договор должны составлять единое и неразрывное целое, обязательное для всех. Ллойд Джордж соглашался лишь на включение устава Лиги наций в мирный договор. Французы предлагали не связывать Лигу наций с мирным договором. В английском предложении в замаскированной форме, а во французском более явно, Лига наций так или иначе отделялась от мирного договора. Наконец, решили передать вопрос о Лиге наций особой комиссии. Передачей вопроса о Лиге наций в комиссию дипломаты Франции и Англии надеялись надолго снять его с повестки дня. Мало того, комиссию постарались сделать как можно более громоздкой, чтобы затянуть ее работу. Французы и англичане предложили включить в состав комиссии представителей малых наций. Напрасно Вильсон настаивал на создании небольшой комиссии. В ответ Ллойд Джордж твердил: раз Лига наций должна стать щитом малых народов, надо допустить их в комиссию. Клемансо уверял, что великие державы докажут свою готовность сотрудничать с малыми нациями, если откроют им двери комиссии. Так настойчиво включали в комиссию представителей малых народов, которых столь пренебрежительно не допускали к действительной работе мирной конференции.

Вильсон понимал, что работу комиссии хотят всячески затруднить, и со своей стороны сделал дипломатический ход. Президент заявил, что берет на себя председательствование в комиссии. Она была названа «Комиссией отеля Крийон».

¹ Новак. Версаль, стр. 40.

² «Le monde diplomatique et économique», № 2, juin 1919, p. 6.

25 января на пленарном заседании конференции Вильсон изложил свой тезис: Лига наций должна быть интегральной частью всего мирного договора. Мирная конференция приняла предложение Вильсона. Президент с головой ушел в работу «Комиссии отеля Крийон».

Отделавшись на время от вопроса о Лиге наций, участники конференции решили перейти к другим проблемам. «Восточный и колониальный вопросы менее сложны», — уверял Ллойд Джордж, предлагая обсудить судьбу колоний, отнятых у Германии, а одновременно с ними и турецких владений.

Это поддержали прежде всего британские доминионы, которые все время требовали немедленного дележа колоний. Представитель Новой Зеландии прямо заявил, что является восторженным поклонником Лиги наций. Однако, опасаясь ее «переобременить», он рекомендовал сначала поделить колонии, а потом уже предоставить полную возможность распоряжаться Лиге наций. Япония еще накануне, в предварительных переговорах, также выразила согласие на постановку вопроса о колониях. Итальянский премьер Орландо не возражал. Ллойд Джордж мог, таким образом, надеяться на принятие своего предложения.

Ллойд Джордж, однако, ошибся: колониальный вопрос оказался все не легким. Все соглашались с тем, что колонии не должны быть возвращены Германии. Вильсон отметил это единодушие, заявив: «Все против возвращения германских колоний». Но что с ними делать? Этот вопрос вызвал разногласия. Каждая из крупных стран немедленно предъявила свои давно обдуманые претензии. Франция требовала раздела Того и Камеруна. Япония надеялась закрепить за собой Шаньдунский полуостров и германские острова в Тихом океане. Италия также заговорила о своих колониальных интересах. Французы намекнули, что договоры, заключенные во время войны, уже разрешили ряд вопросов. Все поняли, что между странами существуют тайные договоры. Прорвалось наружу то, что скрывалось так тщательно.

При таком обороте дела Лига наций уже оставалась в стороне. Между тем для Вильсона вопрос о Лиге наций был прежде всего делом личной его чести. Хотя самому президенту, по признанию его историографа Бекера, не принадлежала ни одна идея — все были позаимствованы у других, — но президент много поработал над созданием устава и весь мир связывал Лигу наций с именем Вильсона. Народные массы устали от войны. Они и слышать не хотели о новых военных тяготах. Мира требовали во всех странах, во всех слоях населения. Пацифистская волна захлестнула народы. О Лиге наций были написаны целые библиотеки. Пацифистские элементы сеяли мирные иллюзии в среде широких масс. В Лиге наций видели единственную гарантию мира. Когда Вильсон сошел с корабля в Бресте, он увидел огромный транспорант, где было написано: «Слава Вильсону Справедливому!» Обойти Лигу наций при таком настроении умов было крайне трудно. Уступить в вопросе о Лиге наций означало для Вильсона потерять весь свой ореол. Но, разумеется, дело было не столько в личном престиже Вильсона. Лига наций должна была стать инструментом, с помощью которого Америке можно будет получить миллиарды, которые она ссудила Европе. Лига наций могла стать рычагом влияния Америки в Европе. Поэтому Вильсон вновь заставил конференцию обратиться к вопросу о Лиге наций. «Мир скажет, что великие державы сперва поделили беззащитные части света, а потом создали союз народов»¹, — говорил Вильсон.

Президент настаивал на том, чтобы вопрос о германских колониях и занятой союзниками турецкой территории разрешался в рамках Лиги наций. Он предложил доверить опеку над этими странами передовым наци-

¹ Бекер. Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир, стр. 288.

ям, желающим и способным по своему опыту и географическому положению взять на себя эту ответственность; причем передовые нации осуществляют эту опеку от имени Лиги наций, получив от нее мандат. Все участники Совета десяти выступили против мандатного принципа. Ллойд Джордж поддержал требования английских доминионов считать территории, занятые ими во время войны, завоеванными и входящими в состав соответствующих доминионов. Премьер-министр Англии привлек даже на заседания Совета десяти представителей доминионов, чтобы продемонстрировать их настроения. Эта инсценировка имела целью произвести давление на президента, но он настаивал на своем.

Наткнувшись на непреклонность президента, англичане и французы потребовали, в случае принятия принципа мандатов, немедленно распределить мандаты между странами. Вильсон, однако, заупрямился: сначала, по его мнению, надобно выработать и утвердить устав Лиги наций.

Начались частные переговоры между участниками Совета десяти. Заседания Совета проходили в напряженной атмосфере. Между Вильсоном и другими участниками происходили непрерывные пререкания. Кто-то огласил в печати то, что тайно говорилось на заседании Совета десяти; кто-то рассказал о стычках Вильсона с другими делегатами. Появились статьи об идеалах Вильсона, при этом авторы подчеркивали, что сам президент не знает, как претворить свои идеалы на практике. Это было опять-таки явной попыткой произвести давление на Вильсона, на этот раз с помощью прессы. Президент потребовал прекратить газетную шумиху: если это будет продолжаться, то он будет вынужден выступить с исчерпывающим публичным изложением своих взглядов. «Казалось,— так записал Хауз в своём дневнике 30 января 1919 г.,—что все «пошло прахом»... Президент был зол, Ллойд Джордж был зол и Клемансо тоже был зол. Это впервые, когда президент утратил самообладание при переговорах с ними»¹.

Пошли слухи, что Вильсон покидает конференцию.

Конференция только началась — и уже дала трещину. Угроза отъезда Вильсона встревожила всех. Этого допустить было нельзя. Совещание, казалось, зашло в тупик, но тут Ллойд Джордж нашелся: он доказывал, что Лига наций признана интегральной составной частью мирного договора; выработка отдельных положений устава не изменит этого факта; значит можно, не ожидая окончательной выработки устава, немедленно приступить к распределению мандатов. Но Вильсон возражал: раз колонии будут поделены, то Лига наций останется формальным институтом; надо предварительно утвердить устав Лиги наций.

— Никто не может знать, когда закончится эта сложная процедура выработки устава Лиги наций, — возражал Ллойд Джордж.

На это Вильсон ответил, что на окончание работы комиссии требуется всего десять дней.

— Но справитесь ли вы в десять дней? — спросил Ллойд Джордж.

— Да, — подтвердил Вильсон.

— Ну, раз так, можно подождать, — и Ллойд Джордж обратился к Клемансо с вопросом, не найдет ли он нужным что-либо сказать.

На арену выступил Клемансо, до сих пор молчаливо наблюдавший борьбу.

ТРЕТЬЕ ПРОДЛЕНИЕ ПЕРЕМИРИЯ

Клемансо решил добиться своей цели другим путем. 17 февраля заканчивался срок перемирия с Германией. Ведение переговоров находилось в руках маршала Фоша. Можно было внести в условия перемирия многое из того, что хотелось бы видеть в мирном договоре, — так, кстати, до сих пор и действовала Франция. Но когда премьер-министр Франции в

¹ Архив полковника Хауза. Т. IV, стр. 233. Госполитиздат. 1944.

Совете десяти заявил о продлении перемирия и заикнулся о том, что условия его будут еще раз пересмотрены, Вильсон высказался против. Клемансо с жаром настаивал на своём. Началось единоборство французского премьера с Вильсоном. В конце концов и в этом вопросе Вильсону удалось взять верх. Решено было продлить перемирие, оставив в основном прежние условия. Единственно, в чем уступил Вильсон, был вопрос о разоружении Германии: президент не возражал против ускорения разоружения.

Маршал Фош выехал в Трир. 14 февраля там в третий раз начались переговоры о продлении перемирия. Фош потребовал у немцев выполнения старых условий, указав, что не было выполнено, и попутно выдвинул дополнительные требования. Маршал настаивал на прекращении германской наступления против поляков в Познани, в Восточной Пруссии и в Верхней Силезии и на очищении от германских войск Познани, значительной части Средней Силезии и всей Верхней Силезии.

На первый взгляд в этом требовании не было нарушения указания Вильсона: оно как будто являлось лишь уточнением прежних переговоров о Данциге. На самом же деле это было новое, самостоятельное требование. Очищение Познани и Силезии предreshало вопрос о судьбе этих областей: ясно было, что Франция собирается предоставить их полякам.

Председатель немецкой делегации Эрцбергер запротестовал. Он говорил, что Германия почти закончила демобилизацию, что под ружьем осталось всего 200 тысяч человек. Эрцбергер восставал против дальнейшего разоружения Германии. Он требовал вернуть германских военнопленных. Он настаивал на присылке продовольствия в Германию, напоминая Фошу, что в 1871 г. Бисмарк по просьбе французского правительства, доставил хлеб голодающему населению Парижа. «Отчаяние — мать большевизма, — угрожал Эрцбергер, — большевизм — это телесное и душевное заболевание на почве голода. Лучшее лекарство — хлеб и право...»¹.

В Берлине новые требования Фоша вызвали тревогу. Там хотели сначала категорически отказаться от очищения Познани и Верхней Силезии. Министр иностранных дел Брокдорф-Рантцау подал даже заявление об отставке. Но в Берлине находились неофициальные представители США. С ними встретились доверенные лица германского правительства. Немцам, видимо, сообщили, что вопрос о Верхней Силезии еще не решен на мирной конференции и вряд ли будет решен в польском духе. Германское правительство решило подписать требование Фоша, надеясь, что его не придется выполнять. Брокдорф остался на своем посту: он знал о переговорах с американскими представителями.

Перемирие было заключено на короткий неопределенный срок с условием предупреждения за три дня в случае разрыва. Что касается вопроса о Польше, то победа формально осталась за Францией; немцы должны были отказаться от всяких наступательных операций против поляков в Познани и во всех других районах. Решено было назначить подкомиссию для установления польской демаркационной линии и для выполнения договора об очищении указанных областей. На деле немцы саботировали выполнение договора; они так и не очистили ни одной части Силезии. Сам Вильсон позже следующим образом характеризовал в Сенате тактику Германии: «принимать принципиально и отклонять фактически». Кстати, и сама подкомиссия была впоследствии отозвана без всяких протестов со стороны Антанты, занятой Парижской конференцией.

ПРИНЯТИЕ СТАТУТА ЛИГИ НАЦИЙ

В «Комиссии отеля Крийон» тем временем шла лихорадочная работа. Вильсон спешил к сроку закончить устав Лиги наций. Это было нелегко:

¹ Эрцбергер. Германия и Антанта, стр. 331.

каждый пункт вызывал разногласия. Назначенная пленумом комиссия по выработке устава работала с 3 по 13 февраля, имея десять заседаний. До официального открытия комиссии, а потом и в процессе работы шли частные совещания. Американцы вели переговоры отдельно то с англичанами, то с итальянцами, то с теми и другими вместе. «Я предложил президенту, — записал Хауз в дневнике, — завтра встретиться с англичанами у меня в отеле «Крипон», а на следующий день свести вместе англичан и итальянцев, отложив встречу с французами еще на один день»¹.

Едва разрешали один вопрос, как сомнения вызывал другой. Длительную дискуссию вызвал вопрос, чей проект устава положить в основу обсуждения. Вильсон настаивал на американском, англичане выдвигали свой. После долгих колебаний президент предложил положить в основу объединенный англо-американский проект, согласованный на ряде частных совещаний.

С большим трудом добился Вильсон принятия принципа мандатов. Лансинг позже объяснил, какой дополнительный довод сыграл при этом роль: если бы германские колонии были аннексированы, то немцы, как они впоследствии и пытались, потребовали бы включения их стоимости в счет погашения контрибуций; мандатный же принцип позволял отнять у Германии колонии без всякой компенсации.

Французский делегат Леон Буржуа потребовал создания международной армии, которая действовала бы под оперативным контролем Лиги наций. Без этого — утверждали французы — Лига потеряет всякое практическое значение и может превратиться в философский трактат.

Французское предложение не имело целью сделать Лигу наций инструментом борьбы с агрессией. Его задача сводилась к тому, чтобы закрепить военное преобладание Франции над Германией, а, значит, добиться гегемонии на европейском континенте. Такое стремление подтверждалось и тем, что делегаты Франции возражали против вступления Германии в Лигу наций, т. е. превращали Лигу в антигерманский союз. Это означало резкое ослабление Германии, чего не хотели допустить ни Англия, ни США. Вильсон высказался категорически против французского предложения под тем предлогом, что американская конституция не позволяет такого ограничения суверенитета страны. Французы настаивали на своем. Прения затянулись. Встретившись с объединенным блоком всех партнеров, французы предложили создать хотя бы международный штаб при Лиге наций, но и это не встретило отклика. Французы отступили.

Резкое столкновение вызвало предложение японцев вставить в 21 статью устава, в которой говорится о равенстве религий, также и вопрос о равенстве рас. Этим предложением Япония добивалась уничтожения ограничений против иммиграции японцев, установленных в США и в доминионах Англии. Американцам очень хотелось бы поддержать Японию, чтобы иметь ее на своей стороне против Англии, но расовое равенство означало и равенство черного с белым, а такая вставка затруднила бы и без того спорную ратификацию устава американским сенатом. С другой стороны открыто спорить против равенства рас казалось неудобным.

Японцы день за днем ходили то к американцам, то к англичанам. Выход нашли в том, чтобы снять ту статью, 21, где речь шла о религиозном равенстве, этим самым и японцев заставили, по крайней мере на определенное время, снять свое предложение.

13 февраля был, наконец, закончен проект устава.

14 февраля, в тот день, когда маршал Фош начал переговоры о продлении перемирия, Вильсон в торжественной обстановке доложил мирной конференции статут Лиги наций. «Пелена недоверия и интриг спала, — закончил свою речь президент, — люди смотрят друг другу в лицо и говорят: мы — братья, и у нас общая цель. Мы раньше не сознавали этого,

¹ Архив полковника Хауза. Т. IV, стр. 233.

но сейчас мы отдали себе в этом отчет. И вот—наш договор братства и дружбы»¹.

Один за другим выступали представители разных стран. Все поздравляли человечество с созданием «инструмента мира». Правда, Леон Буржуа, проект которого был отвергнут, говорил, что устав Лиги наций должен подвергнуться изменениям и дополнениям. Представитель Геджаса также заявил, что в уставе есть «не совсем понятные» выражения. Что понимать под словом «мандат», спрашивал он. Ему никто не ответил. Пленарное заседание мирной конференции утвердило проект президента. На следующий день Вильсон, провожаемый пушечным салютом, покинул Европу.

ОБСУЖДЕНИЕ УСЛОВИЙ МИРА

С утверждением устава Лиги наций отпадал мотив, тормозивший обсуждение условий мирного договора. Совет десяти приступил к работе. Состав его несколько изменился. Ллойд Джордж уехал в Лондон. Орландо направился с отчетом в Рим. Клемансо был прикован к постели выстрелом анархиста. Может быть не случайно главы правительств покинули Париж: их замещали министры иностранных дел, и это подчеркивало деловой характер конференции. Представитель Англии лорд Бальфур предложил обсудить основные вопросы мира — о границах Германии, о возмещении ею убытков и т. п. Закончить обсуждение надо было бы не позже середины марта. Барон Макино спросил, входит ли вопрос о колониях в понятие «границы Германии». Ему ответили утвердительно. На столе появились различные пункты мирных условий. Заинтересованные страны отстаивали свои проекты. Слухи о некоторых требованиях проникали в кулуары. Дипломаты многих стран пытались выведать детали. Каждый представлял свои требования: все боялись быть обделенными. Страсти разгорались.

До чего накалилась атмосфера, можно судить по требованию персидской делегации. Персия не участвовала в войне, но числилась в списке держав, приглашаемых в состав Лиги наций. Делегация Персии прибыла в Париж и представила конференции меморандум, подписанный министром иностранных дел Мошаверэль-Мемалеком. Ссылаясь на «исторические права», восходящие якобы к XVI—XVIII столетиям, персидское правительство требовало предоставить Персии не более не менее как почти половину Кавказа, включая весь Азербайджан с городом Баку, русскую Армению, Нахичевань, Нагорный Карабах и даже часть Дагестана с городом Дербентом, а также огромную территорию за Каспием, простирающуюся к северу до Аральского моря, а к востоку до Аму-Дарьи с городами Мервом, Ашхабадом, Красноводском, Хивой и др. В общей сложности все эти области составляли свыше 578 тысяч квадратных километров. Кроме того, персидское правительство претендовало еще и на значительные турецкие территории. Трудно предположить, что такие претензии являлись плодом вожделений одних лишь персидских политиков. Повидимому, за спиной Персии стояла некая крупная держава. Во всяком случае требования Персии дают представление о той атмосфере, какая создалась на Парижской конференции.

Не было вопроса, вокруг которого не кипела бы дипломатическая борьба. Япония требовала Шаньдун, против чего резко выступал Китай. Раз мы объявили войну Германии, то все захваченные ею области должны быть возвращены нам, твердили делегаты Китая. Англичане склонны были поддержать Японию, но американцы вступились за Китай.

Французы требовали поскорее кончать с Германией, а потом заняться русским вопросом. Маршал Фош твердил, что союзники могут проиграть

¹ Новак. Версаль, стр. 59.

войну, если не решат русской проблемы: это может произойти в том случае, когда Германия в своих интересах урегулирует вопрос с Россией или сама станет жертвой большевизма. По свидетельству Хауза, маршал, в целях борьбы с большевистской Россией, «готов пойти на сотрудничество с Германией после подписания прелиминарного договора о мире и считает, что такое сотрудничество может оказаться весьма ценным»¹.

Клемансо требовал отодвинуть французскую границу до Рейна, а из германских провинций сделать самостоятельную республику без вооруженной силы и без права воссоединения с Германией; если рейнская республика попытается вернуться в лоно Германии, не позволять. Вильсон, находившийся в США, ответил категорическим отказом.

Французы соглашались пойти на уступки — создать рейнскую республику только на ограниченное время, в конце которого населению будет разрешено определить свою судьбу. Вильсон в ответ телеграфировал Хаузу: «Я надеюсь, что Вы не дадите даже предварительного согласия на отделение Рейнской провинции от Германии ни при каких условиях, а отложите все дело до моего приезда»².

Разумеется, к середине марта обсуждения условий мира так и не закончили. К этому времени из Америки вернулся Вильсон. Его забросали просьбами и заявлениями. Италия, Югославия, Греция, Албания передали ему свои меморандумы с требованием удовлетворить их запросы. Не предупредив ни Англию, ни Францию, Вильсон дал интервью о неразрывности устава Лиги наций и мирного договора. Он добьется этой неразрывности, решительно добавил Вильсон.

Однако сам Вильсон вернулся из Америки отнюдь не триумфатором. На родине он встретил сомнения в отношении Лиги наций. Целый ряд сенаторов выступил против участия США в Лиге, опасаясь вовлечения Америки в европейские дела. Все чаще в печати раздавались голоса, что Вильсон нарушил доктрину Монро. Для превращения устава Лиги наций в закон требовалось утверждение американского Сената большинством не крайней мере в две трети голосов; а между тем оппозиция в Сенате все усиливалась. По возвращении в Париж Вильсон стал получать тревожные телеграммы об агитации своих противников. Они требовали включения доктрины Монро в устав Лиги наций.

В Европе знали об этих затруднениях Вильсона. «Идеи президента завоевали Европу, — писал один видный историк. — Надо ждать... завоеуют ли идеи Вильсона Америку!»³. Поэтому окрик Вильсона не подействовал на конференцию. Досадливо отмахиваясь от надоевшего вопроса, делегаты крупных стран продолжали настаивать на выполнении своих программ. Клемансо требовал стратегической границы по Рейну и создания из германских провинций на левом берегу Рейна самостоятельного государства, в крайнем случае под протекторатом Лиги наций. Французские империалисты носились с планом соединения лотарингской руды с рурским углем. Маршал Фош говорил об опасности большевизма, угрожающей Польше. Он требовал создания «великой Польши» с передачей ей Познани и Данцига. Французов при этом вовсе не трогали интересы Польши. Они и не собирались отстаивать ее нужды. Французским империалистам хотелось создать противовес Германии и Советской России. В разгар прений Клемансо прямо заявил: «Когда был поднят вопрос об образовании польского государства, имелось в виду не только загладить одно из величайших преступлений истории, но и создать барьер между Германией и Россией...»⁴.

¹ Архив полковника Хауза. Т. IV, стр. 259.

² Там же, стр. 276.

³ Temperley. A history of the Peace Conference of Paris Vol. I, p. 204. London. 1923—1924.

⁴ Бекер. Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир, стр. 414.

Вильсон это понимал, — достаточно посмотреть страницы книги его историографа Бекера. Но создание Польши по французскому образцу означало усиление Франции в Европе. Ни Америка, ни Англия не соглашались на это. «Не надо создавать новую Эльзас-Лотарингию», — говорил Ллойд Джордж. Клемансо настаивал на своем, угрожая покинуть конференцию.

Однако, при защите своих требований Клемансо допустил ошибку. Оправдывая свою программу, он утверждал, что этого требует безопасность Франции. Отказав ему в границе по Рейну, Ллойд Джордж и Вильсон предложили взамен гарантировать французские границы, обязываясь оказать Франции немедленную помощь, если на нее нападет Германия. Клемансо знал, что в Америке требуют включения доктрины Монро в устав Лиги наций. В этом случае гарантии Америки не имели бы реального значения, ибо доктрина Монро запрещала использовать американские войска за пределами Америки. Клемансо попытался исправить свою оплошность. 17 марта он отправил ноту Вильсону и Ллойд Джорджу, в которой согласился принять гарантированную помощь со стороны обеих стран. Что касается Рейнских провинций, то Клемансо предлагал отделить левый берег Рейна в политическом и экономическом смысле от Германии и установить оккупацию провинций межсоюзными вооруженными силами на 30 лет при условии, если левый берег и пятидесятикилометровая зона на правом берегу Рейна будут полностью демилитаризованы.

Мало того, в целях компенсации за уступку в рейнском вопросе Клемансо потребовал передачи Франции Саарского бассейна; иначе Германия, владея углем, будет фактически контролировать французскую металлургию.

В ответ на новое требование Клемансо Вильсон заявил с раздражением, что никогда не слышал про Саар раньше. Клемансо обозвал Вильсона германофилом, добавив, что ни один французский премьер-министр не подпишет договора, которым Саар не будет возвращен Франции. «Значит, если Франция не получит того, что она желает, — сказал президент, — она откажется действовать совместно с нами. В таком случае не желаете ли вы, чтобы я вернулся домой?» — «Я не желаю, чтобы вы возвращались домой, — ответил Клемансо, — но намерен сделать это сам».

Клемансо порывисто покинул кабинет президента.

Кризис в отношениях между Францией и США дополнился взрывом противоречий между США и Англией, а также между Францией и Англией по вопросу о разделе Турции. 20 марта на квартире Ллойда Джорджа собрались премьер-министры и министры иностранных дел Франции, Англии, США и Италии. На стене кабинета Ллойда Джорджа висела большая карта Азиатской Турции; на ней различными красками были изображены территории, отходящие к странам-победительницам. Французский министр иностранных дел изложил всю историю раздела Турции, настаивая на французских требованиях. Затем выступил Ллойд Джордж. Он заявил, что Англия выставила против Турции до миллиона солдат, и настаивал на своем проекте. Вильсон, по его собственному признанию, впервые слышал о договоре Сайкс-Пико. «Это звучит как новая чайная фирма — Сайкс-Пико», — говорил с оттенком пренебрежения американский президент. Он предлагал послать специальную комиссию в составе французских, британских, итальянских и американских представителей, чтобы выяснить, каково желание самих сирийцев. Клемансо не возражал против обследования, но предлагал, чтобы были обследованы также Палестина, Месопотамия и другие территории, упоминаемые в английских требованиях.

Итоги обсуждения метко охарактеризовал Вильсон. На вопрос Хау-

за, как прошло совещание с Клемансо и Ллойд Джорджем, президент ответил: «Блестяще, мы разошлись по всем вопросам»¹.

Кстати, уехали в Сирию только американцы, не дождавшись английских и французских экспертов. Вернувшись, американские эксперты доложили, что сирийцы хотят быть самостоятельными. Клемансо поднял невообразимый шум, протестуя против такого предложения. Так вопрос о Сирии и не получил разрешения на мирной конференции.

Слухи о разногласиях между державами проникли в кулуары. Три дня спустя газеты сообщили о спорах между Францией и Англией, подробно изображая столкновение премьеров. На этот раз Ллойд Джордж потребовал прекращения газетного шантажа: «Если так будет продолжаться, я уйду. При таких условиях я не могу работать»², — пригрозил он. По настоянию Ллойда Джорджа все дальнейшие переговоры велись в Совете четырех. С этого момента Совет десяти фактически уступил место так называемой «большой четверке», состоявшей из Ллойда Джорджа, Вильсона, Клемансо, Орландо. Япония в нее не входила, ибо не была представлена главой правительства. Впрочем, «большая четверка» часто сокращалась до «тройки» — Ллойд Джордж, Вильсон и Клемансо. Конференция снова зашла в тупик.

«ДОКУМЕНТ ИЗ ФОНТЕНБЛО»

25 марта 1919 г. Ллойд Джордж прислал Клемансо и Вильсону с дачи, где обычно проводил конец недели, меморандум, озаглавленный «Некоторые замечания для мирной конференции до составления окончательного проекта мирных условий». Меморандум этот известен под названием «Документа из Фонтенбло». В нем изложена была английская программа и вместе с тем дана критика французских требований. Прежде всего Ллойд Джордж выступил против расчленения Германии. «Вы можете лишить Германию ее колоний, — писал Ллойд Джордж, — довести ее армию до размеров полицейской силы и ее флот до уровня флота державы пятого ранга. В конечном итоге это безразлично: если она сочтет мирный договор 1919 г. несправедливым, она найдет средства отомстить победителям... По этим соображениям я решительно возражаю против отторжения от Германии немецкого населения в пользу других наций в больших пределах, чем это необходимо»³.

Ллойд Джордж высказывался против требования польской комиссии передать под власть Польши 2.100 тысяч немцев, точно так же как и против уступки другим государствам территорий, населенных венграми. Дальше выдвигались следующие предложения. Рейнская область остается за Германией, но демилитаризируется. Германия возвращает Франции Эльзас-Лотарингию. Германия уступает Франции границу 1814 г., или же, для того чтобы возместить Франции разрушенные угольные копи, нынешнюю границу Эльзас-Лотарингии, а также право эксплуатации угольных копей Саарского бассейна на десять лет. К Бельгии отходят Мальмеди и Моренэ, а к Дании — определенные части территории Шлезвига. Германия отказывается от всех своих прав на бывшие германские колонии и на арендованную область Киао-Чао.

Что касается восточных границ Германии, то Польша получает Данцигский коридор, однако с таким расчетом, чтобы он охватил как можно меньше территорий с немецким населением.

Покончив с территориальными претензиями Франции, английский премьер высказался против чрезмерных требований и в вопросе о репарациях. «Я настаивал на том, — писал Ллойд Джордж, — чтобы репарационными платежами было отягчено только то поколение, которое участвовало в войне». Германия уплачивает ежегодно в течение известного

¹ Архив полковника Хауза. Т. IV, стр. 305.

² Новак. Версаль, стр. 86.

³ Lloyd George D. The Truth about the Peace Treaties. Vol. I, p. 405.

числа лет определенную сумму, которая устанавливается державами-победительницами; однако размер репараций должен сообразоваться с платежеспособностью Германии. Полученные от Германии суммы распределяются в следующей пропорции: 50% — Франции, 30% — Великобритании и 20% — остальным державам.

Наконец, чтобы ограничить военную мощь Франции, Ллойд Джордж предложил обсудить вопрос о разоружении. Правда, это касалось в первую очередь Германии и малых стран: пятерка победителей сохраняла свои вооруженные силы, пока Германия и Россия не докажут своего миролюбия. В обмен за согласие приступить к переговорам о разоружении Ллойд Джордж предлагал Франции совместные гарантии Англии и США против возможного нападения Германии.

«Документ из Фонтенбло» вызвал буквально припадок бешенства у французского премьера.

Клемансо поручил составление ответа своему ближайшему сотруднику Тардьё, но остался недоволен его проектом и сам принялся сочинять ноту Ллойд Джорджу. Французский премьер язвительно отметил, что английский премьер предлагает поставить Германии умеренные территориальные требования, но ничего не говорит об уступках, связанных с военно-морским положением Германии. «Если представляется необходимость, — отвечал Клемансо, — проявить по отношению к Германии особое снисхождение, следовало бы предложить ей колониальные, морские компенсации, а также расширение сферы ее торгового влияния»¹.

В заключение Клемансо отметил, что от плана Ллойд Джорджа выиграют морские и колониальные державы, т. е. Англия в первую очередь, ибо колонии у Германии отняты, флот разоружен, торговые корабли выданы, а континентальные державы останутся неудовлетворенными.

Клемансо, таким образом, отказывался от всяких уступок и послаблений.

Английский премьер не остался в долгу. «Если судить на основании меморандума, — писал в ответ Ллойд Джордж, — Франция, повидимому, не придает никакого значения богатым германским колониям в Африке, которыми она овладела. Она не придает также никакого значения ни Сирии, ни возмещениям, ни компенсациям, несмотря на то, что в вопросе о компенсациях ей неоднократно предоставляется приоритет... Она не придает значения и тому, что приобретает германские суда вместо французских судов, потопленных немецкими подводными лодками, а также получает часть германского военного флота...»².

«В действительности Франция озабочена только тем, чтобы отнять Данциг у немцев и передать его полякам»³, — писал Ллойд Джордж. Раз Франция считает, что английские предложения приемлемы только для морских держав, то Ллойд Джордж берет их назад.

«Я находился под властью иллюзии, — продолжал английский премьер, — что Франция придает значение колониям, кораблям, компенсациям, разоружению, Сирии и британской гарантии помочь Франции всеми силами, в случае если она подвергнется нападению. Я сожалею о своей ошибке и позабочусь о том, чтобы она не повторилась»⁴. В заключение Ллойд Джордж заявил, что снимает свое предложение о предоставлении Франции угольных копей Саара.

Переписка премьеров была вручена Вильсону. Снова начались заседания Совета четырех. Вильсон поддержал Ллойд Джорджа по вопросу о Сааре. Встретившись с единым фронтом обеих держав, Клемансо ре-

¹ Новак. Версаль, стр. 101.

² Lloyd George D. The Truth about the Peace Treaties. Vol. I. p. 420—421.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem.

шил изменить свое требование: он предложил передать Саарскую область Лиге наций, которая в свою очередь предоставит Франции мандат на нее на 15 лет. По истечении этого срока в области произведен будет плебисцит, который и решит вопрос о дальнейшей судьбе Саара. Но и это предложение Клемансо было отклонено. Вильсон соглашался только на посылку в Саар экспертов для выяснения, как можно было бы предоставить Франции эксплуатацию рудников без политического господства в Сааре.

Вильсон высказался также против отделения от Германии Рейнской области, даже против длительной ее оккупации французами. Зато он обещал вместе с Англией гарантировать границы Франции и оказать ей помощь в случае нападения Германии.

ПРОБЛЕМА КОНТРИБУЦИИ

С такой же запальчивостью обсуждался и вопрос о репарациях. Сколько можно взять с Германии, — над этим ломали голову эксперты. Английская комиссия под председательством австралийского премьера Юза наметила цифру в 24 миллиарда фунтов стерлингов, почти 480 миллиардов золотых марок. Ллойд Джордж назвал эту цифру «дикой и фантастической химерой», хотя сам на предвыборных собраниях в Англии обещал «вывернуть карманы немцам». Французы требовали на одно восстановление северо-восточных департаментов 3 миллиарда фунтов (60 миллиардов золотых марок), в то время как по статистическим данным народное достояние всей Франции в 1917 г. составляло всего 2,4 миллиарда фунтов.

Американцы опасались, что Клемансо и Ллойд Джордж убьют курицу, несущую золотые яйца. Ведь получить долги с Англии и Франции США могли лишь в том случае, если Германия будет платежеспособной. Американский эксперт Дэвис считал возможным потребовать с немцев только 25 миллиардов долларов.

Такие же споры вызвал и вопрос о распределении репараций между победителями. Ллойд Джордж предлагал 50% всей суммы дать Франции, Великобритании — 30% и остальным странам — 20%. Франция настаивала на 58% для себя и 25% для Великобритании. После долгих споров Клемансо объявил, что последнее слово французов — это 56% для Франции и 25% для Великобритании. Вильсон предлагал 56 и 28%.

В конце концов американские эксперты предложили не фиксировать цифры контрибуции, а поручить это особой репарационной комиссии, которая должна будет не позднее 1 мая 1921 г. пред'явить германскому правительству окончательные требования. Французы ухватились за это предложение, предполагая в будущем через комиссию добиться выполнения своего плана. В остальных вопросах к соглашению так и не пришли. Масла в огонь подлили японцы: они выступили с предложением уже раз провалившимся. Впрочем, Вильсон своим поведением подал японцам пример. Он вернулся из Вашингтона в роли просителя: ему приходилось добиваться согласия конференции на включение в готовый и доложенный на пленуме устав Лиги наций доктрины Монро, а это служило прецедентом и для других к пересмотру устава. 11 апреля на заседании комиссии, подготовлявшей устав Лиги наций, японцы снова потребовали вставить во вступительную часть устава вопрос о равенстве рас. Английские представители в комиссии и президент выступили против. Вильсон всячески затягивал заседание в надежде утомить участников и провалить поправку японцев. При голосовании японцы получили, однако, большинство — 11 голосов против шести, но Вильсон заявил, что поправка не прошла, так как голосование не было единогласным. Этим президент создал опять-таки прецедент для других: французы, например, мог-

ли голосовать против включения доктрины Монро и тем сорвать единогласное решение. Французы действительно возражали против включения доктрины Монро в устав Лиги наций. Клемансо снова стал угрожать уходом, что могло вызвать правительственный кризис и отставку премьера. Вильсон со своей стороны вызвал себе из Америки пароход «Георг Вашингтон». Мирная конференция висела на волоске. Спасти её можно было только пойдя на взаимные уступки.

14 апреля Клемансо передал через Хауза президенту, еще не оправившемуся от болезни, что согласен включить доктрину Монро в устав Лиги наций. Взамен американцы должны в свою очередь пойти на уступки: передать Франции мандат на Саарскую область, разрешить англо-французским войскам оккупировать левый берег Рейна на 15 лет в качестве гарантии выполнения Германией условий мирного договора, демилитаризировать Рейнские провинции, так же как и полосу шириной в 50 км на правом берегу Рейна.

Вильсон, переживавший сильную тревогу в связи с агитацией своих политических противников в Америке, обрадовался жесту Клемансо и заявил, что готов пересмотреть свое категорическое «нет» по саарскому и рейнскому вопросам.

Сразу после ухода президента Хауз направился к Клемансо и сообщил о согласии Вильсона на условия французов. Клемансо схватил за обе руки и обнял вестника. Хауз тут же попросил Клемансо прекратить выступления французских газет против Вильсона. «Клемансо, — рассказывает Хауз, — вызвал своего секретаря и с особой выразительностью сказал ему по-французски, что необходимо немедленно прекратить какие бы то ни было нападки на президента Вильсона и Соединенные Штаты, что отношения между нами очень хорошие и что между двумя нашими странами нет никаких разногласий по вопросам, стоящим перед мирной конференцией»¹.

Эффект был поразительный: утром 16 апреля парижские газеты вышли со славословиями Вильсону.

Соглашение как будто было достигнуто. Насколько оно было неожиданным и секретным, можно судить по тому, что в комиссии, где обсуждался устав Лиги наций, французские эксперты все еще высказывались против включения в устав доктрины Монро; они еще не знали о сделке Клемансо — Вильсона.

УЧРЕЖДЕНИЕ ЛИГИ НАЦИИ

Чтобы полностью изжить кризис, следовало еще убедить англичан присоединиться к уступкам Вильсона. Но с англичанами велись параллельные переговоры. Они добивались согласия США на отказ США от соперничества в морских вооружениях. Получив такое заверение, правда, не в виде официального решения, а в устных разъяснениях, англичане поддержали Вильсона, 22 апреля Ллойд Джордж присоединился к уступкам президента по Рейнскому и Саарскому бассейнам.

Обрадованный Вильсон получил, наконец, возможность доложить окончательный устав Лиги наций на пленарном заседании конференции 28 апреля. Леон Буржуа предложил создать военный орган при Лиге наций; Гиманс, бельгийский делегат, начал было выражать сожаление по поводу того, что Брюссель не избран местом заседаний Лиги наций. Вдруг Клемансо оборвал прения: он заявил, что предложение президента США ввиду отсутствия возражений принимается единогласно. Клемансо говорил по-французски; говорил он быстро; переводчики молчали. Большинство присутствующих его не поняло, а многие и не расслышали. Только после того, как Клемансо перешел к следующему пункту повест-

¹ Архив полковника Хауза. Т. IV, стр. 319.

ки дня, конференция с недоумением узнала, что «приняла единогласно» устав Лиги наций. «Конференция, — признавал Хауз, — не успела перевести дыхания, как все решения были уже приняты»¹.

Спорный вопрос о доктрине Монро, так тревоживший Вильсона, был сформулирован следующим образом:

«Статья 21. Международные обязательства, такие как договоры о третейском разбирательстве, и ограниченные пределами известных районов соглашения, как доктрина Монро, которые обеспечивают сохранение мира, не рассматриваются как несовместимые с каким-либо из постановлений настоящего статута»².

По статуту Лиги наций, учредителями ее являлись государства, участвовавшие в войне против Германии, а также вновь образовавшиеся государства (Геджас, Польша, Чехословакия).

Вторую группу государств составляли страны, приглашенные к немедленному вступлению в Лигу наций: Аргентина, Венецуэла, Дания, Испания, Колумбия, Нидерланды, Норвегия, Парагвай, Персия, Сальвадор, Чили, Швейцария, Швеция. В ноябре—декабре 1920 г. все они вступили в Лигу наций.

Швейцария при вступлении сделала оговорку о сохранении ею постоянного нейтралитета, ввиду чего Советом Лиги наций было признано ее «исключительное положение» и указано, что в военных выступлениях Лиги Швейцария участвует лишь экономической помощью.

К третьей категории относились все остальные государства мира. Для принятия их в состав членов Лиги наций необходимо было согласие двух третей голосов Собрания Лиги наций и единогласное постановление Совета.

Основными органами Лиги наций являлись Собрание всех представителей членов Лиги и Совет, при которых состоял постоянный Секретариат. Каждый член Лиги имел в общем собрании Лиги один голос: таким образом, Британская империя имела с доминионами 6 голосов, а с 1923 г. — вместе с Ирландией — 7 голосов. Совет Лиги наций по первоначальному статуту состоял из 9 членов: 5 постоянных (Великобритания, Италия, США, Франция, Япония) и 4 временных, сменяющихся ежегодно. В первом составе временных членов Совета Лиги наций были Греция, Испания, Бельгия, Бразилия. Так как США не вступили в Лигу наций, ибо сенат не утвердил Версальского мирного договора, в Совете было фактически 8 членов.

Лига наций признавала, что всякая война «интересует Лигу в целом», и последняя должна принять все меры для сохранения мира. По требованию любого члена Лиги немедленно созывается Совет. В случае возникновения конфликта между членами Лиги наций они подвергаются его разбирательству либо третейского суда, либо Совета и не прибегают к войне до истечения трехмесячного срока после решения суда или доклада Совета.

Если член Лиги прибегает к войне вопреки принятым на себя обязательствам, то остальные члены обязуются немедленно порвать с ним всякие торговые и финансовые отношения, а Совет должен предложить различным заинтересованным правительствам выставить тот или другой контингент войск, «предназначенных для поддержания уважения к обязательствам Лиги». Впрочем, обязательства Лиги наций по обузданию агрессоров были очерчены так неопределенно, что, по существу, сводились к нулю.

С такой же неопределенностью была сформулирована и статья о разоружении. Лига наций признала необходимым «ограничение националь-

¹ Архив полковника Хауза. Т. IV, стр. 337.

² «Международная политика новейшего времени». Ч. 2-я, стр. 263.

ных вооружений до минимума, совместимого с национальной безопасностью и с выполнением международных обязательств, налагаемых общим действием». Совету предлагалось, учитывая «географическое положение и особые условия каждого государства», подготовить планы ограничения вооружений и внести их на рассмотрение заинтересованных правительств. И только. Заинтересованные правительства могли и не считаться с такой рекомендацией.

Что касается мандатов, то они делились на три категории. В первую входили те турецкие области, которые «достигли такой степени развития, что их существование в качестве независимых наций может быть временно признано». Державы, получившие мандат над этой категорией областей, будут управлять ими до того момента, когда подмандатные страны окажутся способными сами руководить собой. Разумеется, срок и условия наступления такого момента не были определены.

Во вторую категорию входили области Центральной Африки, которые управляются обладателями мандатов на условиях запрещения торговли рабами, оружием, алкоголем, сохранения свободы совести и религии подвластного населения.

В третью категорию отнесены были колонии в Юго-Западной Африке и некоторые острова южной части Тихого океана, которые управляются по законам государства, обладающего мандатом, как составная часть его территории.

Самое распределение мандатов не было предусмотрено уставом Лиги наций; этим должна была заняться мирная конференция.

Наконец, при Лиге наций было организовано Международное бюро труда. Страны, не приглашенные в Лигу наций, могли входить в бюро труда, которое, таким образом, превращалось в своего рода испытательную комиссию для желающих быть принятыми в Лигу.

ПРЕТЕНЗИИ ИТАЛИИ И ЯПОНИИ

Итак, соглашение было достигнуто. Устав Лиги наций был принят. Осталось закончить обсуждение условий мирного договора. Все 58 комиссий Парижской конференции спешно заканчивали работу. Снова не раз вспыхивали споры по тому или иному вопросу. Так, англичане и американцы требовали уничтожения подводных лодок. «Их следует объявить вне закона», — говорил Вильсон. Но французы настаивали на разделе германских подводных лодок между союзниками. В заключение Германия была лишена своих подводных лодок: они пошли на вооружение победителей.

Такие же разногласия вызвал вопрос о запрещении применять отравляющие газы. Германия обязывалась сообщить союзникам способ изготовления газов. Но требование организовать надзор над всей химической промышленностью Германии было снято под тем предлогом, что производство газов тесно связано со всей химической промышленностью, следовательно раскрытие военных тайн немислимо без оглашения коммерческих и технических тайн. Таким образом, остановившись перед неприкосновенностью частной собственности германских владельцев химической промышленности, в которой были заинтересованы и некоторые американцы, мирная конференция оставила в руках немцев сильнейшее и опаснейшее оружие войны.

С грехом пополам урегулировали основные вопросы. Можно было уже пригласить немцев, чтобы познакомить их с предварительными условиями договора. Но тут плохо сколоченное здание мирной конференции снова зашаталось: итальянский премьер Орландо резко выступил против приглашения Германии. Он все ждал, когда займутся притязаниями Италии. Он поддерживал великие державы по принципу — «даю, чтобы ты дал». Но про Италию забыли. Теперь Орландо заговорил. Он настаивал

вал не только на выполнении обещаний, данных секретным Лондонским договором в апреле 1915 г. Он пошел дальше и потребовал города Фиуме, который никогда не предназначался Италии. Остальные великие державы и слышать не хотели о выполнении Лондонского договора. Фиуме же намечалось передать Югославии.

Итальянские дипломаты, как обычно, повели двойную игру. Орландо убеждал Ллойд Джорджа и Клемансо, что Лондонский договор должен остаться в силе. Таким образом, Орландо как будто соглашался и с тем пунктом Лондонского договора, по которому Фиуме не предназначался Италии. В то же время Орландо говорил Вильсону, что Лондонское соглашение для США не обязательно и что Фиуме должно передать Италии. Скоро двойная игра итальянцев раскрылась. Вильсон упорствовал. Орландо заявил, что без Фиуме не может вернуться домой: итальянцы поднимут возмущение. На это президент ему бросил: «Я знаю итальянцев лучше, чем вы!» 23 апреля Вильсон обратился с воззванием к итальянскому народу, требуя от него великодушия. В Совете четырех Вильсон предложил превратить Фиуме в самостоятельное государство под контролем Лиги наций. На следующий день Орландо покинул мирную конференцию. Но выехав из Парижа, он все же оставил там своего эксперта. В Риме была инсценирована буря возмущения против Вильсона. Газеты забыли о том, что писали несколько времени тому назад о Вильсоне Справедливом. Сейчас они называли его виновником всех несчастий Италии.

В день отъезда Орландо — 24 апреля — выступили японцы с требованием урегулировать шаньдунский вопрос «с минимальной задержкой»; если это требование не будет удовлетворено, они не подпишут договора. Японцы выбрали момент для выступления весьма удачно. Уход Италии с конференции пробил брешь в здании конференции. Если Япония последует за ними, конференция потерпит крах. Положение осложнилось тем, что Вильсон уже раз провалил японское требование о равенстве рас, причем не обычным манером; провалить второй раз значило толкнуть Японию к уходу с конференции. Вильсон колебался. Но Англия приняла сторону Японии. Ллойд Джордж советовал президенту уступить. Японцы в свою очередь объявили о своем намерении вернуть в будущем Китаю Шаньдунь. Вильсон сдался: вопреки своим неоднократным заверениям оказать помощь Китаю, президент передал Шаньдунь Японии.

Уступив Японии, отыгрались на Италии. Воспользовавшись уходом Орландо, Совет трех разрешил грекам занять Смирну, которая по тайному договору предназначалась Италии. С другой стороны Италия, стоявшая накануне финансового краха, продолжала вести переговоры с Америкой о займе. В конце концов опасаясь, что конференция подпишет с немцами мир без Италии, Орландо — уже без всякого шума — вернулся в Париж.

ГЕРМАНСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ И МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Германские делегаты были приглашены в Версаль на 25 апреля. В телеграмме подчеркивалось, что германские делегаты вызываются для получения текста прелиминарного мира. Немецкий министр иностранных дел граф Брокдорф-Рантцау ответил, что высылает делегатов, которые будут снабжены полномочиями для принятия проекта договора и передачи его германскому правительству. С целью оттенить оскорбительный тон ответа, Брокдорф назвал несколько имен делегатов и в том числе двух канцелярских служащих. Клемансо спохватился, что зашел слишком далеко: в новой телеграмме он просил выслать делегацию, облеченную полномочиями обсуждать все вопросы, связанные с миром. 28 апреля специальный поезд с германской делегацией во главе с Брокдорф-Рантцау отправился из Берлина.

В Германии знали о разногласиях в лагере Антанты. Генерал-квартирмейстер Гренер пытался установить связь с Англией и Америкой, действуя через подставных лиц. Людендорф через своих агентов предлагал Клемансо создать специальную германскую армию для борьбы с Советской Россией. Эрцбергер также вел сношения с французами, которым развивал план восстановления Бельгии и Северной Франции руками германских рабочих. Заказы должны были быть поделены между французскими и германскими промышленниками, а вся работа вестись под наблюдением и по указаниям французской контрольной комиссии.

Министр иностранных дел Германии в свою очередь старался установить связи с представителями Англии и особенно Америки. Словом, Германия пыталась возможно шире использовать противоречия в лагере своих противников.

В ожидании приглашения Германия создала несколько комиссий для подготовки своего контрпроекта. Там изучали прения на мирной конференции, знакомились с настроениями правительств. Германские агенты выведывали у представителей малых стран подробности переговоров в Совете четырех. Поэтому знали, что речь шла об Эльзас-Лотарингии, о Шлезвиге, Данциге.

Шли частые заседания германского правительства. Генерал Гренер настаивал на том, чтобы во что бы то ни стало сохранить армию. Перед самым отъездом Брокдорфа Гренер в сопровождении трех генералов и штабных офицеров явился к нему по поручению Гинденбурга. Гренер предупреждал против капитуляции. Он протестовал против признания Германии виновницей войны, ибо такое признание влекло бы за собой выдачу генералов, а армию надо было сохранить при всех и всяких условиях.

Противники Германии со своей стороны отдельно друг от друга вели переговоры с Германией. В дороге германскую делегацию посетил представитель Вильсона. Он советовал Брокфорду подписать мирный договор. Брокдорф ответил, что не подпишет ничего выходящего за пределы 14 пунктов Вильсона.

Делегация прибыла в Париж 30 апреля. Быстро разместились в отеле, водрузили антенну. Создали аппарат, готовясь приступить к переговорам, но конференция не подавала признаков жизни. Брокдорф-Рантцау днем и ночью обсуждал линию своего будущего поведения. Намечались различные планы в зависимости от того, как сложится обстановка.

Только 7 мая 1919 г. германская делегация была вызвана в Версаль. Клемансо открыл заседание конференции краткой речью: «Час расплаты настал,— заявил он.— Вы просили нас о мире. Мы согласны предоставить его вам. Мы передаем вам книгу мира»¹. При этом Клемансо подчеркнул, что победители приняли торжественное решение «применить все имеющиеся в их распоряжении средства, чтобы полностью добиться следуемого им законного удовлетворения»². Германским делегатам до этого заявили, что никакие устные дискуссии не могут быть допущены и что немецкие замечания должны быть представлены в письменном виде. Немцам был предоставлен срок в 15 дней, в течение которого они могли обращаться за разъяснениями. После этого Верховный совет решил, в какой срок должен последовать окончательный ответ германского правительства.

Пока переводилась речь Клемансо, секретарь мирной конференции француз Дютаста с толстой белой книгой в руках подошел к столу, где сидела германская делегация, и вручил условия мира Брокдорф-Рантцау.

У германского министра были заготовлены два варианта ответа на

¹ Новак. Версаль, стр. 153.

² Там же.

речь Клемансо: один — на тот случай, если речь Клемансо будет корректной, и второй — если она будет агрессивной. Брокдорф-Рантцау выбрал второй вариант. «От нас требуют, чтобы мы признали себя единственными виновниками войны, — говорил Брокдорф. — Подобное признание в моих устах было бы ложью»¹.

Клемансо произносил свою речь стоя, Брокдорф — сидя, чтобы подчеркнуть пренебрежение. Германия признает несправедливость, совершенную ею по отношению к Бельгии. Но и только. Не одна Германия совершила ошибку, говорил Брокдорф. Он подчеркнул, что Германия, как и все другие державы, принимает 14 пунктов Вильсона. Таким образом, они являются обязательными для обоих враждующих лагерей. Он поэтому против чрезмерных репараций. «Разорение и гибель Германии, — угрожал Брокдорф, — лишили бы государства, имеющие право на компенсацию, тех выгод, на которые они претендуют, и повлекли бы за собой невообразимый хаос во всей экономической жизни Европы. И победители и побежденные должны быть на-чеку, чтобы предотвратить эту грозную опасность с ее необозримыми последствиями»². Речь Брокдорфа закончилась вся процедура.

Больше двух дней изучали немцы условия мира. Под первым впечатлением один из делегатов предложил немедленно покинуть Париж. В Берлине была организована демонстрация протеста. 12 мая 1919 г. президент Эберт и министр Шейдеман произнесли речи с балкона перед толпой, собравшейся на улице. Шейдеман кричал: «Пусть отсохнут руки прежде, чем они подпишут такой мирный договор». Но Брокдорфу приказали остаться в Париже. Он пытался вступить в личные переговоры с руководителями конференции, надеясь добиться пересмотра некоторых пунктов договора. Германская делегация посылала ноту за нотой, настаивая на смягчении отдельных условий. Но Клемансо неизменно отвечал отказом. Немцы и здесь использовали свой излюбленный прием, пытаясь запугать противников революцией. Брокдорф-Рантцау предложил созвать в Версале международный рабочий конгресс для обсуждения вопросов рабочего законодательства. Разумеется, дело было не в защите рабочих интересов. Немцы хотели использовать рабочее движение, чтобы с его помощью повлиять на мирную конференцию. Но Клемансо понял этот план. Он отказался вести какие бы то ни было переговоры о конгрессе.

Из Берлина летели одна телеграмма за другой с протестами против признания Германии ответственной за войну. Германская делегация заявляла в ноте, что не признает только одну свою страну виновницей этого бедствия. Ведь недаром мирная конференция имеет «комиссию для расследования ответственности зачинщиков войны».

Такая комиссия действительно была создана. Немцы, узнав о ее существовании, потребовали сообщить им результаты ее работы.

Клемансо язвительно ответил немцам, что непрерывное стремление Германии свалить с себя вину может быть понято только в том случае, если она действительно чувствует ее за собой. Ведь сама же Германия в ноябре 1918 г. заявила, что она согласна возместить все убытки, происшедшие в результате ее нападения на суше, на воде и с воздуха.

В ответ на довод, что новая Германия не может отвечать за действия старого правительства, Клемансо напомнил 1871 год, когда Германия не спрашивала у Французской республики, желает ли она отвечать за грехи Французской монархии. Точно так же и в Бресте Германия заставила новую Россию признать обязательства царского правительства.

¹ Там же, стр. 153.

² Там же, стр. 153.

20 мая граф Брокдорф попросил продлить срок представления ответа. Он не терял надежды сыграть на противоречиях среди союзников и поэтому настаивал на отсрочке. Ему дали 8 дней. Германский посол выехал в Спа. Туда же прибыли представители германского правительства. 29 мая Брокдорф-Рантцау вручил Клемансо ответную ноту Германии. «Прочитав в указанном документе об условиях мира, — писал Брокдорф, — те требования, которые нам пред'явила победоносная сила противника, мы ужаснулись»¹. Германия протестовала против всех пунктов мирных условий и выдвигала свои контрпредложения. Немцы соглашались на 100-тысячную армию, но настаивали на принятии Германией в Лигу наций. Они отказывались в пользу Франции от Эльзас-Лотарингии, требуя, однако, провести там плебисцит. Они выражали готовность уступить полякам значительную часть Познанской провинции и предоставить Польше доступ к открытому морю. Они принимали передачу своих колоний Лиге наций при условии признания также и за Германией права на получение мандата. В качестве репараций Германия соглашалась уплатить 100 миллиардов золотых марок, из них 20 миллиардов до 1 мая 1926 г. Она уступала часть своего флота. Что касается виновности в войне, то Германия настаивала на создании беспристрастной комиссии, которая расследовала бы этот вопрос.

Пока Совет четырёх знакомился с германскими контрпредложениями, Брокдорфа посещали неофициальные представители воюющих держав. Были у него и французы, и англичане. У немцев складывалось представление, что противник готов пойти на уступки. Из каких-то источников немцы узнали о разногласиях по вопросу о разоружении. Впрочем, когда 23 мая на Совете четырёх обсуждался доклад военных экспертов Верховного совета об ограничении вооружений малых государств, там присутствовало свыше тридцати человек. При таком числе мудрено было сохранить тайну!

Незадолго перед этим совещанием военные эксперты получили указание определить численность войск малых наций пропорционально армии, оставленной Германии и составлявшей 100 тысяч человек. Это означало, что Австрия должна иметь армию в 15 тысяч, Венгрия — 18 тысяч, Болгария — 10 тысяч, Чехословакия — 22 тысячи, Югославия — 20 тысяч, Румыния — 28 тысяч, Польша — 44 тысячи и Греция — 12 тысяч.

Союзники Германии не были представлены на конференции, хотя Австрия уже получила приглашение. Они не могли открыто выразить свой протест, но остальные страны и слышать не хотели о таком составе их армий. Американский генерал Блисс, делавший доклад, полагал, что 100 тысяч человек недостаточно для Германии, нужно увеличить армию и соответственно увеличить численность войск малых наций. Но против пересмотра этого вопроса резко выступил Клемансо. 5 июня представители Польши, Чехословакии, Румынии, Югославии и Греции были приглашены на заседание Совета в квартире Вильсона. На предварительном совещании, после продолжительной дискуссии, они выработали единую линию поведения — отказаться от сокращения армий. Заседание у президента происходило в крайне накаленной атмосфере. Делегаты приглашенных стран категорически настаивали на сохранении своих армий. Напрасно их убеждали Вильсон и Ллойд Джордж. Клемансо не выступал. Делегаты чувствовали его молчаливую поддержку. Соглашение так и не было достигнуто. Делегаты малых стран покинули заседание.

Германия знала об этих разногласиях и надеялась, что они помогут ей добиться уступок. Но ожидания её не оправдались. 16 июня Брокдорфу вручили новый экземпляр мирного договора. Это была та же толстая книга, в которую теперь от руки были вписаны красными чернилами

¹ «Международная политика новейшего времени». Ч. 2-я, стр. 251.

некоторые изменения. Франция отказывалась от своего суверенитета в Саарской области в пользу Лиги наций. Для управления областью назначались пять комиссаров. В Верхней Силезии предназначено было провести плебисцит. В сопроводительной ноте Клемансо подчеркнул, что договор «должен быть принят или отвергнут в том виде, в каком он изложен сегодня». На ответ давалось пять дней. В случае неполучения ответа державы объявят, что перемирие кончилось, и примут те меры, которые сочтут необходимыми, «для того чтобы силой провести и выполнить эти условия». Единственная уступка состояла в том, что немцам по их настойчивой просьбе прибавили еще 48 часов к этим пяти дням.

Немецкая делегация отбыла в Берлин.

Начались заседания германского правительства. Одни министры, в том числе и Брокдорф-Рантцау, предлагали не подписывать мирного договора, надеясь, что разногласия в лагере победителей позволят добиться более мягких условий. Другие настаивали на подписании мирного договора, опасаясь распада империи. Но и те, которые требовали подписания, открыто говорили, что выполнять условий не следует. Запросили мнение Гинденбурга. Он ответил, что армия неспособна сопротивляться и будет разбита; надо сохранить во что бы то ни стало армию и её верховный штаб. Тайно вели переговоры с французами. Те дали понять, что кайзера и генералов не тронут.

21 июня германское правительство сообщило, что готово подписать мирный договор, не признавая, однако, что германский народ является ответственным за войну. На следующий день Клемансо ответил, что союзные страны не пойдут ни на какие изменения в договоре и ни на какие оговорки и требуют либо подписать мир, либо отказаться от подписания. 23 июня Национальное собрание Германии приняло решение подписать мир без всяких оговорок. Настроение было чрезвычайно напряженное. Боялись, что Антанта может начать наступление. Какой-то депутат, по свидетельству Эрцбергера, волнуясь по поводу затянувшихся прений, истерически кричал: «Где мой автомобиль? Я должен сейчас же ехать! Сегодня ночью появятся французские лётчики!»¹

28 июня 1919 г. новый министр иностранных дел Германии Герман Мюллер и министр юстиции Белл подписали Версальский мир.

УСЛОВИЯ ВЕРСАЛЬСКОГО МИРА

По Версальскому мирному договору Германия обязывалась вернуть Франции Эльзас-Лотарингию в границах 1870 г. со всеми мостами через Рейн. Угольные копи Саарского бассейна переходили в собственность Франции, а управление областью было передано Лиге наций на 15 лет, по истечении которых плебисцит должен был окончательно решить вопрос о принадлежности Саара. Левый берег Рейна оккупировался Антантой на 15 лет. Территория на 50 км к востоку от Рейна полностью демилитаризировалась. В округах Эйпен и Мальмеди предусмотрен был плебисцит; в результате его они отошли к Бельгии. То же самое относилось и к районам Шлезвиг-Гольштейна: они перешли к Дании. Германия признавала независимость Чехословакии и Польши и отказывалась в пользу первой от Гульчинского района на юге Верхней Силезии, а в пользу Польши — от некоторых районов Померании, от Познани, большей части Западной Пруссии и части Восточной Пруссии. Вопрос о Верхней Силезии разрешался плебисцитом. Данциг с областью переходил к Лиге наций, которая обязалась сделать из него вольный город. Он включался в польскую таможенную систему. Польша получала право контроля над железнодорожными и речными путями Данцигского коридора. Германская территория была разделена Польским коридором. В общем от Германии отошла

¹ Эрцбергер. Германия и Антанта, стр. 356.

одна восьмая часть территории и одна двенадцатая часть населения. Союзники заняли все германские колонии. Англия и Франция поделили между собой Камерун и Того. Немецкие колонии в Югозападной Африке отошли к Южноафриканскому союзу; Австралия получила Новую Гвинею, а Новая Зеландия — острова Самоа. Значительная часть немецких колоний в Восточной Африке была передана Великобритании, часть — Бельгии, треугольник Кионга — Португалии. Острова на Тихом океане севернее экватора, принадлежавшие Германии, область Киао-Чао и германские концессии в Шаньдуне стали владениями Японии.

Всеобщая воинская повинность в Германии отменялась. Армия, состоявшая из добровольцев, не должна была превышать 100 тысяч человек, включая контингент офицеров, не превышающий 4 тысяч человек. Генеральный штаб распускался. Срок найма унтер-офицеров и солдат определялся в 12 лет, а для вновь назначаемых офицеров — 25 лет. Все укрепления Германии уничтожались, за исключением южных и восточных. Военный флот был сведен к 6 броненосцам, 6 легким крейсерам, 12 контрминоносцам и 12 миноносцам. Иметь подводный флот Германии запрещалось. Остальные германские военные суда подлежали передаче союзникам или разрушению. Германии запрещалось иметь военную и морскую авиацию и какие бы то ни было дирижабли. Однако Германия освобождалась от оккупации. Для наблюдения за выполнением военных условий договора создавались три международные контрольные комиссии.

Экономические условия договора сводились к следующему. Особая репарационная комиссия должна была определить к 1 мая 1921 г. сумму контрибуции, которую Германия обязана была покрыть в течение 30 лет. До 1 мая 1921 г. Германия обязывалась выплатить союзникам 20 миллиардов марок золотом, товарами, судами и ценными бумагами. В обмен за потопленные суда Германия должна была предоставить все свои торговые суда водоизмещением свыше 1600 тонн, половину судов свыше 1 тысячи тонн, одну четверть рыболовных судов и одну пятую часть всего своего речного флота и в течение пяти лет строить для союзников торговые суда по 200 тысяч тонн в год. В течение 10 лет Германия обязывалась поставлять Франции до 140 млн. тонн угля, Бельгии — 80 млн., Италии — 77 млн. Германия должна была передать союзным державам половину всего запаса красящих веществ и химических продуктов и одну четвертую часть из будущей выработки до 1925 г. Германия отказывалась от своих прав и преимуществ в Китае, Сиаме, Либерии, Марокко, Египте и соглашалась на протекторат Франции над Марокко и Великобритании над Египтом. Германия должна была признать договоры, которые будут заключены с Турцией и Болгарией. Она обязывалась отказаться от Брест-литовского как и от Бухарестского мира и признать и уважать независимость всех территорий, входивших в состав бывшей Российской империи к 1 августа 1914 г. Статья 116 мирного договора признавала за Россией право получения у Германии соответствующей части репараций. Германия оставляла свои войска в прибалтийских республиках и в Литве впредь до особого распоряжения союзников. Этим самым Германия становилась соучастницей интервенции в Советской России.

ПРОТИВОРЕЧИЯ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ.

ДОГОВОРЫ, ПОДПИСАННЫЕ В СЕН-ЖЕРМЕНЕ, НЕЙИ И ТРИАНОНЕ

Покончив с Германией, победители приступили к переговорам с её союзниками. 10 сентября 1919 г. в Сенжерменском дворце был подписан договор с Австрией. Она обязывалась передать Италии часть провинций Крайны и Каринтии, Кюстенланд и Южный Тироль. Югославия получила большую часть Крайны, Далмацию, южную Штирию и юговосточную Каринтию. В Клагенфурте было постановлено произвести плебисцит: он закончился в своё время в пользу Австрии. Чтобы вбить клин между Венгрией и Австрией, от первой был отнят Бургенланд и передан второй. Бу-

ковину отдали Румынии. В состав Чехословакии вошли Богемия, Моравия, две общины нижней Австрии и часть Силезии. Австрии запрещалось объединение с Германией. Австрия получала право содержать армию в 30 тысяч солдат. Свой военный и торговый флот Австрия передала победителям. Империя Габсбургов перестала существовать.

27 ноября 1919 г., после продолжительных переговоров, в течение которых болгарская делегация доказывала, что война была вызвана политикой царя Фердинанда, в Нейи был подписан договор с Болгарией. Добруджа была закреплена за Румынией. Болгария передала часть своей территории Югославии. Фракия осталась в руках победителей, позже передавших её Греции. Это отрезало Болгарию от Эгейского моря. Болгария обязалась выдать победителям весь флот и уплатить контрибуцию в 2,5 миллиарда золотых франков. Вооружённые силы Болгарии определялись в 20 тысяч человек.

Позже других был заключён мир с Венгрией, переживавшей революцию. Только 4 июня 1920 г. в Версале, в Большом Трианонском дворце, был подписан с ней договор. Словакия и Прикарпатская Русь включены были в состав Чехословакии, к Югославии отошли Хорватия и Словения. Румыния получила Трансильванию и Банат, за исключением части, переданной Югославии. Контингент венгерской армии не должен был превышать 30 тысяч человек. Венгрия осталась без выхода к морю. Над Дунаем устанавливался контроль победителей. От Венгрии отошли около 70% территории и почти половина населения.

Так сложилась послевоенная версальская система.

ИТОГИ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ

Историки дипломатии сравнивали иногда Версальскую конференцию с Венским конгрессом. Действительно, между обеими конференциями много внешнего сходства. Версальская конференция длилась так же долго, как и Венский конгресс. Так же как в Вене, в Версале много танцевали и туго подвигались вперёд. Заседания конференции часто прерывались сведениями о революционных вспышках в Европе. Самые задачи Лиги наций сближались с целями Священного союза: они сводились к охране новой системы международных отношений от революции.

Но по существу Версальский мир более всего напоминал мир Франкфуртский. К Версально вполне подходят слова, сказанные Марксом по поводу Франкфурта: «Это — вернейший способ превратить... войну в европейскую... Это — безошибочный способ превратить будущий мир в простое перемирие»¹.

В самом деле, Версальский мир надолго закрепил противоречия между победителями и побежденными. Он вызвал огромную передвижку населения, перед которой бледнеют великие переселения народов. Румыния выселила более 300 тысяч человек из Бессарабии. Из Македонии и Добруджи двинулись с места почти 500 тысяч человек. Немцы уходили из Верхней Силезии. Версальский мир направлен был против интересов славянства. Семь с половиной миллионов украинцев были поделены между Польшей, Румынией и Чехословакией. Мир противопоставил одни славянские страны другим.

Антанта сплотила против себя побежденных и вызвала их ненависть. С другой стороны, разногласия внутри самой Антанты не позволили ей создать прочные гарантии против немецкого реванша. Каждый из победителей вел переговоры с Германией без ведома партнеров и натравливал ее против союзников. Не подлежит сомнению, что условия Версальского мира были тяжелы. Но вся его тяжесть пала на плечи трудящихся, а не германских империалистов. Германские империалисты сохранили всю свою промышленность и легко могли восстановить в полном объеме её произ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 68.

водственную мощь. Никто ещё не забыл, с какой баснословной быстротой Франция после своего поражения выплатила немцам пятимиллиардную контрибуцию; а ведь за полвека, отделяющие Версаль от Франкфурта, техника далеко шагнула вперед.

Армия Германии не была окончательно сокрушена. Кадровый ее состав уцелел. Антанта сама помогла его сохранить. Рассчитывая на столкновение Германии с Советским Союзом, Антанта сквозь пальцы смотрела на создание немцами сотен военных и спортивных организаций, где под видом инструкторов и охотников скрывались многие десятки тысяч офицеров. К тому же Германия избавлена была от оккупации.

Империалистическая Германия в свою очередь широко пользовалась распрями в среде своих противников. Ведя переговоры то с одним, то с другим, обманывая всех, германские империалисты копили силы для нового наступления. Поистине пророчеством были слова Ленина: Версальский мир «является величайшим ударом, который только могли нанести себе капиталисты и империалисты... победивших стран»¹.

В результате войны и Версаля противоречия между союзниками углубились. Обострилась борьба между Англией и Францией, США и Англией, США и Японией, наконец, между Италией и ведущими державами Антанты. Ко всему этому следует добавить противоречия между системой капитализма и социализма. Версальский мир должен был покончить с войной. В действительности же он превратил её в постоянную угрозу, висящую над всем миром.

¹ Ленин. Т. XXIV, стр. 545.

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МОЛДАВИИ С МОСКОВСКИМ ГОСУДАРСТВОМ В XV—XVIII ВЕКАХ

И. Чебан

Связи Молдавии с Москвой занимают очень важное место в истории молдавского народа. Современный историк не может изучать историю Молдавии вне этих связей. Буржуазная наука, особенно румынская, если и занималась этими вопросами, то лишь для того, чтобы оправдать захватническую политику румынского империализма. Имеющиеся на русском языке статьи и исследования также не показывают действительного положения вещей, так как касаются почти исключительно церковно-религиозных отношений. Кроме того, почти все румынские и некоторые русские дореволюционные учёные ошибочно рассматривали Молдавию как неотделимую часть Румынии¹. Советская же историческая наука совершенно правильно рассматривает Молдавию как страну, развивающуюся вне зависимости от Валахии или Румынии².

Наша задача заключается главным образом в том, чтобы на основании различных материалов (разбросанных в трудах авторов, занимающихся историей России, Бессарабии, Молдавии и Румынии) и документов показать дипломатические и культурные связи между Молдавией и Москвой и их важность для истории обеих стран.

Основание дружбы было заложено в совместной борьбе русского и молдавского народов против общего врага славян и молдаван — немецких рыцарей, в 1409—1410 гг., когда, по словам некоторых учёных, «вассальные и союзные князья молдавские, валашские и бессарабские послали Ягелле вспомогательные отряды»³, участвовавшие в Грюнвальдской битве.

Дружественные связи молдавских господарей с великими московскими князьями начались при молдавском господаре Александре Добром (1400—1432). Во второй половине XV в. были установлены дипломатические отношения между правительствами обеих стран⁴.

Южные славяне в результате битвы на Коссовом поле (1389) потерпели поражение. Пала Сербия, твердыня на пути оттоманских завоеваний, на юге уже не оставалось христианских стран, которые могли бы оказать серьёзное сопротивление туркам в борьбе за свою свободу и независимость. В 1453 г. пала столица Византии — Константинополь. В XV в. Молдавия подпала под власть Турции. Господари Молдавии стали вассалами Турции и платили ей дань. В это время на далёком севере, вокруг Москвы, происходило объединение Руси в единое национальное централи-

¹ Правда, известный румынский историк П. П. Панаитеску, разбирая причины самостоятельности Молдавии и Валахии, в основном правильно подходит к решению вопроса о независимом развитии этих стран. См. Panaitescu P. Dece au fost tara romaneasca sie Moldova tari seperata? «Rev. Fund. Neg» N. 6. 1938.

² Сергиевский М. Молдавские этюды, стр. 64. М. и Л. 1936; Державин Н., акад. Происхождение молдавского народа. «Советская наука» № 12 за 1940 год.

³ Залесский В. Грюнвальдский бой — прообраз единения славян, стр. 194. Казань. 1911.

⁴ Яцимирский А. Благотворительность русских государей в Румынии в XVI—XIX вв. «Русский вестник», май—июнь 1899 г., стр. 608.

зованное государство. Тогда-то народы Балканского полуострова обратили свои взоры на Москву, ставшую «третьим Римом»¹. Воеводы Молдавского княжества всё чаще и чаще стали обращаться к русскому царю за помощью в борьбе за родную землю и её независимость от ненавистных угнетателей — турок.

Самая тесная всесторонняя связь между Молдавией и Москвой была установлена при Стефане Великом (1457—1504). Этот мудрый политик очень рано почувствовал необходимость сближения с объединяющейся сильной Русью. Стефан установил связи с киевскими князьями Олельковичами², близкими друзьями московских князей, и вступил в брак с великой княгиней Евдокией, сестрой великого князя Симеона (из рода Олельковичей).

Кроме того в 1483 г. Иван III женил своего сына Ивана Молодого на Олене, дочери молдавского господаря Стефана Великого и Евдокии.

Брак сына Ивана III с дочерью молдавского господаря является очевидным свидетельством отхода Стефана Великого от Польши и его сближения с Россией³.

В 1486 г. молдавский воевода Стефан Великий просил московского князя Ивана III вооружиться против чужеземцев-турок⁴, которые громили земли Стефана и стремились завоевать Европу. Иван III писал по этому поводу польскому королю Казимиру: «Если б нам было не так далеко и было бы можно, то мы бы сердечно хотели то дело делать и стоять за христианство. Стефан воевода и к нам прислал с просьбою, чтобы мы уговаривали тебя помогать ему; которым христианским государям близко и можно то дело делать, то всякому господарю христианскому должно того дела оберегать и за христианство стоять»⁵.

В 1499 г. послы Стефана Великого опять просили у московского царя помощи против чужеземцев⁶.

Но так как между Молдавией и Россией в то время не было общих границ, последняя при всём своём желании не могла непосредственно помочь молдавскому господарю. Однако косвенная помощь существовала и заключалась она в том, что Россия неоднократно отвлекала силы Польши на севере, развязывая тем самым руки Стефана в борьбе против турок. И наоборот, когда Стефан Великий отвлекал силы Польши или Турции и татар на юге, московский князь Иван III мог заняться своими внутренними делами по объединению русских земель.

Молдавский господарь Стефан Воевода по праву называется Великим⁷. Он действительно был выдающимся политическим деятелем и великим полководцем Молдавии, создавшим сильное молдавское государство и его военную силу. Около полувека Стефан Воевода смог отстаивать независимость страны почти без всякой непосредственной помощи со стороны других государств. При Стефане Великом госпо-

¹ «Русское благотворение обителям придунайских государств в XVI—XIX в. «Правительственный вестник» №№ 19, 20, 21 за 1903 год.

² Яцимирский А. Указ. Соч. «Русский вестник» за май—июнь 1899 г., стр. 610 см. также Карамзин Н. История государства Российского. Т. VI, стр. 112; Уляницкий М. Материалы для истории России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв., стр. 112. М. 1887.

³ P a n a i t e s c u P. Contributii la istoria lui Stefan cel Mare «Memorille sectiunii istorice», seria III. T. XV, p. 71. Academia romana. Bucuresti. 1934.

⁴ Уляницкий В. Указ. соч., стр. 115, см. также «Русское благотворение обителям».

⁵ Соловьёв С. История России с древнейших времён. Т. V, стб. 1448. СПб.; см. Уляницкий В. Указ. соч., стр. 115.

⁶ См. Уляницкий В. Указ. соч., стр. 179—80.

⁷ См. Карамзин Н. Указ. соч. Т. VI, стр. 111; Xenopoi A. Istoria romanilor din Dacia Traiana, p. 11—94. Vol. 4. Bucuresti. 1927.

дарство достигло вершины своего могущества. Экономика страны была высоко развита. Как известно, Молдавия была долгое время торговыми воротами между Востоком и Западом. Молдавские города — Белгород-Днестровский (Аккерман) на Чёрном море и Килия в устье Дуная — являлись центрами, из которых молдавские и западноевропейские купцы отправляли свои товары в Крым, Малую Азию и на Балканы. Сюда же прибывали товары из Каффы от татар, генуэзцев и турок для отправки их на запад¹. Молдавия облагала эти товары высокими таможенными пошлинами. Господари и бояре чрезвычайно быстро обогащались. В таком положении Молдавия находилась почти до XVII века. На базе экономического развития княжества шёл и культурный расцвет страны². Богатства Молдавии разжигали хищнические аппетиты Турции, Польши, Австрии, Венгрии, татар и др. Они мечтали покорить её и овладеть устьем Дуная. Молдавия часто становилась источником противоречий между великими государствами. Поэтому господари искали помощи у Москвы³.

Сын Стефана Великого Пётр Рареш (1527—1588), не обладавший качествами своего отца, ещё больше нуждался в помощи русских государей. В 1542 г. он под предлогом закупки мехов, соколов и других подарков султану отправил послов к московскому князю Ивану IV для переговоров о помощи в борьбе с Турцией. Тогда же великий князь московский обещал оказать Петру помощь⁴. По этому поводу в тогдашнюю столицу Молдавии, Сучаву, было отправлено русскими посольство, но вследствие натянутых отношений между Россией и Польшей последняя не пропустила послов — и переговоры были прерваны⁵.

Несмотря на неудачи с посольством Иван Грозный строил монастыри в Молдавии, посылал мастеров-художников для их украшения, покровительствовал им и делал богатые вклады и пожертвования⁶. В эти монастыри собирались образованные люди, там воспитывалась молодёжь княжества.

В период второго правления молдавского господаря Александра Лопушняну (1563—1568) посланником от Молдавии при дворе Ивана Грозного был Евфимий, умный и образованный иеромонах и игумен Киприанова монастыря (существующего и поныне недалеко от Кишинёва). Александр Лопушняну обратился к царю за денежной помощью, предполагая на полученные деньги выкупить молдавский престол у турок⁷.

Царь Борис Годунов (1598—1605) также «помогал против них (турок—И. Ч.) единоверному воеводе молдавскому Михаилу⁸; кроме денег на военные нужды, в Молдавию посылались церковные украшения, образа»⁹.

Молдаване и греки пользовались особыми привилегиями в Московском государстве. В царствование Ивана Васильевича несмотря на нерас-

¹ Bogdan I, Inscriptole dela Cetatea Alba staparirea Moldovei asupra ei, p. 38.

² Каптерев Н. Характер отношений России к православному Востоку в XVI—XVII столетиях, стр. 104. М. 1885.

³ Уляницкий В. Указ. соч., стр. 116.

⁴ «Русское благотворение обителям», «Правительственный вестник» №№ 19, 20, 21 за 1903 год.

⁵ Палаузов С. Румынские господарства Валахия и Молдавия, стр. 77—78, 82—83. СПб. 1859.

⁶ Ядмирский А. Указ. соч., стр. 606, 607.

⁷ Сырку П. Из истории сношений русских с румынами. «Известия отделения русского языка и словесности императорской Академии наук». Т. I, стр. 517—519. СПб. 1896.

⁸ В это время в Молдавии был господарём Иеремия Могила (1595—1606), а не Михаил; правда, по утверждению Иорги, правление валашского господаря Михаила Храброго (1593—1601) распространялось около года (1600 г.) и на Молдавию.

⁹ Соловьёв С. Указ. соч. Т. VIII, стр. 712.

положение России к Турции молдавские купцы торговали в Москве наряду с подданными русского государя¹.

Из года в год турки всё глубже проникали в Молдавию и подчиняли её Османской империи. И чем больше давил турецкий пресс, тем чаще обращались молдавские господа к русским царям и связи Молдавии с Москвой становились всё теснее.

В XVII в. эти связи становятся более прочными и всесторонними.

При молдавском господаре Василии Лупу (1634—1654)² митрополит Молдавии Варлаам в 1637 г. писал царю Михаилу Фёдоровичу из Сучавы и настойчиво просил его помочь в печатании проповедей Каллиста на молдавском языке: «и желание книга святого Каллиста беседа святое евангелие премянити на язык волоский³ читати иереом в церкви на поучение волохомь верным, и есть готова и написана тъкмо в друк дати друковати, но понеже тежка рука агаренска нас съдръжить и несми свободни от тех харачи ни иереи ни владыкове ня вси поддание если, сего ради дръзаяще просимь помощь и от Вашего щедролубию царству на дело сего»⁴.

Указанный перевод проповедей Каллиста был напечатан в 1643 г. и является первой печатной книгой на молдавском языке. Ясно, что Варлаам получил из Москвы все необходимые типографские принадлежности. Таким образом, печатное дело на национальном языке Молдавии было занесено в молдавскую землю из Московского государства.

Василий Лупу, будучи образованным господарём, сумел учесть огромное значение развитой славянской культуры того времени для Молдавии. С именем Лупу связана эпоха национального возрождения молдаван⁵; введение молдавского языка в обиход церкви и государства. Просветительская деятельность Василия Лупу является ценным вкладом в историю молдавского народа. Он построил монастырь Трёх Святителей в Яссах и украсил его образами и драгоценностями, полученными по его просьбе от московского царя. Этот монастырь был расписан большей частью русскими живописцами, присланными московским царём⁶. При монастыре Лупу создал Латинскую академию, где науки преподавались на латинском и славянском языках⁷ и здесь впервые в истории началось преподавание молдавского языка. В Академию прибыли учёные молдаване, получившие образование в Киеве, Москве, Львове, Баре, а также были приглашены преподаватели и учёные из других славянских стран⁸.

В 1644 г. Василий Лупу расширил молдавские типографии, в которых печаталось много книг светского и церковного характера. Господарь Молдавии сделал это по советам и с помощью киевского митрополита Петра Могилы⁹, родом из Молдавии, сына молдавского господаря Си-

¹ Костомаров Н. Очерк торговли Московского государства в XVI—XVII столетиях, стр. 46. СПб. 1889.

² Xenopol A. Op. cit. Vol. 7, p. 9—137. 1928.

³ В грамотах и других исторических документах очень часто встречаются выражения: «волоский язык», «волоский владетель» и т. д., в то время как речь идёт о молдавском владетеле или языке. Д. Кантемир говорит, что «влохами» называли молдаван поляки и венгры. См. его *Descrierea Moldovei*, p. 179 de G. Pascu. Bucuresti. 1923.

⁴ Dragomir S. Contributii privitoare la relatiile bisericeii romanesti su Russia in veacul al XVII, p. 91. Bucuresti. 1912.

⁵ Арсений, епископ псковский. Исследования и монографии по истории молдавской церкви, стр. 530. СПб. 1904.

⁶ Dragomir S. Op. cit., p. 98.

⁷ Арсений, епископ псковский. Указ. соч., стр. 386.

⁸ Яцимирский А. Румыно-славянские очерки. Вып. 4-й. Ч. 2-я. «Румынская история и культура», стр. 7. СПб. 1903.

⁹ Арсений, епископ псковский. Указ. соч., стр. 530. О деятельности митрополита см. С. Р. Пётр Могила, митрополит киевский. «Чтения в императорском о-ве истории и древностей российских при Московском университете» за январь — март 1877 года. М.

меона Могилы. Пётр Могила, учёный, достигший митрополичьего сана в Киеве, основал там духовную академию. Будучи горячим патриотом, он всегда стремился к развитию просвещения в родной Молдавии. Он послал в Молдавию шрифт, типографские прессы, книги и др.¹

При Василии Лупу было составлено молдавским поэтом Евстратием Логофетом² юридическое уложение с пространным предисловием, написанным в стихах. Уложение составлено по греческому образцу. В это же время в Молдавии строились дворцы, храмы, школы и другие здания, являвшиеся выражением национального стиля в молдавской архитектуре. Василий Лупу был известен далеко за пределами своей страны своими деяниями. По словам Павла Алеппского, «цари и вельможи московские почитали за великое счастье получить от него письмо, и привезшего таковое осыпали всякими щедротами»³. Господарь в своих письмах всегда информировал царя относительно турецких политических дел⁴.

Весьма близкую связь молдаване имели с единоверными казаками⁵, с которыми существовала общая государственная граница. Украинские гетманы Лобода, Наливайко, Конашевич-Сагайдачный, Богдан Хмельницкий и др. неоднократно выступали против турок и других врагов в союзе с молдаванами⁶. Между Богданом Хмельницким и Василием Лупу существовали и родственные связи: последний выдал замуж свою дочь Роксанду за Тимошу, сына Хмельницкого⁷.

В августе 1654 г. Богдан Хмельницкий обещал господарю Георгию Стефану помощь в борьбе против врагов Молдавии. Одновременно он известил московского царя Алексея Михайловича, что господа Молдавии и Валахии хотят «быть под покровительской рукой царя»⁸.

В том же году Георгий Стефан сам написал в Москву и просил Алексея Михайловича о принятии молдавского владетеля под высокую руку его величества. Просьба господаря не совсем ясно изложена в письме, но его должен был объяснить посол Молдавии Ион Григорий⁹.

Алексей Михайлович ответил вполне ясно воеводе Георгию Стефану¹⁰: «И мы, великий государь, тебя, Стефана, молдавские земли владетеля, за то, что ты искал наших царских милости и под нашею государскою высокою рукой под христианским государем быть желаешь и отига бусурманского ищешь свободиться, жалуем, милостиво похваляем, и под нашу царскою величества, высокою руку тебя, Стефана, воеводу и владетеля молдавские земли со всею Молдавскою землею принять великим»¹¹. Но тогда московский князь не мог прислать помощь, присоединение фактически не состоялось.

В 1655 г. Георгий Стефан, через иерусалимского патриарха Паисия, опять просит русского царя о принятии Молдавии под его покровитель-

¹ Арсений, епископ псковский. Указ. соч., стр. 402.

² Энциклопедический словарь Гранат. Т. 36-й. Ч. 7-я. «Румыния», стр. 123: 7-е изд. 1941.

³ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом П. Алеппским. Пер. с арабского Муркуса. Вып. 1-й, стр. 61—62. 1896.

⁴ Dragomir S. Op. cit., p. 95.

⁵ Nistor I. Contributii la relatiunile dintre Moldova si Ucraina in veacul al XVII, Academia Romana, Memoriile sectiunei istorice, seria III, t. 13. Bucuresti. 1932—1933.

⁶ Стадницкий А. Гавриил Банулеску-Бодони, экзарх молдовлахийский (1808—1812) и митрополит кишинёвский (1819—1821), стр. 30. Кишинёв. 1894; см. также Сатюшков в Бессарабия. Историческое описание, стр. 107. СПб. 1892.

⁷ См. «Свадьба Тимоши Хмельницкого». Журнал «Киевская старина» за март, май 1887 года.

⁸ Батюшков П. Указ. соч., стр. 115.

⁹ Dragomir S. Op. cit., p. 29.

¹⁰ Арсеньев Ю. Молдавский господарь Стефан Георгий и его сношения с Москвою. «Русский архив», стр. 160—186. М. 1896.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. (ПСЗ). Т. 1, стр. 384. 1830.

ство и обороне молдавской земли, которую «агаряне часто набегами своими опустошают, святые храмы оскверняют и христиан берут в полон»¹.

Вслед за этим, в 1656 г., последовало и официальное предложение молдавского господаря, привезённое в Москву митрополитом молдавским Гедеоном, о принятии молдавского владетеля в подданство России, подобно тому, как был принят Хмельницкий².

Вместе с предложением о подданстве России царю были переданы и условия, на которых Молдавия предполагала присоединиться к России. Приводим в нашей редакции некоторые, наиболее важные пункты из этого договора.

Молдавский господарь просил: 1. Не нарушать строя и обычая страны, а оставить их такими, какими были они при старых господарях до турецкого владычества. 2. Иноплеменным господарям не бывать в Молдавии. 3. Чина и чести государства не нарушать и способствовать укреплению его. 4. Возвратить города и крепости на границах Молдавии и её прежних земель, занятых Портой, в случае освобождения их Россией от турок. 5. Налогов и дани не брать, как берут турки, а только подарки ежегодно. 6. Не гневаться великому царю на молдаван, когда крымский царь и ляхи полонят наших людей и гонят их силой против царской рати. 7. Когда царь пойдёт войной против поганых, молдаване обязуются поддержать его³.

29 июня 1656 г. царь утвердил эти условия и принял Георгия Стефана, воеводу молдавского, вместе со всей страной «под царскую руку».

Георгий Стефан ждал от Алексея Михайловича послов, которые подтверждали бы решение царя, но послы не прибыли. Россия находилась тогда в состоянии войны с Польшей, а затем со Швецией и не могла оказать реальной помощи Молдавии в борьбе против Турции, с которой Алексей Михайлович старался всячески сохранить мирные отношения.

Георгий Стефан в 1663 г., уже свергнутый турками с престола, лично был у царя Алексея Михайловича и просил его выступить против турок вместе со всей Европой. Алексей Михайлович разделял взгляды господаря о необходимости борьбы против Турции, но предложение его о выступлении России против Турции встретил холодно⁴, так как он тогда был занят на севере.

31 декабря 1674 г. молдавский владетель Стефан Пётр и воевода валахский Константин Шербан снова писали Алексею Михайловичу и просили защитить земли их от турок и об удержании крымских татар от соединения с атаманом Дорошенко. Алексей Михайлович принял Молдавию и Валахию в вечное подданство и обещал оборонять их от поработителей⁵. Но из-за дальности расстояния, отсутствия общих границ с Молдавией и войн между Россией, Польшей и Швецией этот договор не был претворён в жизнь.

В конце XVII в. (между 1670 и 1690 гг.) на политической арене появился неукротимый борец за национальную культуру молдавского народа и за сближение с Россией — молдавский и сучавский митрополит Досифей⁶. Он родился в Яссах между 1625 и 1630 гг., образование получил, по одним сведениям, в Латинской академии в Яссах, по другим — в Польше. Митрополит Досифей был образованнейшим человеком своего времени, владел шестью языками: древнееврейским, греческим, латинским, старославянским, русским и польским. Он ревностно проводил в жизнь культурные начинания Василия Лупу.

¹ Каптерев Н. Указ. соч., стр. 266.

² Там же, стр. 267.

³ ПСЗ. Т. I, стр. 385—386.

⁴ Арсеньев Ю. Указ. соч., стр. 175—185.

⁵ ПСЗ. Т. II, стр. 965—970.

⁶ Xenopol A. Op. cit. Vol. 8, p: 201—204.

23 марта 1679 г. Досифей просил молдавского уроженца, переводчика первой руки в царском посольском приказе, Николая Милеску Спафария¹ ходатайствовать перед русским патриархом Иоакимом о типографском оборудовании для Молдавии. Досифей писал: «Чтоб пожаловал меня (Иоаким.—И. Ч.) единым тиснением типографийским и несколько слов, кторыми печатают листы и фурмы, из которых льют слова. И печать малых слов, потому что великая скудость есть святеи церкви и нам в том деле»². Не получив ответа на письмо, Досифей обратился непосредственно к Иоакиму: «Послеши нам типографию да сътворим себе книги их же претолковахом от грецка и славянска на волоский язык». И далее просил прислать «шрив с притиском иже притискает хартии как литеры и летеры пришлете яковими есте друковали библию, дробнии и среднии шо на псалтыри, и на служебники и на евангелие»³.

Молдавский митрополит получил необходимое типографское оборудование из России и напечатал много книг, о чём Досифей писал позже московскому патриарху⁴.

Талантливый культурно-религиозный деятель и поэт, Досифей является яркой личностью в истории Молдавии. Он проявил величайшую активность в деле просвещения своего народа и внедрения в своей стране европейской цивилизации, начатой Василием Лупу. Он перевёл на молдавский язык и напечатал псалтырь в прозе, пролог, молитвенник, служебник, часослов, акафист, литургию, октоих и много других книг⁵; все они напечатаны славянским шрифтом. Особенно следует отметить его перевод псалтыри в стихах, сделанный по образцу польского поэта Яна Кохановского. Этот труд имеет большое значение для истории молдавского языка и письменности и является первой более обширной попыткой литературного стихосложения. Кроме того, как указывает профессор Иорга, в псалмах имеются намёки на бедственное положение Молдавии в турецком рабстве. Благодаря плодотворной деятельности Досифея в монастырях и церквях Молдавии уже почти вся служба проводилась на языке паствы, на молдавском языке⁶. Досифей черпал слова и образы для своих переводов из живого народного языка, из фольклора, чем способствовал обогащению и созданию молдавского литературного языка⁷.

Митрополит был известен не только в своей стране. В изгнании, в Польше, Досифей сделал много замечательных переводов на русский язык⁸. К сожалению, эти труды его не увидели света.

Пётр Великий высоко ценил сучавского митрополита за его неустанное стремление к освобождению Молдавии из-под турецкого ига⁹. В 1684 г. Досифей обратился к Петру I от имени воеводы Стефана Петра, духовенства и бояр молдавских. В этом обращении он описывает невыносимо тяжёлое положение Молдавии под игом чужеземцев. Обращение заканчивается следующими словами: «И всё господарство наше великие и малые нижайшие раби царствия вашего, все в подданство предаемся»¹⁰.

¹ Я ц и м и р с к и й А. Николай Милеску Спафарий — страница из истории русско-румынских сношений XVII в. Казань. 1908.

² Dragomir S. Op. cit., p. 126.

³ Ibidem, p. 127.

⁴ Ibidem, p. 129.

⁵ Арсений, епископ псковский. Указ. соч., стр. 54.

⁶ Там же, стр. 53.

⁷ Bîanu Ion. Despre introducerea limbii romanesti in biserica romanilor, p. 13. Bucuresti. 1904.

⁸ Я ц и м и р с к и й А. Румыно-славянские очерки. Вып. 4-й. Ч. 2-я, стр. 7. СПб. 1903.

⁹ Арсений, епископ псковский. Указ. соч., стр. 53.

¹⁰ Dragomir S. Op. cit., p. 134—135.

В том же году на опросе в Киеве (по пути в Москву) Досифей опять повторил, что «волоский де владетель, уговорясь со всеми волоскими жителями, послал его бить челом великим государем, чтоб великие государи пожаловали, велели их волоского владетеля со всею землёю принять в подданство»¹, так как эта земля окончательно разоряется турками.

XVIII век — чёрная полоса истории молдавского народа. Руководящим слоем господствующего класса Молдавии стали фанариоты — греческие купцы и откупщики налогов (из предместья Константинополя — Фанары). Из фанариотов выдвигались и господа Молдавии.

Однако до начала правления фанариотов (1711 г.) в Молдавии были господа, которые интересовались не только личным обогащением, но и экономическим и национальным развитием народа, искали пути к освобождению Молдавии из-под гнёта ненавистных захватчиков. Они неоднократно обращались к России, единственной стране, которая могла освободить Молдавию из турецкого рабства.

В 1709 г. Михаил Раковица обратился к Петру I с просьбой о помощи в борьбе против турок. В результате переговоров было достигнуто соглашение. Пётр послал на Яссы отряд русских войск. Но это мероприятие окончилось неудачей. Валашский господарь Брынковяну, агент Порты, предупредил султана о готовящемся выступлении².

Пётр Великий — первый из русских царей имел возможность на деле помогать вековому стремлению южных славян, молдаван и валахов к освобождению из-под ига захватчиков. В 1711 г. Пётр заключил тайный союз с господарём Молдавии Дмитрием Кантемиром (1673—1723) и начал готовиться к прутскому походу. Он создал базы снабжения вблизи турецких границ, подтянул туда войска. Дмитрий Кантемир ненавидел турок из-за гонений на свой народ. Большая часть молдавских бояр и народ ждали с нетерпением появления русской армии. Одновременно Кантемир вёл переговоры с русским правительством, в результате которых между Молдавией и Россией было достигнуто соглашение, по которому: «1. Молдавия удерживает старые границы по Днестр, включая и Буджак. Все крепости остаются за ней. На время укреплённые места занимаются русскими войсками, но когда господарство будет приведено в надлежащий порядок, их сменяют молдавские войска. 2. Молдавия не платит никакой дани. 3. Господарь (князь) никогда не может быть лишён престола, исключая того случая, когда он изменит общему делу, или отступится от православия. Страна избирает тогда в преемники одного из его сыновей или братьев, по своей воле. Но престол никогда не может выйти из рода Кантемира, доколе он не вымрет. 7. Страна во всё продолжение войны имеет на военной ноге 10 000 человек, которые получают жалование из императорской казны. 8. Русские никогда не могут занимать должностей в господарстве. 9. Русские никогда не могут покупать имений в Молдавии. 10. Равным образом они не могут жениться на молдаванках. 12. Титул господаря Молдавии имеет быть следующий «Пресветлейший Господарь (князь) Молдавии, Самодержец и Союзник русской империи». 13. Император никогда не заключит мира с турками, в коем было бы постановлено, что Молдавия снова возвращается под иго мусульманское»³.

¹ Dragomir S. Op. cit., p. 137.

² Кочубинский А. Сношения России при Петре I с южными славянами и румынами. «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» за апрель — июнь 1872 г., стр. 23—24. Москва.

³ Кочубинский А. Указ. соч., стр. 46—47; см. также Н. Г. Пётр Великий на берегах Прута. «ЖМНП» за январь — февраль 1847 года, стр. 51—52. СПб.

Договор был оглашён молдавским боярам и народу. Он стал известен и туркам. Русские войска спешили на помощь Кантемиру. После многих изнурительных дней марша войска остановились южнее Ясс у населённого пункта Станилешты на Пруте, где и произошёл потом сражение.

Перед вступлением русских в Молдавию Пётр I писал Шереметеву: «При входе же в Молдавию заказать под смертною казною в войске, чтоб никто ничего у христиан, — ни живности, ни хлеба, — без указа и без денег не брали, а жителей ни чем не озлобляли, но поступали приятельски»¹.

Спустя некоторое время прибыл в Яссы и сам Пётр. Ему была устроена бурная радушная встреча. По улицам шествовали знатные бояре, митрополит всея Молдавии, духовенство и население столицы. Все говорили, что в Яссах находится глава русских войск, пришедших на спасение Молдавии от бусурманского владычества. Народ отмечал эту встречу великим праздником, гулянием, торжеством. Пётр поднимал Дмитрия Кантемира на руки, обнимал и целовал его в знак верности². В господарском дворце был дан обед, где поднимались тосты в честь вечного союза и дружбы Молдавии с Россией. На второй день император осмотрел достопримечательности молдавской столицы. Пётр восхищался красотой церковей, монастырей и других зданий Ясс. Особенно понравилась ему церковь Голия. Он говорил, что в ней соединяются три архитектурных стиля: византийский, польский и русский³.

До начала военных действий Пётр I послал валашскому господарю Брынковяну триста кошельков золота на организацию дополнительных отрядов и закупку продовольствия для войск. Брынковяну вероломно нарушил соглашение, заключённое ранее с Петром, и предал планы последнего туркам⁴. Однако Брынковяну не поддерживала большая часть его приближённых бояр. Будучи горячими патриотами своего отечества, они собрались под председательством епископа Афанасия, послали своего представителя в Яссы к императору, чтобы таким путём разоблачить предательскую политику Брынковяну. Посланец валацких бояр был радушно принят Петром. «Я уверяю, Ваше величество, — говорил посланец Фома Кантакузин, — он (Брынковяну. — И. Ч.) не доставит ни припасов, ни вспомогательного отряда, что у него был тайный проект поддаться австрийскому императору в случае, если бы русские одержали победу над турками, но что бояре, купечество, народ желают поддаться Петру, а не немцу»⁵. Война после измены Брынковяну, — когда Пётр очутился без припасов, без дополнительной помощи сербских отрядов, которые были готовы поддержать его, — продолжалась несколько дней и закончилась миром между Петром I и турецким визирем. После этого Дмитрий Кантемир с 24 боярами⁶, среди которых был и молдавский летописец Ион Некульче, бывший гетман молдавских войск в Прутском походе, вынужден был направиться в Россию. Вместе с господарём и боярами ушли и многие рядовые воины, которые поступили на службу в русскую армию или получили землю в России⁷. Они стали гражданами новой родины. Сам господарь Молдавии получил в Харьковской области богатые имения. Бояре получили 13 деревень в окрестностях Харькова⁸. Для рядовых молдаван

¹ Соловьёв С. Указ. соч. Т. XVI, стр. 65.

² Встреча русского императора в Яссах замечательно описана у молдавских летописцев XVIII в. Иона Некульче и Николая Костина. См. Kogălniceanu M. *Letopisetetele târii Moldovei*. Т. II, pp. 98—108; 302—341. Bucuresti. 1872.

³ Кочубинский А. Указ. соч., стр. 57.

⁴ Там же, стр. 60.

⁵ Там же, см. Н. Г. Пётр Великий на берегах Прута, стр. 72—73.

⁶ Кочубинский А. Указ. соч., стр. 69—70.

⁷ Там же, стр. 70.

⁸ Там же, стр. 71.

Пётр написал: «Определить из слободских и иных украинских слобод»¹. Предполагается, что они были поселены на Дону и в нынешнем Донбассе.

Молдавский господарь Дмитрий Кантемир² был известен не только как дальновидный политик, но и как один из образованнейших людей того времени. Он владел турецким, персидским, арабским, греческим, латинским, итальянским, русским, французским языками; занимался историей, архитектурой, философией, математикой, географией, литературой, а также турецкой музыкой; имел много трудов в области науки и искусства. Его известный труд «История возвышения и падения Оттоманской империи»³, написанный на латинском языке, был переведён на английский, немецкий, и французский языки⁴, и в известной мере не потерял своего значения и в настоящее время. Большую ценность представляют его работы «Древняя и новая история Дакии» (на молдавском языке), «История фамилий Брынковяну и Кантакузинов» (на молдавском языке). Кантемир же написал «Историческое, географическое и политическое описание Молдавии», которым пользуются как первоисточником и в наше время. Им же впервые составлена географическая карта Молдавии⁵. С именем Кантемира связан первый в истории молдавской литературы роман под названием «История иероглификэ», написанный на молдавском языке. Кантемир является первым, кто переложил на ноты турецкую музыку. Кроме того учёный имел ещё работы: «Система турецкого вероисповедания», «Мир и душа», «История сотворения», «Всеобщая сокращённая логика» и др.

Когда Пётр Великий предпринял поход в Персию, Кантемир был назначен начальником императорской канцелярии и писал воззвания к персидскому населению.

Кантемир не мог вернуться в своё отечество, которое находилось под игом турок. Он провёл много лет в стране дружественного ему народа, отдавшись полностью науке. Кантемир дорог не только молдаванам, но и русским.

Из образованных людей XVIII в., связанных с Россией, как уже было сказано, нужно отметить молдавского летописца Иона Некульче (1672—1745)⁶, который, так же как и Кантемир, из-за притеснения турок не мог развить свою деятельность в Молдавии. Он жил долгое время в России, потом вернулся на родину, но уже важных политических постов не занимал и посвятил остальную часть своей жизни летописям Молдавии. Некульче сыграл выдающуюся роль в историческом и культурном развитии молдавского народа и во взаимоотношениях с Москвой. Он любил свою страну и отдавал все свои силы на благо её. Мечтой всей его жизни было увидеть Молдавию независимой⁷.

Некульче был горячим сторонником России, в которой видел надежду на освобождение молдавской земли. Русская культура того времени сильно повлияла на его деятельность. Летописи Некульче полны ненависти к поработителям — туркам — и особенно к их ставленникам — гре-

¹ Кочубинский А. Указ. соч., стр. 70.

² Xenopol A. Op. cit. Vol. 8, p. 204—212.

³ См. относительно трудов Кантемира C a n d r e s A. si A d a m e s c u G. Dictionarul enciclopedic ilustrat «Cartes romaneasca». Bucuresti. 1931; Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон.

⁴ P u s c a r i u S. Istoria literaturii romane, epoca veche. p. 161—182. Sibiu. 1930.

⁵ Ibidem, p. 177.

⁶ Xenopol A. Op. cit. Vol. 10, p. 289—293.

⁷ P u s c a r i u S. Op. cit., p. 153.

кам-фанариотам. Недаром говорит летописец: «Огонь можно потушить, воду остановить и направить по другому руслу, от ветра можно укрыться в убежище, солнце прячется за тучами, проходит и ночная тьма и снова наступает утро, только от греков нет мочи избавиться»¹.

Молдавский народ гордится выдающимся деятелем и верным сыном своей родины Ионей Некульче. Он был первым собирателем молдавского фольклора и основоположником эпического повествования в истории литературы. Он записал массу легенд, распространённых в народе, о господарях, боярах, князьях, об отношениях между народом и знатью, передавая их подлинным народным языком². Если Досифей считается основоположником церковного молдавского языка, то Некульче является тем мастером, который суммировал языковое и литературное наследство своих предшественников и поднял литературный язык на более совершенную степень.

После ухода Дмитрия Кантемира в Россию господство турок в Молдавии становится неограниченным. Порта убедилась, что большинство молдавского народа и бояр враждебно относится к туркам, и, чтобы укрепить своё господство в Молдавии, она продала господарский престол фанариотам.

Этот период в истории княжества изобилует непрерывными сменами господарей: господарём становился тот, кто обещал больше платить султану. Средства для оплаты добывались путём ограбления народа. Фанариоты оскорбляли национальные чувства молдавского народа, уничтожали его культуру, погрузили в невежество страну, истощили её богатства, разорили хозяйство произвольными налогами, даяниями и собиранием подарков для министров Порты и собственного обогащения³.

Молдавский народ горько стонал под непосильным игом чужеземных поработителей и ненавидел их. Он энергично боролся против произвола фанариотов, но всякая попытка избавиться от турецкого ярма подавлялась в зародыше⁴. Подрыв экономики страны господарями, разорение крестьян, гонение на церковь со стороны турок имели пагубное влияние также и на молодую национальную культуру, которая захирела, а потом пришла в упадок⁵.

Алексей Накко и некоторые другие историки утверждают, что фанариоты открывали школы в Молдавии и подняли уровень «образованности и умственного развития народа на высшую ступень»⁶. В действительности, если в Молдавии существовали школы, то только на греческом языке, и обучались там дети греческой знати и сынки некоторых молдавских бояр, в которых фанариоты сумели подавить национальное самосознание и привлечь их на свою сторону⁷. Эту часть боярской молодёжи знакомили с греческой историей, античной культурой, философией, языком и т. д., чтобы таким образом они позабыли свою нацию. Народ же был обречён на голод, нищету и бесправное существование⁸. «Собственно же говоря, в XVIII столетии не существовало в Молдавии ни науки, ни литературы»⁹, если не считать несколько переводов, среди которых отметим «Богословскую грамматику» на молдавском языке, составленную хотинским епи-

¹ Kogălniceanu M. Letopisetetele țării Moldovei Ionu Neculce. T. II, p. 229. București, 1872.

² Puscariu S. Op. cit., p. 160—161.

³ Стадницкий А. Указ. соч., стр. 11.

⁴ Там же, стр. 19.

⁵ Там же, стр. 20—21.

⁶ Накко А. История Бессарабии. Ч. 2-я, стр. 423. Одесса. 1876.

⁷ Стадницкий А. Указ. соч., стр. 13.

⁸ Там же, стр. 19.

⁹ Накко А. Указ. соч., стр. 442.

скопом Анфилохием по богословию московского митрополита Платона и по другим церковным книгам, изданную в Яссах в 1795 году¹.

Связи Молдавии с Россией с каждым годом укреплялись. Молдавский народ верил в то, что великая страна Россия освободит его из-под власти турок. В 1738 г. на мирном конгрессе в Немирове русские послы требовали независимости княжеств Молдавии и Валахии. Требование России было отвергнуто. Вскоре после Немировского конгресса началась война между Россией и Турцией. 1 сентября 1739 г. русские войска вошли в Яссы. Тогда к главнокомандующему русской армии генералу Миниху пришла молдавская делегация и признала императрицу Анну Иоанновну своей государыней². Миних писал об этом императрице Анне: «Молдавские статы оказывали немалую радость, видя такую славную христианскую армию, которая, как они говорили, к их избавлению пришла»³.

Молдаване часто переходили русскую границу в поисках убежища от турецкого гнёта. В конце мая 1745 г. русский посол в Турции Вишняков известил императрицу Елизавету Петровну о том, что группа молдаван просит разрешения поселиться в России. Он писал: «Недавно приходило ко мне несколько бедных молдаван, которые пришедшие в крайнюю бедность от несказанного гонения и грабежа правителей, принуждены были покинуть дома и бежать под покровительство Вашего императорского величества, как единственной их законной государыни-защитницы... Многие их братья смотрели на Россию как на верное убежище в бедах»⁴. Но когда был издан указ о том, чтобы не пускать в Россию иностранцев, не имеющих паспортов, то молдаван задержали на границе. Вишняков просил, чтобы этот указ был отменён, и сообщал, что он этих молдаван направляет в пределы России на Дон⁵.

Во время первой турецкой войны, начавшейся в 1769 г., молдаване и валахи послали к императрице Екатерине II депутацию с благодарностью за спасение их страны от двойного ига — турецкого и фанариотского — и просили принять их под покровительство России. Молдавский епископ Иннокентий произнёс замечательную речь в благодарность за покровительство России. Императрица обещала молдаванам возвратить свободу гражданства. После этой войны был заключён мирный договор с Турцией на весьма выгодных для Молдавии и Валахии условиях, но это продолжалось недолго⁶, так как Порта не выполняла условий договора.

Молдавские видные деятели от имени всего народа неоднократно обращались в Москву за покровительством, вплоть до 1812 г., когда Бессарабия была присоединена к России. В 1807 г. в связи с русско-турецкой войной Молдавия была занята русскими войсками. Митрополит Молдавии Вениамин Костаке от имени двадцати виднейших бояр и епископов послал обширное письмо генералу русской армии Апраксину с просьбой о присоединении Молдавии к России, по образцу Грузии, Украины и других стран, во имя спасения её от турок⁷.

Россия была заинтересована в присоединении к ней Молдавии. Молдавское княжество было воротами на Балканы, к Эгейскому морю; оно было ключом Дунайского бассейна. Оживлённая торговля между Европой и Азией шла через Молдавию.

¹ Б а т ю ш к о в П. Указ. соч., стр. 86.

² С о л о в ь ё в С. История России. Т. XX, стр. 1392.

³ Там же, стр. 1393.

⁴ Там же, Т. XXII, стр. 380.

⁵ Там же, стр. 380—381.

⁶ С т а д н и ц к и й А. Указ. соч., стр. 34—35. Там даётся полностью речь молдавского епископа Иннокентия. См. об этом же С о л о в ь ё в С. Указ. соч. Т. XXVIII, стр. 641.

Е f b i c e a n u Constantin. Istoria mitropoliei Moldovei si Sucevel, p. 82—83. Bucuresti. 1888.

В дружбе русского и молдавского народов большое значение имели общность культуры, выразившаяся в общности языка и письменности, общность православной религии, заимствованной из Византии через болгар.

Известно, что когда в 1812 г. Бессарабия была присоединена к России, там не было ни одной школы. Но уже в 1858—1859 гг. в одном только Кишинёве существовали две гимназии, два уездных и два церковных училища, две еврейские государственные школы, два мужских пансиона, приравнивавшихся к уездным училищам, три женских пансиона уездного типа и шесть мужских воспитательных учреждений. Всех школ в Бессарабии было в это время 389¹. Часть этих воспитательных учреждений была предназначена для молдавской молодёжи, во всех других преподавался молдавский язык до 70-х годов прошлого столетия². В это время было переведено на молдавский язык или составлено и издано много книг светского и церковного характера.

Накануне столетней годовщины присоединения Бессарабии к России молдавский поэт-бессарабец, закончивший Киевскую духовную академию, Алексей Матеевич, активный борец против румынизации молдавского языка, писал: «Присоединение Бессарабии к России оказалось спасительным актом как для молдавского языка, так и для молдавского богослужения»³. Так оценивала присоединения вслед за всем народом молдавская интеллигенция.

Россия освободила Молдавию от турецкого ига, помогла ей сохранить национальную культуру. В тяжёлые времена лучшие люди Молдавии находили убежище в России. Молдавия дала целый ряд выдающихся деятелей науки, литературы и искусства, которые воспитывались на русской культуре.

В памятном 1940 г. молдавский народ был полностью освобождён от всякого гнёта и просил советское правительство о воссоединении Молдавии с советскими республиками.

¹ Защук А. Материалы для географии и статистики России. Бессарабская область, стр. 399—403. СПб. 1862.

² Там же, стр. 402.

³ Матеевич А. Моменты церковного влияния в происхождении и историческом развитии молдавского языка. «Кишинёвские епархиальные ведомости» № 52 за 1910 г., стр. 1933.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА НАРОДНОЙ РЕФОРМАЦИИ В ГЕРМАНИИ

М. Смирин

Анализ теологических взглядов Томаса Мюнцера и его отношения к средневековой мистике вскрывает социально-этические основы его мировоззрения и его революционную трактовку реформации¹. Для более конкретного выяснения характера социального учения Мюнцера и его исторического места необходимо установить отношение Мюнцера к Великой крестьянской войне. В событиях 1524—1525 гг., в развернувшихся активных действиях народа Мюнцер, как это видно из его переписки того времени, видел осуществление социального преобразования, которое, по его мнению, составляло сущность реформации. В обращении к альшtedтцам от конца апреля 1525 г. Мюнцер характеризовал развернувшиеся события Крестьянской войны как всеобщее устранение злодеев и нечестивцев, которое бог осуществляет руками народа². В ходе Крестьянской войны, как и в практической революционной и пропагандистской деятельности Мюнцера, проявились в более полной мере сущность его концепции реформации и её объективное значение.

Изучение отношения Мюнцера к Крестьянской войне имеет немало важное значение и для определения характера и значения Крестьянской войны. Известно, что Энгельс выделял Крестьянскую войну в Германии из других крестьянских восстаний средневековья и охарактеризовал её, а также реформацию, на фоне которой она возникла, как первый акт европейской буржуазной революции³.

В введении к «Диалектике природы» Энгельс указывает, какие мотивы побуждали его выделить Крестьянскую войну 1525 г. из более ранних крестьянских войн Западной Европы. В Крестьянской войне в Германии проявились уже, хотя и в зачаточной ещё форме, черты будущих классовых боёв, характерных для буржуазной эпохи. «В то время, — пишет Энгельс, — как буржуазия и дворянство ещё ожесточённо боролись между собой, немецкая крестьянская война пророчески указала на грядущие классовые битвы, ибо в ней на арену выступили не только восставшие крестьяне, — в этом не было ничего нового, — но за ними показались начатки современного пролетариата с красным знаменем в руках и с требованием общности имущества на устах»⁴. Не подлежит сомнению, что Энгельс имеет здесь в виду пропаганду и деятельность мюнцеровской партии, которая при всей своей малочисленности проявляла тенденцию «доводить революцию значительно дальше» целей самой буржуазии⁵.

¹ См. нашу статью «Томас Мюнцер в первые годы реформации» в сборнике Института истории АН СССР «Средние века». Вып. 1-й. М. 1942.

² Münzer Th. «Briefwechsel» N 75. S. 109—110. Berlin & Leipzig. 1931. «Das ganze deutsch, französisch und welsch land ist wag, der meyster will spiel machen. Die Bösswichter müssen dran. Zu Fulda seynt in der osterwochen vier stieftkirchen verwuestet, die pauern im Klegaw und Hegaw Schwarzwald seint auf, dreimal tausend stark unll wirt der hauf, ye lenger ye grosser».

³ См. Ф. Энгельс «Развитие социализма от утопии к науке», стр. 23. Политиздат. 1940.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 475.

⁵ Ф. Энгельс «Развитие социализма от утопии к науке», стр. 24. См. также Ленин. Соч. Т. XII, стр. 210—211.

В условиях Германии XVI в. эта тенденция не могла сделаться решающей силой буржуазной революции. Однако она наложила свой отпечаток на всю германскую Крестьянскую войну и приблизила её к ряду событий нового времени. Не лютеровская, а мюнцеровская реформация сделалась знаменем народной революции. Сила реформационных идей Мюнцера заключалась в том, что они не остались узкой, сектантской доктриной, потому что они отвечали народному пониманию реформации, проявившемуся во время Великой крестьянской войны. Необходимо поэтому выяснить, каким образом народная реформация, получившая в учении Мюнцера наиболее законченное выражение, сделалась фактором реальной борьбы и в какой форме проявилось её влияние на широкое, массовое движение антифеодальной революции. Но выяснение вопроса о роли Томаса Мюнцера и о значении его деятельности и его учения во время Крестьянской войны затрудняется тенденциозным характером почти всех имеющихся источников. Уже Циммерман справедливо обратил внимание на тот факт, что католические хронисты Крестьянской войны рассматривают всякое проявление революционности как дело рук Лютера и «лютеровской секты», приписывая, таким образом, лютеровской реформации идеи и действия, с которыми она не имела ничего общего¹. В то же время католические круги отрицали самостоятельную роль и значение Мюнцера.

Один из наиболее воинственных литературных представителей католической партии, Иоганн Кохлей, автор «*Commentaria de actis et scriptis Lutheri*», пишет, что революционная деятельность Мюнцера есть порождение лютеранства и что сама по себе она никакого значения не имеет. Кохлей утверждает, что Мюнцер был настолько наивен, а учение его настолько фантастично, что его вообще нельзя принимать всерьёз. Версия о революционной опасности Мюнцера, по словам Кохлея, пущена была в ход Лютером и Меланхтоном для того, чтобы взвалить на него все свои грехи².

Лютер и Меланхтон действительно рассматривали Мюнцера не просто как активного участника Крестьянской войны, а как её самого опасного вождя. Лютер внимательно следил за деятельностью Мюнцера, в которой он уже в 1522 г., после своего возвращения из Вартбурга, увидел один из источников «мятежа и возмущения» в Германии.

В другом месте мы уже показали, что нападки Лютера в 1522 г. на радикальные религиозные учения имели в виду трактовку реформации Мюнцером и что его резкие выпады против цвиккауских «пророков» и их пропагандистской деятельности в Виттенберге были вызваны главным образом влиянием на них мюнцеровского учения³.

Особую трактовку вызвала у Лютера деятельность Мюнцера в Альштедте в 1524 году. В специальном обращении к саксонским князьям Лютер требовал применения репрессий против Мюнцера⁴. Лютер напоминал здесь о том, что ещё в 1522 г. он предупреждал против опасных сторон мюнцеровского учения, трактующего реформацию как задачу применения меча⁵, и указывал, что в 1524 г. речь идёт уже не об учении, не о словесной пропаганде, а об организации, которая ставит своей целью

¹ Циммерман В. «История Крестьянской войны в Германии». Т. I. Кн. 2-я. Гл. 21-я, стр. 214—215. М. 1937.

² Взгляды Кохлея изложены в книге Иерга «*Deutschland in der Revolutionsperiode von 1522 bis 1526*», S. 700 ff. Freiburg. 1851.

³ См. Сборник «Средние века». Вып. 1-й, стр. 127, 137.

⁴ «*Luthers Werke. Kritische Ausgabe*». Bd. XV, S. 210 ff. «*Eyn Brief an die Fürsten zu Sachsen von den Aufrührischen Geyst*».

⁵ Ibidem. S. 212. «*Ich habs zwar vorhin alich von dem selben Geist alhie zu Wittenberg gehört das er meynet man müsse die Sache mit dem Schwerd volführen*».

«физическое восстание» против светской власти¹, что именно для этой цели «сатана» добивается содействия черни. В дальнейшем Лютер называл этот дух, определивший своё стремление к свержению светской власти и к захвату её в свои руки (*weltliche oberkayt zu stürmen und selbst herrn unñ der Welt zu seyn*), «альштедтским духом». Он требовал применения репрессивных мер против него. Высказывания Лютера в ходе Крестьянской войны показывают, какое исключительное значение он придавал инициативной и руководящей роли «альштедского духа».

В письме к Амсдорфу от 11 апреля 1525 г. Лютер, выражая мысль, которая в тот момент его особенно волновала, указывал, что Мюнцер в Мюльгаузене — не только проповедник и учёный, но и «король и властитель»². В своём известном антикрестьянском памфлете «Против грабительских и разбойничьих банд» Лютер подчёркивал общую для всей Крестьянской войны, а не только для Тюрингии, роль Мюнцера, того «архидьявола, правящего в Мюльгаузене, и ничего, кроме грабежа, убийства и кровопролития, не творящего»³.

В другом памфлете Лютера, по поводу казни Мюнцера, говорится, что «дьявол», погубивший более 5 тыс. крестьян в Тюрингии, добивался того же и по отношению ко всем другим восставшим крестьянам⁴.

Из письма Лютера своему другу, прусскому теологу Брисману, мы также видим, что Лютер придавал роли Мюнцера в Крестьянской войне общее, а не только местное — мюльгаузенское или тюрингенское — значение. В июле — августе 1525 г. Лютер указывал Брисману, что необходима особая бдительность по отношению к радикальным реформационным направлениям после того, как «Мюнцер и крестьяне так жестоко нарушили авторитет евангелия»⁵.

Не подлежит сомнению, что Лютер был заинтересован в таком освещении роли Мюнцера в Крестьянской войне, и католическим историкам нетрудно это доказать. Не подлежит также сомнению, что лютеровские круги стремились сознательно извратить роль Мюнцера. Касаясь изображения истории революционной деятельности Мюнцера Меланхтоном (на котором мы остановимся несколько ниже), Маркс указывает в «Хронологических выписках», что «выдумки паршивца Меланхтона... перешли во все книги по немецкой истории» и представляют собою клевету на Мюнцера⁶. Примечательным является то, что как Лютер, так и Меланхтон выражали недовольство характером допроса Мюнцера княжескими главарями. По их мнению, этот допрос мог бы дать значительно больше разоблачающего Мюнцера материала⁷. Однако из тенденциозности Лютера и Меланхтона нельзя сделать вывод о том, что значение революционной деятельности Мюнцера выдумано ими.

Имеются бесспорные доказательства того, что и для других современников имя Мюнцера представлялось как имя главного вождя Кре-

¹ «Luthers Werke Kritische Ausgabe». Bd. XV, S. 210 ff. «Das ich vernomen... als wolt der selb geyst die sache nicht ym wort lassen bleiben sondern gedencke sich mit der faust drevn zu begeben und wolle sich mit gewalt setzen wider die oberkayt und starks daher eine leypliche aufruhr anrichten».

² «D-r Martin Luthers Briefwechsel». Hsg. v. E. L. Enders. V. B. S. 156 (N 911) «Munzer Mulhusii rex et imperator non solum doctor».

³ «Luthers Werke». Bd. 18, S. 357.

⁴ Ibidem. S. 373 «Das wollt der teuffel haben, das sucht er auch nach an allen andern aufrüri gen bauern».

⁵ «Luthers Briefwechsel». Bd. V, S. 226 (N 969). «Munzer et rustici sie apud nos evangelium oppresserunt».

⁶ Архив Маркса и Энгельса. Т. VII, стр. 184.

⁷ См. памфлет Лютера по поводу казни Мюнцера, а также приписываемое Меланхтону «Historia Thomae Münzers», S. 67. «Es ist auch unweislich gehandelt, di weil er sich göttlicher Offenbarung gerühmet hat, dass man nicht hat gefragt, ob er solcher erdichtet habe, oder ob der teufel ihn mit gesichten verführt habe; solches wäre nützlich zu wissen».

стьянской войны. Весьма показательной является судьба Карлштадта во время Крестьянской войны.

22 августа 1524 г. Лютер по предписанию саксонских князей произнёс длинную проповедь о борьбе с мятежными сектами. Значительную часть своей проповеди Лютер посвятил «альшtedскому духу», который порождает «мятеж и убийства». При этом он указал как на пример влияния «альшtedского духа возмущения» на разрушение церквей и уничтожение икон, на стремление к отмене таинств крещения и причащения. Присутствовавший при этой проповеди Карлштадт принял на свой счёт последние замечания Лютера (об отношении к указанным двум таинствам) и вызвал Лютера для личных объяснений. Встреча и беседа обоих реформаторов, состоявшиеся в Иене, не привели ни к каким результатам. Лютер утверждал, что отрицание указанных двух таинств в догматической форме есть предпосылка к революционным выступлениям против властей и, следовательно, есть порождение «альшtedского духа». Карлштадт отрицал эту связь.

Встреча Лютера и Карлштадта положила начало длительной и обширной литературной полемике между ними, в ходе которой Лютер в январе — феврале 1525 г. составил своё известное сочинение в двух частях «Против небесных пророков об образах и таинствах». На содержании этого сочинения Лютера мы остановимся ниже; здесь же отметим, что лейтмотивом сочинения являлся тезис о том, что в основе учения Карлштадта о таинствах лежит трактовка священного писания о значении и правах народа, которая исходит от «альшtedского духа», и что, следовательно, Карлштадт ведёт ту же линию, что и Мюнцер, и одержим тем же духом¹.

Этого указания Лютера на близость идей Карлштадта к некоторым основным принципам Мюнцера было достаточно для того, чтобы позже Карлштадта считали участником Крестьянской войны.

Эразм Альбер в направленном против Карлштадта памфлете утверждал, что так как Карлштадт после удаления его из земли курфюрста общался с Мюнцером, то его обвиняли в том, что он «возбуждал крестьян против их господ»². Когда же в июне 1525 г. Карлштадт просил снять с него обвинение в участии в Крестьянской войне, то он мотивировал эту просьбу тем, что в действительности он не имел никакого отношения к «альшtedскому духу» и «мюнцеровскому восстанию» и что, наоборот, всячески помогал бороться с ним³. Дальше Карлштадт указывал на то, что в своё время он советовал орламюндцам отвергнуть предложение Мюнцера присоединиться к нему. Он ссылался также на свою полемическую переписку с Мюнцером, которая, по его мнению, доказывает его полную непричастность к «мюнцеровскому восстанию» («Summa, ich weis mich des Muntzerischen Auffrurs unschuldig und undtheilhaftig»).

В предисловии к опубликованному «извинению» Карлштадта Лютер предлагал принять его и простить. Пример с Карлштадтом не единственный. Варнеродский радикальный проповедник Георг Витцель, обвинявшийся в соучастии в крестьянском восстании, был приговорён к смертной казни. Он спасся только тем, что опубликовал текст своего письма к Мюнцеру от 11 марта 1525 г., в котором содержался резкий протест против революционного учения и революционной деятельности Мюнцера — против его организации крестьянского «христианского союза», действовавшего насильем⁴.

¹ «Luthers Werke». Bd. 18. «Wieder die himmlischen Propheten von den Bildern und Sacrament», S. 92—93 u. a.

² См. «Luthers Briefwechsel». Bd. 5, S. 194. Anmerk. I.

³ Ibidem. N 946, S. 193—194. Письмо Карлштадта от 12 июня 1525 г. «Luthers Werke». Bd. 18. Entschuldigung D. Andres Karlstads, с предисловием Лютера.

⁴ «Thomas Münzers Briefwechsel» N 73. См. Strobel «Leben, Schriften und Lehren Thomas Müntzer», S. 83—85. 1795.

Мы видим, таким образом, что самый факт расхождения с Мюнцером считался достаточным доказательством непричастности Карлштадта и Витцеля к Крестьянской войне, которая в «извинении» Карлштадта квалифицируется как «мюнцеровский мятеж».

Весьма определённо о роли Мюнцера в Крестьянской войне высказывались политические деятели католического лагеря, а также некоторые католические хронисты. Секретарь пфальцграфа Людвига Петер Гарер в своём сочинении «Крестьянские волнения в разных частях Германии в 1525 г.» утверждает, что широкое распространение крестьянских волнений по всей стране исходило «от испорченного Томаса Мюнцера из Тюрингии»¹.

Петер Гарер — не единственный католик-хронист, который видел всё зло в мюнцеровской пропаганде. Таким же образом объяснял причины Крестьянской войны и хронист города Бибераха, автор «Annales Biberacenses», воинственный католик Иоанн Эрнст Пфлуммерн². Нельзя, наконец, игнорировать того факта, что такие активные деятели господской партии, как ландграф Филипп Гессенский и воинственный католик саксонский герцог Георг, признавали в своей интимной переписке, что после казни Мюнцера и разгрома его военного лагеря у Франкенгаузена следует считать Крестьянскую войну законченной и главную опасность — делом прошлого³.

Характерным является изложение этого вопроса у Себастьяна Франка в его «Хронике еретиков». Весьма сочувственно комментируя религиозно-философские взгляды Мюнцера, Франк считал необходимым резко отмежеваться от его революционной деятельности в Крестьянской войне⁴. Здесь не место останавливаться на мотивах такого отношения Франка к Крестьянской войне. Отмечу лишь, что, как добросовестный историк и современник событий, Себастьян Франк выражал общее мнение о том, что Крестьянская война являлась мюнцеровским восстанием⁵.

Таким образом, несмотря на явно тенденциозный характер изображения Лютером роли Мюнцера необходимо признать, что в основном тезис Лютера о виновности в Крестьянской войне Мюнцера разделяло большинство современников, которые говорили об этом как об общеизвестном факте. Этим обстоятельством объясняется тот факт, что подъём массового демократического движения в новое время вызвал вновь интерес к Мюнцеру. Уже в 1793 г. Карл Гаммердерфер в первом томе своей «Истории лютеровской реформации» указал на большое историческое значение революционной деятельности Мюнцера. По мнению Гаммердерфера, Мюнцер достоин большей исторической славы, чем Лютер. Дело лишь в том, что Лютеру посчастливилось в историографии, а Мюнцеру — нет. «Если бы, — писал Гаммердерфер, — Мюнцер имел счастье, то его имя стояло бы рядом со Штауфахером и Теллем»⁶. Сравнение Мюнцера с героями освободительной борьбы швейцарцев означает, что автор рас-

¹ «Germanicarum Rerum Scriptores varii. T. III. Hannovial. 1611. Peter Harer. «Rusticorum Tumultuum in Germaniae diversis Partibus. Anno MDXXV», 198—199. «Per universam poche Germaniam disseminarentur quae meo iudicio ex peruerso Thoma Muntzer in Thuringia primum pollulauere».

² Baumann F. «Quellen zur Geschichte des Bauernkriegs in Oberschwaben». Tübingen. 1876. Aus Pflummerns «Annales Biberacenses», S. 350.

³ Falkenhainer W. «Philipp der grossmütige im Bauernkriege». Marburg. 1887. Beilagen NN XXI, XXX. Особенно лаконично и чётко высказывается герцог Георг. Рассказывая в письме от 16 мая о захвате в плен Мюнцера, он заключает: «Die auf frur solle nue zur zeit durch diese that fast gestilt».

⁴ Franck S. «Chronik, Zeitbuch und Geschichtsbibel. III. Chronik der Ketzler. 1555 Bl. 173v.

⁵ Ibid. «...derem er nach viler sag ein gross vnsach soll gewesen sein».

⁶ Hammer dörf er K. «Geschichte der lutherischen Reformation». Bd. I. Leipzig. 1793. Цит. по книге Штробеля. О Лютере он писал, что вовсе не заслужил той славы, которой он пользуется у историков половины Европы. «Часто стыдно бывает быть историком», — заключает он.

смаатривал Мюнцера не как сектанта-евангелиста, а как вождя большого народного восстания.

Но особый интерес к личности Мюнцера и к его роли в Крестьянской войне был проявлен в XIX веке. Разногласия по этому вопросу в немецкой историографии, связанные в основном с борьбой революции и контрреволюции в Германии, отражали также различия путей и программ воссоединения Германии — различие во взглядах на значение демократии и на роль Пруссии и Австрии в политической истории Германии. Активный деятель демократической партии 1848—1849 гг. Вильгельм Циммерман и вождь революционной демократии того же времени Фридрих Энгельс каждый по-своему подчёркивали, что Мюнцер выступал руководителем широкого демократического движения в Крестьянской войне, что, предвосхищая передовые идеи будущего¹, он указал наиболее правильный путь к установлению политического единства Германии. Большое значение деятельности Мюнцера в Крестьянской войне Энгельс видел в том, что революционная программа Мюнцера стала в ходе войны руководящей не только для его собственной, сравнительно немногочисленной партии, но и для широких масс крестьянства и городского плебса.

Циммерман, исходя из той же оценки, считал Мюнцера автором самой популярной программы движения — знаменитых «Двенадцати статей». Несколько позднее Альфред Штерн, автор блестящего исследования о «Двенадцати статьях», справедливо указал на несоответствие «Двенадцати статей» стилю Мюнцера. Но он также утверждал, что Мюнцер был вдохновителем этой крестьянской программы и влиятельнейшим учителем её автора².

Трактовка Крестьянской войны в духе революционно-демократической традиции вызвала ряд ответов со стороны немецкой реакционной историографии всех оттенков. Одновременно с книгой Энгельса вышла большая работа католического историка Иоганна Эдмунда Иерга «Германия в революционный период 1522—1526». Иерг не только не отрицал связи современного ему революционного движения с традицией Крестьянской войны, но, наоборот, усиленно её подчёркивал. Вместе с тем он соответствующей трактовкой Крестьянской войны старался опорочить революционное движение как XVI, так и XIX века.

В эпоху Реформации, пишет Иерг, партийная борьба в городах не носила больше старого характера борьбы патрициата с общиной. Теперь речь шла о «радикальной реформации», т. е., по мнению Иерга, о лютеровской реформации, в той форме, в какой она была воспринята «городским пролетариатом», для которого она сделалась знаменем разрушения и свержения всякого авторитета и всякого порядка. Иерг считал, что Лютер сам тайно сочувствовал мятежу вопреки своим официальным декларациям и памфлетам, так как от народного бунта он ждал реализации своей Реформации. Начало Крестьянской войны, по Иергу, исходило из городов, и вся она, по его мнению, была делом городов. По вопросу о роли Мюнцера в Крестьянской войне Иерг полностью повторяет точку зрения Кохлея и не признаёт за Мюнцером никакой роли³.

Даже излагая ход Крестьянской войны в Тюрингии, Иерг почти не упоминает имени Мюнцера. Для католика XVI в. Кохлея исключение Мюнцера из списка деятелей Крестьянской войны вопреки всем известным фактам важно было для того, чтобы скомпрометировать Лютера в глазах имущих классов. Католический же историк XIX в. Иерг, отрицая

¹ Энгельс констатирует у Мюнцера «предвосхищение фантазией» будущих социалистических учений. Циммерман видел в учении Мюнцера предвосхищение демократических теорий второй половины XVIII в., в частности политического учения Руссо.

² Stern A. «Ueber die zwölf Artikel der Bauern», S. 30—46. 139—148. Leipzig. 1868.

³ Jörg J. «Deutschland in der Revolutionsperiode von 1522 bis 1526», S. 95—110, 118—119, 131 ff, 286—289, 699—700. Freiburg. 1851.

реальное значение Мюнцера в массовом революционном движении, преследовал ещё и другую цель — представить современное ему пролетарское движение бездейным, чисто разрушительным, не имеющим собственной идеологии и неспособным сделаться руководящей силой в борьбе масс за демократию. Но эта цель является общей для всей немецкой реакционной историографии, а не только для католического направления в ней. Поэтому мы видим, что протестантские историки XIX в. не идут по стопам Лютера и не говорят больше об исключительной роли Мюнцера в Крестьянской войне, ибо это означало бы подтверждение концепции о самостоятельной революционно-демократической традиции в трактовке Крестьянской войны.

Для позднейших протестантских историков характерно непризнание за Мюнцером и его партией роли важного фактора в массовом народном движении. Учение Мюнцера они сводят к уровню обычной средневековой радикальной секты, влияние которой ограничено узким кругом её фанатичных последователей.

Отто Меркс в диссертации «Томас Мюнцер и Генрих Пфейфер в 1523—1525 гг.» пытался обосновать тезис, что влияние Мюнцера в Мюльгаузене было весьма ограниченным и что все его попытки выйти на политическую арену успеха не имели, так как он оставался только проповедником и не больше¹. Работа Меркса положила начало появлению в конце XIX и в XX в. ряда исследований, проводивших ту же линию. Под влиянием Меркса написаны главы, посвящённые Мюнцеру и Крестьянской войне, в работе Каутского «Предшественники новейшего социализма», разошедшегося с Энгельсом в оценке этого события. Из работ XX в., посвящённых дальнейшей разработке концепции Меркса, следует указать прежде всего исследование Рихарда Йордана о Франкенгаузенском сражении. Автор поставил себе целью «рассеять легенду» о Мюнцере как о военном руководителе восставших крестьян в Тюрингии. По мнению автора, роль Мюнцера и здесь органичилась ролью фанатичного проповедника².

Таким образом, мы видим, что большинство современников Крестьянской войны считали пропагандистскую и организующую роль Мюнцера в развитии событий фактором первостепенной важности. Лица, принадлежавшие к разным лагерям, называли Крестьянскую войну «мюнцеровским мятежом». Руководители княжеской партии видели в этом главную опасность и считали войну оконченной, как только Мюнцер был устранён. Отправляясь от этого факта, революционно-демократическая мысль XIX в. обратила внимание на новые моменты в религиозно-философском и социальном учении Мюнцера и указала на наметившиеся в Крестьянской войне 1525 г. новые элементы, отделяющие её от аналогичных движений в средние века и сближающие её с буржуазными революциями нового времени. Энгельс обратил внимание на то, что в Крестьянской войне 1525 г. выявилась уже та решающая сила будущих буржуазных революций, которая в германских условиях отвергнута была теми, кто должен был её использовать. Энгельс указал при этом на важность этого исторического факта как для понимания судьбы германской революции 1848 г., так и для понимания проблемы буржуазной революции в Германии вообще. Реакционная же немецкая историография разных оттенков дала ряд своих трактовок Крестьянской войны, составленных в духе отрицания роли Мюнцера как реального фактора революционного массового движения. При этом протестанты восприняли старую точку зрения католиков, что только Лютер и Меланхтон создали «легенду о

¹ Merx O. «Thomas Müntzer und Heinrich Pfeiffer (1523—1525)», S. 107—108, 110. Göttingen. 1889.

² Jordan R. «Zur Geschichte der Stadt Mühlhausen in Thüringen». Heft 4. «Zur Schlacht bei Franckenhausen», S. 31—32. 1904.

роли Мюнцера в тюрингенском движении» и в Крестьянской войне вообще (Р. Бемман).

Однако, как мы уже видели выше, мнение об исключительной роли Мюнцера в Крестьянской войне было общим для её современников. Нельзя себе представить, чтобы такие политические деятели, как саксонский герцог Георг и ландграф Филипп Гессенский, не говоря уже о других, в своей практической деятельности руководствовались легендой, созданной в пропагандистских целях. Кроме того характер и размах, которые приняла Крестьянская война 1525 г. в отличие от более ранних крестьянских движений, равно как и особая тревога и новые политические маневры, к которым стала прибегать господская партия, указывают на выступление новых народных сил и факторов движения, которые не выяснены католическими и протестантскими историками. Указания на «свет реформационной идеи» или на идею «божественного права» в её цвинглианском понимании явно недостаточны, потому что они не объясняют, почему господская партия увидела здесь угрозу основным элементам существующего порядка, почему она боялась объединения всех антифеодальных слоёв народа на основе их реальных интересов. Очевидно, здесь обращено было внимание на то, как народ воспринимал реформацию, на то, что реформация рассматривалась как программа революционного социально-политического преобразования общества.

Для немецких историков характерна не только тенденциозность в рассмотрении поставленного вопроса, но и неправильность метода его разрешения. Для них дело идёт лишь о наличии или отсутствии прямых или косвенных доказательств непосредственного руководства Мюнцера восставшими крестьянами или прямого принятия ими его программных указаний. В действительности же речь может идти не о прямой организующей роли Мюнцера в возникновении восстания, а о том, что пропаганда его учения приобретала особое значение на почве возникшего и широко распространившегося движения.

Приведённое письмо Мюнцера к альштедцам от конца апреля 1525 г. показывает характер и направление мюнцеровской пропаганды в Крестьянской войне. Прежде всего Томас Мюнцер констатировал, что начавшееся восстание имеет характер общего восстания, оно охватывает все слои народа и является повсеместным: «Das ganze deutsche, französische und welsch land ist wag». Затем, он старался разъяснить смысл событий как начало совершаемого богом общего социального переворота: «Der meister will spiel machen, die bösewichter müssen dran». Дальше, он сообщал о конкретных успехах движения в отдельных районах, с которыми он лично был связан (в Фульде, Клетгау, Гегау и Шварцвальде), а затем давал практические советы о необходимой тактике. Таким образом, главное в мюнцеровской пропаганде заключалось в том, что его практические советы связывались с разъяснением характера и смысла происходящего движения. В своей пропаганде Мюнцер непосредственные местные цели движения связывал с общим, далеко идущим идеалом общественного переворота и рассматривал их как его начало. В этом современники видели предпосылки к объединению разрозненных сил движения независимо от характера проповедовавшегося им далёкого, фантастического идеала. Крестьянам внушалась идея о глубоком смысле того, что они предприняли, о божественном характере их собственной борьбы и требований. Значение этой пропаганды было и в том, что, разъясняя общий смысл крестьянских конкретных требований и их текущей борьбы, она тем самым подчёркивала общность борьбы крестьян с борьбой других угнетённых слоёв народа.

Меланхтон, как и Лютер, объявлял Мюнцера ответственным за Крестьянскую войну. Однако относящиеся к Мюнцеру места в произведе-

ниях и письмах Меланхтона показывают, что главную опасность он видел не в том, что Мюнцер организовал крестьянское восстание, а в том значении, которое приобретала мюнцеровская трактовка реформации в обстановке повсеместно распространявшегося движения крестьян и наличия недовольных элементов в городах.

В письме к Иоахиму Каммерарию Меланхтон с большой радостью сообщал о полном разгроме крестьян и о казни Мюнцера: «Я рад, что пойман вождь восстания. Не столько потому, что я надеюсь, что впредь уже будет спокойно, сколько потому, что, очевидно, не воспрянет больше повергнутое духовное учение. Боже милостивый, о каком же царстве они так сладко мечтали? Какими выдуманскими пророчествами они довели глупую массу до вооружённого выступления? Сколько обещаний за то, чтобы броситься на передовые линии, якобы по повелению небесного оракула, для изменения общественно-политического порядка»¹.

Самый факт возникновения Крестьянской войны не представлялся Меланхтону, как мы видим, чем-то новым и исключительным. Меланхтон знал, что крестьянские войны, которые бывали раньше, могут быть и впредь. Он выражал свою радость лишь по поводу того, что не будет больше того учения, которое придавало движению новый характер и стимулировало особый размах его. Эти взгляды на характер деятельности Мюнцера в Крестьянской войне ещё точнее выражены в приписываемой Меланхтону «Истории Томаса Мюнцера». Прежде всего здесь определяется характер учения Мюнцера в отличие от папской догматики и лютеровской реформации. Фантастическое учение Мюнцера о царстве божием скоро, по мнению автора, определилось как учение о непокорности светской власти². Оно нравилось толпе, жаждущей всяких изменений и новостей в мире³. Учение Мюнцера об общности имущества тоже нравилось черни, так как оно внушало ей мысль о том, что не нужно работать, что свои потребности в хлебе и сукне каждый нуждающийся может удовлетворить, беря у богатых на основании христианского права⁴. Доказав, таким образом, что учение Мюнцера оказывало на народную массу революционизирующее влияние, автор дальше пишет, что начавшаяся тем временем Крестьянская война в Швабии и Франконии внушила Мюнцеру мысль о том, что наступило время перейти ему к активным действиям, поскольку он получил возможность в случае необходимости бежать во Франконию, где расположившаяся в трёх лагерях более чем сорокатысячная масса вооружённых людей изгнала всю знать и уничтожила почти все замки. При этом подчёркивается, что до возникновения крестьянского восстания в соседних с Тюрингией районах Мюнцер не решался на активные действия, «так как Томас не был так силён, чтобы начать мятежные действия до того, как он мог рассчитывать на возможность бежать к зарубежному крестьянству»⁴.

Как видим, памфлет, приписываемый Меланхтону, не обвиняет Мюнцера в том, что он организовал Крестьянскую войну. Он лишь подчёркивает, что начавшаяся Крестьянская война открыла Мюнцеру возможность дать практический ход своему опасному учению.

Эти высказывания показывают, в чём видели противники Мюнцера главную опасность его учения и деятельности. Поскольку Мюнцер давал евангелическую трактовку происходившей тогда борьбе крестьян

¹ «Corpus Reformatorum». T. I, p. 744. «Gaudeo captum esse ducem seditionis. Non tam quod spes est fore res tranquiliores quam quod extat non leve documentum spiritus quem iactabant. Bone Deus, quale regnum quam suaviter sibi sommiarunt? Quibus vaticiniis ementitis pertulit ad induenda arma stultam multitudinem? Quoties pollicitus se in primo acie futurum, coelestibus oraculis iussum, ut publicum civitatum statum mutaret».

² «Historie Thomae Münzer's». §§ 18, 19, 21, 22.

³ Ibidem, § 8, 17.

⁴ Ibidem, § 28.

⁴ Ibidem, § 29.

за их насущные нужды и ставил её в связь с осуществлением божественного плана, в его пропаганде видели предпосылку к централизации и к далеко идущей радикализации революционного движения. При всей фантастичности далёкого и отвлечённого мюнцеровского идеала царства божия на земле его учение близко подходило к текущей борьбе народа.

Трактовка реформации Мюнцером была весьма популярна среди массы восставших и близка народному сознанию. Мюнцеровское учение обобщало все разнообразные варианты народной реформации как её самое мощное и последовательное выражение. Поэтому революционная активность крестьянско-плебейского лагеря и деятельность мюнцеровской партии воспринимались современниками как явления одного порядка, отражающие консолидацию разрозненных элементов революционного народного движения. Поэтому вопрос о роли и значении Мюнцера и мюнцеровской партии в Крестьянской войне есть вопрос не о непосредственной руководящей деятельности Мюнцера и его организационных связях, а о значении того революционного народного понимания реформации, которое получило наиболее законченное выражение у Мюнцера.

Для понимания сущности народной реформации, значение которой проявилось во время Крестьянской войны и определило собой отношение борющихся лагерей к личности и деятельности Мюнцера, необходимо остановиться на социально-политических и революционных взглядах Мюнцера и выяснить, какое место в его учении занимали конкретные интересы восставших крестьян и недовольных городских низов. Был ли последовательный в теории строго этический идеал Мюнцера, связанный с полным отказом от всего личного и частного и не допускавший компромиссов, вообще совместим с какой-либо общественной группой того времени? Надо выяснить, каково было отношение Мюнцера к интересам и нуждам того конкретного народа, из которого лишь ничтожное меньшинство, по выражению Энгельса, могло тогда стоять на высоте его идей и разделять его веру.

Сам Мюнцер высказал со всей определённою, что его религиозное учение, носившее действенный, а не только созерцательный характер¹, понималось им как учение о социально-политическом преобразовании земного мира. В письме к эйзенахцам от 9 мая 1525 г. Мюнцер заключает из откровения Иоанна (гл. II, стих 15), что «царство этого мира перейдёт навсегда к Христу»², что поэтому толкование, которое дают священному писанию тираны, должно быть отвергнуто не словами, а делом. В том же письме Мюнцер показывает, что положение об исключительной власти Христа в этом мире он понимает в том смысле, что вся власть должна быть передана простому народу. При этом Мюнцер ссылается на 7-ю главу Даниила.

В другом письме, к эрфуртцам, от 13 мая 1525 г., Мюнцер формулирует положение, которым, по его мнению, проникнуто всё содержание священного писания: «Все твари должны быть отброшены, и тогда взойдёт чистое слово божие»³. Это положение, неоднократно интерпретируемое Мюнцером в смысле его основной идеи о торжестве общего и целого над единичным и частным, в данном письме ставится в связь с тем же его политическим тезисом «Власть должна быть дана простому народу» («Dye Gewalt sol gegeben werden dem gemeinem Volck»). И здесь даётся

¹ См. нашу статью «Томас Мюнцер и учение Иоахима Флорского» в сборнике «Средние века». Вып. 2-й.

² «Briefwechsel N 84 (S. 118), «Auch ist angezeygt Apoca am XI ca, dass das reich dieser welt soll chr (isto) zestendig sein».

³ Ibidem. N. 91 (S. 126). «Es bezeugen fast alle ortheyl in der schrift, das dye creaturn müssen freu werden, sol sunst das reyne wort gottis aufgehn».

весьма характерная ссылка на 7-ю главу Даниила. 27-й стих этой главы гласит: «И царство и власть и всё царственное — величие под небесами даны будут народу высших (по смыслу — точнее: небесных. — М. С.) святых». Выражение книги Даниила קדישי עליון פ'אם — , Kadische—El'jonin — , Мюнцер перевёл, вернее, заменил выражением «dem gemeinen Volck», т. е. простому народу. Это явно свидетельствует о том, что Мюнцер имел в виду не абстрактный народ, не мистическую идею фантастического святого народа, а конкретную народную массу своего времени.

В своих памфлетах Мюнцер также говорит о «простом человеке» и «простом народе» (aufs gemeine Volck, der gemeine Mann) как о единственном носителе божией справедливости в мире¹. «В «Проповеди перед князьями» он указывает, что «камень, оторванный от горы», виденный во сне Небухаднецером и означающий грядущее царство божие на земле, лучше всех видят «бедные светские люди и крестьяне» («die armen Laien und Bauern») ². Тезис о лучшем понимании царства божия на земле крестьянами и простыми людьми и об их превосходстве над учёными-книжниками Мюнцер в другом месте подтверждает ссылкой на 5-ю главу Иеремии и притом с присущей ему манерой вносит в цитируемые тексты собственную социальную трактовку.

Выступая в «разоблачении ложной веры» против книжников, Мюнцер говорит: «Вот пророк Иеремия обошёл все улицы и искал хотя бы одного человека, который добивается истинной веры. Он обратился с вопросом о вере к бедным крестьянам, но те указали пророку на священников и книжников. Значит, эти бедные крестьяне («die armen elenden Bauern») не имели понятия о вере, поскольку они надеялись на ядовитейших людей («nachdem sie sich auf die vergiftesten Leut verlassen haben»). Тогда пророк подумал: «О, боже, крестьяне — люди трудящиеся, они всю свою жизнь обходятся жалким и горьким питанием для того, чтобы наполнять глотки тиранов. Что же может этот бедный, неотёсанный народ знать?» («Was sollte denn der arme grobe Volck wissen?»). Подумав так, излагает дальше Мюнцер, Иеремия решил обратиться к крупным владельцам («zu den grossen Hansen gehn»). Они смогут обеспечить бедный народ и научить его вере и суждению словами и делами как истинные пастыри. Об этом-то пророк с ними и хотел говорить, но оказалось, что они знают меньше самого незначительного человека («weniger denn der aller geringeste») ³.

Сравнив это мюнцеровское изложение первых стихов пророка Иеремии (гл. 5-я) с подлинным текстом, нетрудно убедиться в том, что вся изложенная социальная концепция привнесена сюда Мюнцером, что у Иеремии ничего подобного нет.

Пятая глава Иеремии начинается жалобой пророка: «Ищите по всем улицам Иерусалима, найдёте ли вы хотя бы одного человека, добивающегося веры. Нигде не найти такого, никто не понимает и не хочет нравоучений. Тогда я сказал: люди здесь бедные, — и решил обратиться к великим, которые хорошо знают и понимают. Однако те потеряли уже истинную веру». Как видим, здесь нет ни слова о крестьянах и о бедных людях вообще. Здесь нет жалобы на плохие условия жизни народных масс, которые мешают их духовному прозрению, и нет намёка на призыв к материальному обеспечению народа. Весь контекст этой главы Иеремии свидетельствует о том, что термин «бедные» (Dalim — דלִים) понимается здесь в смысле духовной бедности, т. е. невежества, и означает «жалкие», а под «великими» (Hagdojlim — הגדולים) следует понимать учёных-

¹ См., например, предисловие Мюнцера к «Ausgedrückte Entblössung des falschen Glaubens».

² Münzer Th. «Die Fürstenpredigt».

³ «Ausgedrückte Entblössung des falschen Glaubens. Erklärung des ersten Kapitels Lucae.

книжников, которых пророк упрекает в отсутствии религиозности на деле. Мюнцер выводит здесь на арену социальные категории — крестьян, томящихся в постоянной материальной нужде, и «крупных Гансов», под которыми он всюду понимает социальную верхушку, которая держала в руках основные богатства и обладала поэтому и исключительной политической силой.

Уже само социальное положение этого слоя достаточно для того, чтобы считать его отверженным богом и воплощением зла. «Как могут судить о вере,— говорится несколько ниже в том же памфлете,— те, которые всю свою жизнь проводят в скотской ненасытности, жрут и пьянствуют, с юных лет не переживали ни одного горестного дня, не желали отказаться ни от одного геллера из своих процентов и поборов. Они неспособны принять ничего ради истины и не могут поэтому ни судить о вере, ни быть её «защитниками». Крестьяне же и бедный трудящийся «простой народ» вообще могут, по мнению Мюнцера, по своему социальному положению познавать истину. Излагая тут же основные моменты истинной веры, он восклицает: «О, если бы это знали бедные, забытые крестьяне, как бы оно им пригодилось»¹.

Мюнцера очень смущает низкий уровень интеллектуального развития народа. В отсталости и внешней грубости народа он видит препятствие к выполнению им его миссии. 7 мая 1525 г. он пишет своим организованным сторонникам в Шмалькальдене, что не может придти им на помощь сейчас же, что необходимо ещё немного потерпеть, так как трудно себе представить, с каким грубым народом приходится иметь дело и как велика необходимость его обучать². Мюнцер пишет, дальше, шмалькальденцам, что предпочёл бы лучше иметь дело со строптивым народом, чем с невежественным («und desselbigen mit beswerung viel lieber pflegen dann mit unwitzigen zu volziehen vornemen»). Но Мюнцер считает, что в делах веры решающим является социальное положение бедного народа. «Всё же,—прибавляет он тут же,—бог предпочитает избирать глупых и отвергать учёных» («Jedoch will Gott die nerrischen dinge erwehlen und dye Clugen vorwerfen»).

Бедный народ, так, как он есть, со всеми его недостатками, Мюнцер признаёт наиболее достойным и единственным избранным классом. Этот класс один только способен познать истинную веру и проводить её на деле, так как божия справедливость в том смысле, как Мюнцер её понимает, объективно составляет его интерес, за который он ведёт повседневную борьбу. Таким образом, Мюнцер приходит к убеждению о сочетании борьбы за его конечный идеал с борьбой за повседневные нужды трудящегося народа. В этом свете следует рассмотреть его отношение к частной собственности и к идее общности имущества.

Говоря абстрактно, Мюнцер был решительным противником частной собственности и частных интересов и решительным сторонником общности имущества. Современники утверждали, что основным отправным моментом мюнцеровской пропаганды было положение о том, что, «согласно требованиям христианской любви, никто не должен возвышаться над другим, каждый человек должен быть свободным и должна быть общность всех имущества»³. Основанием для этого утверждения в высказываниях самого Мюнцера служит известное место из его показаний на допросе о том, что тезис «Omnia sunt communia» был основным тезисом

¹ Ibidem «Ach wüssten das die armen verworfenen Bauern, es wäre ihnen ganz nütze».

² «Briefwechsel», W 81 (S. 116). «Mit unseren bruedern, dye zu mustern wir über die massen zu schaffen haben, dann es viel ein grober volk ist, wann eyn yeder ausstrachten kann». Из текста видно, что «mustern» означает здесь не только военную подготовку в узком смысле слова, как это толкует Рихард Иордан в своей работе о битве при Франкенгаузене.

³ «Historie Thomase Münzers», S. 3.

сторонников Мюнцера, который они хотели проводить таким образом, чтобы «каждому выделялось по его нужде»¹. Можно указать и на тезисы 1521 г., составленные Мюнцером по дороге в Прагу, один из которых гласит: «Precepta sunt diligere inimicum, non vindicare non jurare, comunio rerum»².

Известно, что и Энгельс говорил о коммунистических взглядах Мюнцера. Однако он говорил очень осторожно: «Политическая программа» Мюнцера «очень близка к коммунизму», содержащиеся в его учении «коммунистические намёки» впервые «формулируются с известной определённой», впервые «становятся выражением потребностей реальной общественной группы» и по своему теоретическому уровню стоят не ниже многих коммунистических сект XIX века³. Говоря о том, что Мюнцер гениально предвосхитил далёкое будущее, Энгельс вместе с тем подчёркивал, что эти намёки при всей фантастичности идеи в условиях того времени были свободны от сектантской доктринерской схематичности и вытекали из потребностей определённой социальной среды, т. е. народных низов.

В теории царства божия на земле Мюнцер сформулировал абстрактную и далёкую для того времени идею коммунизма; но, говоря о народе, он имел в виду не фантастический народ, не абстрактную святую общину, члены которой полностью отказались от всех своих личных стремлений, для того чтобы растворить себя в божестве, воплощённом в идее общего, а тот конкретный народ, который заполнял во время Крестьянской войны ряды крестьянско-плебейского лагеря. Борьба этого народа за свои конкретные требования рассматривалась Мюнцером как начало грядущего переворота. Поэтому под собственностью и частными интересами он понимал собственность, которая являлась исходным пунктом угнетения народа и «шкуродёрства», т. е. собственность крупных землевладельцев и крупных богачей вообще. Нет никаких оснований видеть в ней то, что мы теперь называем мелкой трудовой собственностью. Есть все основания утверждать, что мелкую трудовую собственность Мюнцер включал в понятие «общности имущества» и не только не видел в ней появления частных интересов, а, наоборот, считал её на первом этапе необходимым условием освобождения «бедного человека» от частных забот и возвышения его к истинной вере.

Как бы это ни показалось парадоксальным на первый взгляд, нельзя не видеть, что Мюнцер, религиозное учение которого требует полного поглощения индивидуальных интересов общими, считал вместе с тем, что без удовлетворения элементарных материальных нужд крестьян и бедноты невозможно поднять их до того уровня интеллектуального развития, который необходим для достижения высшего идеала.

В приведённом выше обращении к эйзенахцам от 9 мая 1525 г. Мюнцер указывает, что с тиранами надо бороться не проповедями, а делом. «Ясно, как день, — пишет он, — что бог поручает избранным совершать насилие над его противниками в отношении их владений, которыми они с самого начала чинили препятствия царству божью и его справедливости, как это показал сам Христос в обоснованном суждении... Как же это возможно, чтобы простой человек смог при таких заботах о своих временных благах воспринимать чистое слово божие с добрым сердцем?»⁴.

¹ «Bekentnis Thomas Müntzers». 1525, mai 16, II. «Paynich bekant», 58.

² «Briefwechsel, Anhang» № 5, S. 139.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 138, 131.

⁴ «Briefwechsel» № 84, S. 118. «Ists doch am hellentag, das gott die seinen also freuntlich lest dye widersacher peinigen allein am guthe, durch welche sie das reich und gerechtigkeit gottes haben vom anfang vorhin... Wie ist es umer mehr miglich das der gemeine mann sollte bey solchen sorgen der zeitlichen guther halben das reine wort gottes mit guthem herzen mügen empfangen?»

Мюнцер строит, таким образом, свой высший идеал не на аскетической основе, а, наоборот, на основе удовлетворения материальных «временных» нужд «простого человека», ибо только в этом случае простой люд может подняться до идеи божественного и вечного. И здесь, как и выше, необходимо обратить внимание на то, что Мюнцер остаётся верен своей манере «переводить» и комментировать священное писание. Разъясняя притчу о сеятеле, который посеял зерно при дороге, на каменистой почве, в тернии, и, наконец, на доброй земле и только в последнем случае получил плод, Христос в трёх указанных Мюнцером евангелиях говорит, что «посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, и оно бывает бесплодно»¹.

Как видим, три евангелиста, на которых ссылается Мюнцер, имеют в данном случае в виду аскетическую идею о том, что всякие мирские дела заглушают слово божие. Мюнцер же, ссылаясь на эту притчу, формулирует свою собственную социальную концепцию так: препятствуют истинному слову божию богачи и тираны, узурпировавшие общие богатства мира и тем самым обрекшие «простой народ», единственного истинного носителя идеи высшей справедливости, на постоянные заботы о мирских временных благах и на пребывание в невежестве. Вывод Мюнцера отнюдь не аскетический: необходимо изгнать тиранов, передать власть «простому народу» («dem gemeinen Volck») и избавить его от тяжёлых забот о его повседневных нуждах путём удовлетворения этих нужд и освобождения его от феодального гнёта. В этой именно конкретной форме Мюнцер практически и ставил вопрос о насильственном уничтожении частной собственности. К тому же выводу мы придём при внимательном рассмотрении соответствующего пункта из его показаний: «Ist ir artigkel gewest und habens uff die wege richten wollen: omnia sunt communia, und sollten eynem idern nach seyner notdorft ausgetheyit werden nach gelenheyt. Welcher fürst, Graff oder herre das nitt hette thun wollen und des erstlih erinnert den solt man koppe abschlagen oder hengen».

Смысл тезиса «Omnia sunt Communia» объясняется здесь тем положением, что каждому должно быть выделено по его нужде, и вместе с тем подчёркивается, что сопротивляться этому могут только князья, графы и господа и что это сопротивление должно пресекаться при помощи силы. То же следует и из текста § 3 «Истории», приписываемой Меланхтону, в которой говорится о том, что Мюнцер старательно возбуждал чернь против князей и указывал, каким образом они угнетают и отягощают народ, обдирают с него кожу и мясо, чтобы сами могли предаваться бесполезной роскоши и расточительству («dass sie möchten ihre unnütze Pracht und Kosten erhalten»); что они угнетают бедного человека, нанося ему вред, в то время как, согласно требованиям христианской любви, никто не должен возвышаться над другим, «каждый должен быть свободен и должна быть общность всех имуществ»².

Идея общности имуществ приписывается, таким образом, Мюнцеру на основании его призыва к народу освободиться от гнёта господ и положить конец их излишествам. Он же имел в виду, по крайней мере для ближайшего этапа, превращение всех богатств в общее пользование в практически мыслимой в то время форме, т. е. в форме индивидуальной трудовой или общинной собственности.

Для следующего этапа общественного строя, для стадии полного торжества царства божия, Мюнцер считал необходимым, как мы увидим ниже, изменение природы самих людей, значительный подъём духовного уровня масс, который станет возможным после устранения материаль-

¹ «Евангелие от Матфея». Гл. 13-я, стих 22-й. Почти в тех же выражениях см. Марк. Гл. 4-я, стихи 18—19-й, и Лука. Гл. 8-я, стих 14-й.

² «Historie Thomase Münzer's», § 3.

ного гнёта. Мы не встречаем у Мюнцера прямых определений характера этой высшей стадии. Делать о нём заключение можно только на основании общей религиозно-философской концепции Мюнцера. Энгельс утверждает, что «под царством божьим Мюнцер понимал такой общественный строй, в котором уже нет ни классовых различий, ни частной собственности, ни независимой от членов общества и чуждой им государственной власти... все работы и имущества должны стать общими, должно быть проведено самое полное равенство»¹. Но Энгельс в то же время отмечает фантастический, лишённый каких-либо конкретных очертаний характер этой программы будущего общества.

Как бы ни был оригинален и интересен этот вариант будущего общества, необходимо признать, что главное значение Мюнцера не в самом идеале будущего, а в том, что идеал будущего рассматривался им, по выражению Энгельса, как «потребность реальной общественной группы» и ставился им как цель для конкретной повседневной борьбы этой социальной группы. Таким образом, далёкий идеал Мюнцера не оставался в его системе пустой абстракцией. Обладая им, Мюнцер старался придать современной ему борьбе масс высокую целеустремлённость; он старался централизовать движение и тем самым придать его социальному содержанию определённую политическую окраску.

Конечно, Мюнцер верил в реальную возможность осуществления своего высшего идеала в ближайшее же время. Фантастическая сторона его учения заключалась не только в мистической оболочке его коммунистического идеала, но и в том, что он не видел для этого объективных препятствий своего времени и считал, что устранение существующего гнёта и удовлетворение текущих нужд народа достаточны для его подготовки к новому строю. Фантастический элемент учения Мюнцера проявился бы практически только в случае победы народа, как это можно видеть из характеристики Энгельсом положения в Мюльгаузене. В период же развёртывания борьбы деятельность Мюнцера среди крестьян имела для него весьма реальное значение и была направлена на организацию народных масс для решительной борьбы с феодальным гнётом текущего дня, за свои конкретные нужды. Поэтому мы видим, что в своей практической руководящей деятельности Мюнцер редко высказывал абстрактные коммунистические взгляды, но зато весьма энергично поддерживал актуальные и популярные лозунги антифеодальной борьбы.

В письме к алыштедтцам из Мюльгаузена от 15 августа 1524 г. Мюнцер, формулируя практический смысл своей пропаганды, писал: «Я мог в действительности делать только то, что подобает настоящему рабу божьему, т. е. лаять против хищных волков»². В общем я проповедовал только, чтобы христиане не разделявали друг друга, как мясники («das eyn Christe den andern nicht also ganz jemmerlich auf dye Fleyschbank opfern soll»), и что так как «крупные магнаты» несогласны на это, то необходимо отнять у них власть». Остриё проповеди Мюнцера было направлено, как это видно из приведённых слов, не против всяких частных владений, а против крупных эксплуататоров. В другом месте мы видим, что Мюнцер энергично отстаивал общинную крестьянскую собственность от посягательств крупных феодалов. По поводу книги Лютера о торговле, в которой автор поощряет жестокие репрессии против воров, Мюнцер пишет в памфлете «Защитная речь», что Лютер умалчивает о причине всякого воровства и хочет выслужиться призывами к человеческой крови ради временного добра, вопреки божьим повелениям, и прибавляет: «Обрати внимание на то, что основа всякого ростовщичества, воровства и грабежа — это наши господа и князья, они присвоили в соб-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 139.

² «Briefwechsel» № 67 (S. 89). «Nicht anderst thun mugen dan widder dye reysende wolfe bellen, wye eynem rechten knechte gottis zusteht».

ственность всякую тварь. Рыба в воде, птица в воздухе, всякая растительность на земле — всё должно принадлежать им¹. Поэтому они распространяют среди бедных Божию заповедь и говорят: бог заповедал: не укради; но это к ним не относится, так как они доводят всех людей до того, чтобы сдирать шкуру и мясо с бедного пахаря, ремесленника и всего живого («so sol nun alle Menschen verursachen, den armen Ackermann, Handwerksmann und alles das da lebet, zu schinden und zu shaben. Micha, III cap.»²).

Прежде всего отметим и здесь своеобразную манеру Мюнцера переводить пророков. «О те, которые зло называют добром, а добро злом, превращающие тьму в свет, а свет в тьму, горькое в сладость, а сладкое в горечь»³. Мюнцер изложил это, как мы видели, сентенцией против «господ и князей», присваивающих в собственность рыбу в воде, птиц в воздухе и всякую растительность на земле. 3-я глава пророка Михея содержит более ярко выраженный социальный протест. Здесь говорится о «главарях Якова и князьях дома Израиля», которые сдирают шкуру с народа и ломают ему кости⁴, но Мюнцер уточняет абстрактное выражение пророка «народ» и заменяет его конкретными категориями — «бедный пахарь» и «ремесленник». Уже эти поправки к пророкам показывают, насколько конкретно было представление Мюнцера о народе; но, главное, Мюнцер бичует здесь только феодальную собственность «господ и князей» и эксплуатацию крестьян и плебеев, которая составляла основу всякого богатства в современном ему обществе. Он защищает крестьянскую собственность против феодальной эксплуатации и отстаивает общинную собственность в том виде, как этого требовали крестьяне. Уже давно было отмечено, что это место у Мюнцера, направленное против узурпации прав на рыбу, птицу и всякую растительность, созвучно четвертой и пятой из «Двенадцати статей»⁵. Более того: всякая эксплуатация бедного пахаря и ремесленника со стороны кого бы то ни было рассматривается здесь как следствие той же феодальной эксплуатации со стороны «господ и князей», которые доводят «всех людей» до шкуродёрства по отношению к крестьянам и ремесленникам.

Очень интересны в этом отношении некоторые из сохранившихся писем крестьян к Мюнцеру. Письмо общины Эрих из княжества Шварцбург — Зондергаузен от 11 мая 1525 г. является ответом на письмо Мюнцера крестьянам этой общины от 10 мая. Письмо Мюнцера не сохранилось, но его содержание выясняется из ответа крестьян. Крестьяне пишут своему «христианскому защитнику, согласно истинному слову Божию», что получили и «поняли» его письмо, и сообщают ему о том, что церковные владения, попавшие в их руки, они поделили в общине поровну, согласно нуждаемости, между всеми «праведными живыми бедными святыми»⁶. Дальше они дают Мюнцеру «по-христиански понять», что со своими соседними дворянами — Гугами и Тотлебенами — они вели переговоры о пастбищах и предложили им убрать своих овец с общинного пастбища в течение восьми дней и избавить бедную общину от ущемлений⁷.

Гуго, говорится дальше в письме, обещали освободить пастбище в указанный срок, но Тотлебены, которым дан тот же срок, отказались и желают оставить попрежнему своих овец на пастбище невзирая на

¹ Ис ай. Гл. 5-я.

² «Hochverursuchte Schutzrede».

³ Ис ай. Гл. 5-я, стих 20-й.

⁴ Михей. Гл. 3-я, стихи 1—3-й.

⁵ Stern A. «Ueber die zwölf Artikel der Bauern», S. 113.

⁶ «Briefwechsel» № 85, S. 119 «Das wir die guten der Kirchen so viele wir her haben können geratten, ahn dye rechten lebendigen armen heyligen nach nottdurft gleich eynem als dem andern in dye gemeyne usgeteylt».

⁷ Ibidem. «Und uns armen gemeyne hinfurter damit unbeschedit lassen».

собственность всей общины («gedenkt ire schaffe wye von alter her behalten unangesehen euer oder unser euner ganzen gemeyne»). Затем они жаловались своему «христианскому защитнику» на ряд соседних деревень, которые невзирая на явную нужду эрихцев в лесных материалах, особенно после пожара, уничтожившего полсела, отказывают им в праве пользоваться смежным лесом. Они просили Мюнцера заступиться за них перед указанными деревнями.

Наряду с этим обращением всей общины Эрих отдельный крестьянин этого села, Ганс Бурман, обратился к Мюнцеру как к «защитнику и судье по всем причиняемым обидам («als eyn Beschirmer und Rechtfertiger aller Misshanglung») с изложением своего спора с неким Апелем Вейнмейстером из соседнего местечка Тюрингенгаузен. «Мой покойный отец, — сообщал Бурман Мюнцеру, — долгое время имел в наследственном владении земельный участок, который он три года тому назад заложил за незначительный денежный долг вышеупомянутому Вейнмейстеру». Хотя за три года пользования землёй Вейнмейстер получил в три раза больше, чем давал в долг, Бурман согласился вернуть ему сумму отцовского долга и получить обратно наследственный участок. Однако Вейнмейстер не дал ему обрабатывать этот участок. Бурман просил Мюнцера заступиться. Оба эти письма свидетельствуют о том, что в отношениях Мюнцера с крестьянами и бедняками стояли вопросы повседневной борьбы крестьян за своё хозяйство и за право общинного пользования. Захваты церковных земель производились крестьянами, как видим из первого письма, по указаниям Мюнцера. Крестьяне делят захваченную церковную землю между бедными членами общины, передавая её в индивидуальное пользование. Очевидно, всё это делалось также с согласия и ведома Мюнцера, которого в Тюрингии, как мы видим, действительно считали вождём и верховным судьёй и которого крестьяне посвящали во все детали своего хозяйственного быта и общинных дел. Приведённые письма показывают, что по существу сообщаемых крестьянами фактов между ними и Мюнцером не было разногласий в практической области. Мы видели, что повседневные интересы крестьян Мюнцер отстаивал и в своих памфлетах.

Что Мюнцер постоянно имел в виду уровень народа и приспособлял к нему свою тактику, это можно видеть из полемики с ним швейцарских анабаптистов. 5 сентября 1524 г. Конрад Гребель, Кастельберг, Манц и ряд других цюрихских анабаптистов обратились к Мюнцеру с письмом, в котором они аргументировали свою точку зрения по ряду спорных вопросов. Гребель и его товарищи, придерживавшиеся сектантской буквы, не могли понять, каким образом Мюнцер, учивший о чистом слове божием, мог в то же время перевести на немецкий язык мессу, являющуюся, по их мнению, отступлением от догмы «чистого слова божия» и настоящим идолопоклонством. Они упрекали Мюнцера и в том, что он недостаточно энергично боролся против крещения детей, являющегося «бессмыслицей» и «богохульством». Они были недовольны пренебрежительным отношением Мюнцера к вопросам быта евангелических общин, в частности к порядку общих трапез. Особенно энергично возражали они против благожелательного отношения Мюнцера к наделению священников доходными имениями и к сохранению десятины в их пользу¹. По мнению авторов письма, Мюнцер, совершая эти отступления, смешивает чистое слово божие, которое сам проповедует, с человеческим словом и делом.

Нетрудно видеть, что в основе всех этих споров лежат расхождения между религиозными сектантами и революционером, для которого вопросы формального богослужения и внешней религиозности подчинены были более широкой задаче. Религиозная философия и конечный идеал

¹ Cornelius «Geschichte des Münsterschen Aufruhr». Bd. S. 240—249. Beilage. 1860.

Мюнцера ушли далеко за рамки представлений широких слоёв народа, но путь к этому идеалу он видел в действиях и в борьбе народных масс, которую он рассматривал как борьбу бога против безбожия, т. е. против проявления эгоизма и своеволия. Мюнцер придавал наибольшее значение не абстракции «чистого слова божия» в его догматическом понимании, а всему тому, что делает истинный смысл «слова божия» доступнее народу и содействует его борьбе. Мюнцер не мог поэтому игнорировать всё то, что воспитывало массу в духе его учения. Он не мог согласиться на простую и формальную отмену мессы и на упразднение священнических доходов только потому, что этого требовала догма.

Ограниченность кругозора народных масс, то обстоятельство, что представления этих масс не идут дальше временных и повседневных интересов, Мюнцер рассматривал как крупный недостаток и препятствие для общего дела. Он нередко выражает сожаление по поводу низкого уровня народного сознания и внешней грубости масс, как это мы видели выше в его памфлетах и письмах. Мюнцер энергично боролся против книжников и горько жаловался на то, что они держат народ в невежестве, так как народная грамотность и народное просвещение представляют для книжников и их хозяев из среды господ серьёзную опасность. «Поэтому, — пишет Мюнцер, — ты сам, простой человек, должен стараться быть обученным, чтобы тебя больше не обманывали»¹. И если мы встречаем у него тезис подобно приведённому выше, — о том, что бог избирает и возвышает глупых и отвергает умных, то его следует понимать не в том смысле, что глупые и невежественные вообще предпочтительнее умных и учёных, а в том, что избранность того или иного человека определяется его социально-этическим поведением, а не уровнем его сознания или учёности, что бог предпочитает людей из простого трудящегося народа даже в том состоянии внешней грубости и невежества, в котором они в данное время находятся, потому что их положение в обществе делает их единственно способными не только воспринимать истинную веру, но и проводить её на деле. Просвещению народа и разъяснению ему истинной веры Мюнцер придавал первостепенное значение. В этом плане он определял своё отношение к тем вопросам, по которым ему возражали цюрихские анабаптисты. Он не смог стать на сектантскую позицию анабаптистов и отказаться от тех форм богослужения, которые, по его мнению, имели воспитательное значение для народа. Отчасти по этой причине он не считал целесообразным лишать земельных наделов тех священников, которые могут быть полезны как наставники народа в духе истинной веры. Что же касается народного движения, то хотя, как уже было показано выше, движение масс за свои повседневные нужды поощрялось и поддерживалось Мюнцером, он всё же считал необходимым, чтобы оно было поставлено под руководство партии, сознающей и конечную цель борьбы, чтобы вопросы временных и ограниченных благ не заслоняли собой общей цели.

«Мюльгаузенцы, — жалуется Мюнцер в письме от 3 сентября 1524 г., — очень медлительны, народ здесь, как и всюду, невежественен, и его медлительность предусмотрена богом для того, чтобы естественное знание не опережало евангелие»², т. е., чтобы борьба за временные материальные нужды была подчинена руководству «христианского объединения».

Это подводит нас к вопросу о революционной тактике Мюнцера, к его учению о форме организации народа для борьбы. Важнейшим пропагандистским и организационным орудием для Мюнцера сделалось, как известно, священное писание в той своеобразной форме его применения, которое исходит из учения о внутреннем слове. Священное писание служило Мюнцеру обоснованием его учения о будущем царстве божием, и

¹ «Ausgedrückte Entblössung des falschen Glaubens. Vorrede die arme zerstreute christenheit».

² «Briefwechsel» № 68. S. 91.

оно же становится в его интерпретации руководящей программой текущей борьбы, придающей ей единство и определённую организационную форму.

Привлечение евангелия для доказательства необходимости создания более справедливого общества или отдельных конкретных социальных и политических требований само по себе не содержит ничего нового для эпохи Реформации и не составляет оригинальной черты Мюнцера. Учения лоллардов и Джона Болла в обстановке восстания 1381 г. в Англии дают нам более ранние примеры подобных евангелических аргументов. Однако уже Д. М. Петрушевский показал, что радикально-евангелические идеи второй половины XIV в. приобрели своё значение для конкретного движения только в ходе событий 1381 года¹. Самые же теории лоллардизма и Джона Болла представляли собой абстрактное морализирование о том, каков более справедливый порядок жизни, согласно евангелию.

Джон Болл видел в евангелии основание для отмены ряда существующих законов для того, чтобы восторжествовала возвещённая в священном писании справедливость. Мюнцер же стремился дать в евангелии программу действий и знамя революционной организации масс. Он видел в священном писании не только аргумент для изменения некоторых существующих законов и не только источник готовых предписаний морального порядка: для него священное писание являлось основанием нового понимания права, соответствующего божьей справедливости. Нормы этого права, по его мнению, не даны раз навсегда в готовом виде в тексте священного писания. В каждой конкретной обстановке они указываются человеку «внутренним словом» священного писания, что, в понимании Мюнцера, означает — разумом, базирующимся на социально-этических началах².

Мюнцер в своих памфлетах и проповедях неоднократно выступал за чистое слово божие, «без человеческих измышлений». Цюрихские анабаптисты в приведённом письме к Мюнцеру от 5 сентября 1524 г., толкуя эту фразу формально, указывали ему, что поскольку все человеческие прибавления к священному писанию должны быть отвергнуты, то должны быть отвергнуты и прибавления самого Мюнцера³. Однако Мюнцер расходился с цюрихскими сектантами и в толковании самого понятия «человеческих измышлений», понимая под ним только то, что не соответствует социально-этическому принципу божественной морали.

Значение, которое получило евангелие в системе Мюнцера, может быть понято не только в связи с его учением о внутреннем слове, но и главным образом на основе сочетания его учения о внутреннем слове с учением об исключительной избранности трудящегося народа, того «простого человека», которому должна быть передана власть, согласно 7-й главе Даниила.

Только священное писание является источником социально-политических норм, но только «простому человеку» понятно содержание священного писания, так как только он обладает даром откровения, чтобы его комментировать. Вместе с тем только он может проводить предписания священного писания на деле. Поэтому интересы и взгляды «простого народа» получают у Мюнцера значение объективного закона, опирающегося на авторитет евангелия.

Идея «христианского союза» как политической организации простого народа для осуществления божественного права в мире, получившая, как известно, важнейшее организационное значение во время Крестьянской войны, получила в системе Мюнцера своё теоретическое обоснование и

¹ Петрушевский Д. «Восстание Уотта Тейлора», стр. 112—125. М. 1937.

² См. сборник «Средние века». Вып. 1-й, стр. 146—148.

³ Cornelius. Op. cit. Bd. 11. Beilage. «Alle anschlag», wort, brüche und gut-danken aller menschen, auch din selbs verwerfen».

выражена в ней в наиболее последовательной форме. Только честный трудовой народ, одни только избранные праведники могут установить в мире божественный порядок, которому все обязаны подчиняться.

Идея «христианского союза», которая содержалась в учении Мюнцера и с реализации которой он всюду начинал свою революционную деятельность, — это не формальная «община верующих», характерная для определённых течений бюргерской реформации, а определённая социальная организация народных низов, навязывающая свою волю как единственно правильное выражение воли бога всем другим слоям общества. Этот организационный принцип Мюнцера, сделавшийся исходным пунктом его революционной тактики, ставил его в резкое противоречие ко всем современным ему оттенкам бюргерской реформации.

Лютер в памфлете «Против разбойничьих орд крестьян», усматривая в действиях крестьян проявление «альштедтского духа», утверждает, что одним из трёх тягчайших преступлений крестьян, каждое из которых даёт полное основание убивать их беспощадно, состоит в том, что они основали союз, прикрывающийся евангелием, и «заставляют людей присоединяться» к их ужаснейшим грехам. Это, подчёркивает Лютер, есть самое тяжёлое преступление, за которое крестьяне десять раз заслуживают смерти¹.

Против мюнцеровской идеи «христианского союза» резко выступали и радикально-бюргерские реформаторы. Когда Мюнцер, вернувшись ранней весной 1525 г. в Мюльгаузен, решил установить связь с районами Крестьянской войны на юге и приступил к организации «христианского союза», то от него отrekliсь его друзья — Георг Витцель, упомянутый уже выше варнродский священник, и Карлштадт. Позже Витцель опубликовал своё полемическое письмо, отправленное им Мюнцеру 11 марта 1525 года. В этом письме Витцель резко протестовал против революционной тактики Мюнцера и настойчиво требовал, чтобы он отрёкся от своих «заблуждений». Чтобы облегчить Мюнцеру задачу, Витцель предложил ему готовый текст отречения от главных преступлений. Первый пункт этого текста касается организации «евангелического союза» с принудительными функциями: «Отрекается Мюнцер от своих стараний поднять народный мятеж, что является наигрубейшим делом, а так же от евангелического союза, направленного против всех тех, которые сами не желают присоединиться»².

Опубликование этого письма с явно выраженным отрицательным отношением к мюнцеровскому «евангелическому союзу» спасло Витцеля от преследований, так как доказало его непричастность к Крестьянской войне.

Карлштадт также выступил резко против идеи Мюнцера об организации народных сил для установления божественного порядка. Эта организация, писал Карлштадт Мюнцеру, вызовет злорадство тиранов, которые скажут: вот эти люди хвастают своим общением с богом, в то время как теперь они объединяются друг с другом, очевидно, потому, что их бог недостаточно силен и не может их защитить³.

Социальный характер боевой организации народа для осуществления божественного порядка вытекал для Мюнцера из всей его концепции. Если высшая цель мирового развития — возвещённое в священном писании царство божие на земле — заключается в установлении полного господства принципа общности и в полном исчезновении частных интересов, то она может быть осознана и осуществлена только трудящимся народом,

¹ «M. Luthers Werke. W. A.». Bd. 18, S. 358.

² «Briefwechsel» № 73, S. 108. «Revocet Muntzerus publicae seditionis studium, id quod apertissimum est. Item foedus evangelii praetextu adversus omnes, qui ipsi adhaerere nolunt».

³ Strobel. Op. cit., S. 78.

ведущим в своей повседневной жизни постоянную борьбу против эгоистических и частноузурпаторских стремлений врагов божьих. Если в данное время идеальная цель ещё не осознана простым народом, то успех его повседневной борьбы освободит его от материальных забот и тем самым подготовит его к высшей стадии духовного сознания, необходимого для заключительной фазы борьбы за высший идеал.

Идея «христианского союза» Мюнцера — это идея объединения всего трудового народа, заинтересованного в устранении из мира всех начал эгоизма и узурпации. Указывая эту общую цель всех простых бедных людей, Мюнцер призывал к объединению в «христианском союзе» народных низов города и деревни. Об этом стремлении Мюнцера говорит его практическая революционная деятельность, которая требует специального изучения. Приведём здесь только его обращение к мюльгаузенской церковной общине 22 сентября 1524 года. Мюнцер советует напечатать все жалобы и обличения и распространять среди соседних сельских общин для того, чтобы банде безбожников нигде не было убежища, потому что, прибавляет он, «всюду простой люд твёрдо выступает, слава богу, заступником правды»¹.

Но Мюнцер не отвергал окончательно и людей из других социальных слоёв общества. Именно потому, что простой народ преследует не эгоистические цели, а цели общего божественного порядка, он не должен отвергать никого, кто высказал готовность следовать нравственной задаче на деле.

Поэтому мы видим, что в Тюрингии в мюнцеровский «христианский союз» принимались и представители знати, поскольку они дали нужные гарантии. Конкретные условия приёма таких людей в «евангелический союз» определялись иногда и данной политической и военной обстановкой, но основным условием всегда оставалось их подчинение общей цели и контролю всего объединённого народа. Среди писем Мюнцера сохранилось одно, адресованное графу Гюнтеру, но обращённое к группе названных в письме дворян — членов «христианского союза». Из письма видно, что Мюнцер дал им гарантию «христианской свободы» и письменно заверил в том, что им не будет нанесён ущерб и что они не будут «чрезмерно отягощены». Обязанностью дворян, членов «христианского союза», было «не препятствовать справедливости божией и не преследовать проповедников». Мюнцер предупреждал их, что если они допустят нарушение этих, очевидно, минимальных обязательств членов «христианского союза», то они должны будут возместить нанесённый общине ущерб и в дальнейшем смиренно соблюдать «христианское единство»². В данном конкретном случае в мае 1525 г.³ в связи с военными поражениями, понесёнными крестьянской армией Мюнцера, дворяне не лишались сразу всех своих богатств. Тем более характерно, что и в данной обстановке основным условием принятия этих представителей знати в «христианский союз» было их обязательство не препятствовать не только пропаганде слова божия, но и осуществлению его справедливости на деле. Это значит, что они должны были признать реформацию не в духе лютеровского «слова» и его абстрактной «христианской свободы», а в духе социального переворота, направленного к устранению узурпации общих благ в пользу немногих.

В приписке к письму Христофору Мейнгардту Мюнцер, объясняя, почему господа так боятся его пропаганды, указывает, в чём заключается, по его мнению, принятие евангелия на деле: «Пот трудящихся людей им очень и очень сладок, но становится для них горькой желчью. Здесь не

¹ «Briefwechsel» № 70, S. 101—102. «Dan der gemeyn man (got sey, es gelobtt) die warheit an allen ortern annympt».

² «Briefwechsel» № 79, S. 114.

³ Это письмо Мюнцера датировано 4 мая 1525 года.

помогут никакие выдумки и никакие фокусы. Истина должна выступать наружу. Им не поможет воображаемое принятие евангелия. Люди голодны, они должны и хотят есть»¹. Хотя пророк и евангелист, на которых ссылается здесь Мюнцер, говорят о духовной, а не о реальной пище и о духовном голоде, в данном письме речь идёт именно о том, что только «воображаемые» евангелисты трактуют священное писание в духовном только смысле, что настоящая евангелическая этика есть переустройство социальных отношений так, чтобы трудящегося человека не эксплуатировали и чтобы он не голодал. Все мыслящие иначе являются безбожниками и не могут быть терпимы.

Условие, на котором представители знати принимались в «христианский союз», — не препятствовать пропаганде и проведению евангелия — в устах Мюнцера означало непротивление социальному перевороту. Даже в том случае, когда вступающим в «союз» дворянам оставлялись имения, как это было в Тюрингии, их существование в качестве дворян допускалось лишь временно, пока это было выгодно народу. Основания для такой тактики были высказаны Мюнцером ещё в княжеской проповеди: «Безбожный человек не имеет права жить там, где он препятствует праведным»². В конце той же проповеди он возвращается к этому вопросу и говорит, что безбожники имеют право жить лишь постольку, «поскольку избранным желательно им разрешать» (*allein was ihnen die auserwählten wollen gönen*), как сказано в книге Исход, гл. 23.

В 23-й главе книги Исход, стихи 29—30, говорится, что безбожные ханааняне будут изгоняться из обетованной земли не сразу, а постепенно, по мере размножения сынов Израиля, так как иначе опустошённая земля заполнится дикими зверями. Народная организация «христианского союза» указывает практический путь переворота. Вступление в союз означает признание его евангелических принципов. Вступающий не только не должен препятствовать делу народа, но и обязан приносить пользу. «Пусть любой учёный, — говорил Мюнцер саксонским князьям, — твердит вам, что ему угодно, Христос же говорит: дерево, не приносящее хороших плодов, должно быть вырвано и брошено в огонь»³.

Вступление в евангелическую организацию обязательно для всех, кто не хочет стать врагом народа. Кто бы ни был вступающий в организацию, внутри неё он имеет своё место и находится под необходимым контролем. Поэтому упомянутой выше группе тюрингенских дворян, формально вступивших в мюнцеровскую организацию, понадобилась письменная гарантия Мюнцера о том, что они не будут «чрезмерно отягощены» и что им не будет нанесён ущерб. Организация «христианского евангелического союза» и принудительное вступление в него оказались для Мюнцера практическим средством концентрации всех сил народа против его врагов. Всякий, признающий высшую цель бога, должен присоединиться к народу и стать под его контроль. Иначе он остаётся в лагере его врагов, не имеющих права жить.

Центрами вражеского лагеря Мюнцер считал дворянские замки и монастыри, решительного уничтожения которых он энергично требовал. В переписке Мюнцера, относящейся к материалам Крестьянской войны в Тюрингии, имеются прямые доказательства того, что во многих местах Тюрингии разрушения замков и монастырей и разделы их имуществ производились по указанию Мюнцера⁴. Эта переписка, как и другие материа-

¹ Пророк Амос. Гл. 8-я, стих 11-й; евангелист Матфей. Гл. 5-я, стих 6-й; «Briefwechsel» № 71, S. 103—104. Zeddel.

² «Die Fürstenpredigt». «Denn ein gottloser mensch hat kein recht zu leben wo er die Frummen verhindert».

³ «Евангелие от Матфея». Гл. 7-я, стих 19-й; от Иоанна. Гл. 15-я, стихи 2, 6-й.

⁴ «Briefwechsel» № 76в, 80, 85.

лы Крестьянской войны в Тюрингии, требует специального рассмотрения. Здесь же необходимо отметить, что в основе тактики Мюнцера по отношению к замкам и монастырям лежала определённая политическая программа.

В обращении к совету города Зоммергаузен 8 мая 1525 г. Мюнцер призывал напасть на дворянские гнёзда и преследовать дворянских преступников, так как необходимо позаботиться о том, чтобы Германия не сделалась разбойничьим очагом¹. К вопросу о дворянских замках Мюнцер подходит как к общей политической задаче, вытекающей из конкретных условий современной ему Германии: Германия должна перестать быть княжеской и дворянской, потому что, покрытая дворянскими гнёздами, она представляет собой «разбойничий очаг».

Энгельс утверждал, что политическая программа Мюнцера была «очень близка к коммунизму» и, следовательно, далеко выходила «за пределы непосредственно существовавших тогда общественных и политических отношений»². Энгельс имел здесь в виду основную политическую идею Мюнцера, связанную с его учением о строе царства божия. Однако отвлечённое и далёкое представление Мюнцера о будущем строе благодаря своему яркому социальному содержанию и связи с объективной тенденцией развития определённой общественной группы сочеталось у него с борьбой за конкретные, повседневные нужды этой группы. В соответствии с этим его далёкая, отвлечённо теоретическая политическая программа включала в себя и более близкие и конкретные политические вопросы, имевшие реальное значение в современной ему обстановке. Это прежде всего ликвидация дворянских гнёзд и вместе с ними разбойничьего характера германской государственности.

Фантастический характер носила не отрицательная сторона политической программы Мюнцера, а её положительная сторона. Энгельс характеризует положительную программу Мюнцера тем, что в ней старый лозунг времён «Башмака» о единой германской империи превращён в лозунг о единой и неделимой республике, понимая под республикой, по существу, уже не государство, а общество, свободное от всякой стоящей над ним классовой организации. Энгельс говорит о превращении в программе Мюнцера другого лозунга «Башмака» — раздела церковных имений — «в и х к о н ф и с к а ц и ю на предмет установления о б щ н о с т и и м у щ е с т в»³.

Бесклассовый и фантастический для того времени характер мюнцеровской республики выступает у самого Мюнцера в его «Защитной речи», где она определяется тем, что «народ делается свободным, и один только бог будет его господином». Но поскольку переход от существующей германской государственности к бесклассовому обществу представляется Мюнцеру не как механическое и чудесное превращение, а как результат борьбы людей, в котором борьба против угнетателей в повседневной жизни занимает, как мы уже видели, важное место, то у него неизбежно выступают и черты переходного этапа, который можно охарактеризовать как период освобождения народа.

В том же произведении, критикуя систему борьбы с преступниками, Мюнцер утверждает, что сами князья поощряют тяжёлые преступления, заключающиеся в обирании и эксплуатации бедного человека, что в свою очередь является причиной недовольства и восстаний. Надо устранить, говорит он, причину недовольства и восстаний.

Следовательно, до наступления царства божия и полного отсутствия зла Мюнцер предусматривал время, когда будут устраняться причины зла. В княжеской проповеди он излагает, в чём должна заключаться за-

¹ «Briefwechsel» № 83. S. 117—118. «Wir müssen das nest der adeler, wie Abdias sagt, angryffen... verschonet yhrer nicht, es ist von noten, das Deutschland nit also lesterlich zur mordgrube werde».

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 138.

³ Там же, стр. 148.

дача устранения причин зла. Это задача политической власти, применяющей для этой цели насилие и меч, так как совершающие зло безбожники имеют право жить лишь постольку, поскольку избранные считают это возможным. Если политическая власть осуществляется князьями, то князья должны знать, для какой цели им дан меч, что меч будет у них отнят, если они его будут применять не для защиты слабых. Обманывают вас, говорил он князьям, те, которые утверждают, что задача княжеской власти состоит только в поддержании гражданского единства («nichts anders, denn bürgerliche einigkeit erhalten»).

Позже Мюнцер разъяснял, что главное в его речи перед князьями заключалось в том, что вся община имеет власть меча, что князья — не господа, а слуги меча.

Затем следует ссылка на Даниила (гл. 7-я, ст. 27-й), на то место, которое он, как нам уже известно, толкует как предписание передачи власти народу. Там же Мюнцер резко протестует против Лютера, характеризующего его только как мятежника, умалчивая о его положительной политической программе: «Вот приходит отец Тихопоступь (Vater Leisetritt), о, этот хитрый парень (ach der kirre Geselle) и утверждает, что я хочу поднять мятеж, как он заключает из моего письма горнорабочим. Он говорит только об одном, а самое определённое (das aller bescheidenste) умалчивает... Я ясно говорил перед князьями, что вся власть принадлежит общине, которая может её вручать и отнимать (wie auch der Schlüssel der Auflösung)».

Таким образом, политическая программа Мюнцера интересна тем, что первоочередной задачей он считал уничтожение современной ему германской государственности и переход власти к народу для устранения причин зла. Самой формы народной власти Мюнцер не определяет. Вообще политические вопросы не являются для Мюнцера самостоятельными. Самый переворот представлялся ему прежде всего как социальный переворот, в ходе которого власть перейдёт в руки демократической общины. Если бы князья осознали, что источником их власти является народ, доверивший им меч для проведения определённой политики, то они могли бы продолжать свои функции в качестве народных слуг. Поэтому Мюнцер и не признаёт себя мятежником. Он ведь не призывает к свержению власти и авторитета. Наоборот, он стремится укрепить авторитет власти, указывая её настоящий источник и основы. «Только изолгавшийся мир, — писал он в одном письме, — обвиняет меня в стремлении к мятежу»¹.

В «Защитной речи» Мюнцер предупреждал своих друзей против упрощённого понимания его революционного учения — как учения о мятеже: «Кто хочет иметь чистое решение, тот не должен любить мятежа. Но он не должен питать ненависти к справедливому возмущению. Он должен полностью держаться разумной середины. Иначе ему придётся или слишком презирать моё учение или же чересчур любить в своём собственном понимании, чего я уж совсем не желаю»². В этом подчёркивании Мюнцером требования разумного применения его революционного учения нашло выражение его стремление подчинить вопрос о политических мерах задачам социального переворота.

В итоге рассмотрения программно-тактических взглядов Мюнцера можно сделать следующие выводы:

1. Основное в тактике Мюнцера заключается в том, что осуществление высшей цели — установление царства божия на земле — мыслилось им как результат борьбы за своё освобождение и свои материальные нуж-

¹ «Briefwechsel» № 71. Zeddel, S. 104.

² «Hochverursachte Schutzrede». «Wer hie ein rein Urteil haben will, der darf den Aufruhr nit lieben, auch darf er füglichher Empörung, nit feind sein, er muss ein ganz vernunftiger Mittel halten, sonst muss er meine Lehre anders zu viel hassen oder zu sehr lieben nach seiner Art, was ich nimmer mehr begehren will».

ды того общественного слоя, который по своему положению заинтересован в торжестве высшего этического принципа, т. е. в подчинении всех частных интересов общему началу. Конкретные требования народной массы о восстановлении узурпированных прав общины и облегчении условий трудового владения путём устранения феодальных методов присвоения Мюнцер рассматривал как нормы, отвечающие этическим принципам и ведущие к торжеству высшей цели.

2. Придавая конкретным требованиям народных масс общее принципиальное значение, Мюнцер указывал общие цели борьбы всего трудового народа городов и деревень, т. е. на единство крестьянско-плебейского лагеря.

3. Сознание того, что борьба за насущные материальные нужды ведётся одновременно ради великого переворота, предусмотренного в священном писании, и стремление централизовать движение всей страны придавали программе Мюнцера политическое значение. Органической частью программы сделалось требование уничтожения существующей системы германской государственности и перехода власти к демократическим общинам (не предрешая вопроса о форме этой власти). Однако на первый план в программе Мюнцера выступают моменты социального порядка. Пункт об уничтожении замков и монастырей выражает одновременно как социальный, так и политический характер программы.

4. Евангелическое обоснование социальных и политических требований крестьянско-плебейского лагеря дано Мюнцером в таком понимании, что священное писание охватывает весь комплекс текущих нужд народа и ближайших и наиболее отдалённых целей его борьбы. Вместе с тем общественная организация, основанная на священном писании, рассматривается как единственно возможная форма централизации движения всего народа и подчинения ему политического контроля.

Из всех этих положений следует, «что «христианский порядок», в утверждении которого Мюнцер видел ближайшую цель реформации, представлялся ему как новая законность, как общеобязательный порядок всех реальных отношений в мире, как начало установления в данном мире «царства божия». Значение этого положения, образующего основу народного понимания реформации, будет более понятным, если сопоставить его с основным положением Лютера о светской власти. Лютер утверждал, что существуют два порядка—духовный и светский,—причём светский порядок определяется тем фактом, что большинство людей составляют нехристиане, и поэтому необходим общий внешний порядок, который достигается при помощи государственного принуждения. Этот общий внешний порядок не может быть, по мнению Лютера, христианским, но он образует основу для человеческого общежития вообще. Нормы этого порядка образуют «естественное» право, без которого «один пожирал бы другого, никто не мог бы обзавестись женой и детьми и не мог бы спокойно обеспечить условия своей жизни». Только на основе этого внешнего порядка и «естественного права» может, по мнению Лютера, существовать и христианский порядок для незначительного числа людей, руководящихся идеей христианской любви¹.

Выступление против общего (т. е. установленного для христиан и нехристиан) естественного права Лютер рассматривал как подрыв всякой основы жизни и возможности самого существования христианства. В этом положении Лютера нашла выражение ограниченность немецкого бюргерства XVI в., цеплявшегося за существующий порядок как за единственную почву возможных реформ. Мюнцер же отвергал идею о двух порядках, об отдельном «естественном» праве, отличном от христианского, и утверждал, что весь реальный мир должен служить ареной и воплощением евангелической этики, что не может быть эсобою светского порядка,

¹ Luther M. «Von weltlicher Obrigkeit, wie weit man ihr gehorsam schuldig sei». Werke. Bd XI, S. 251—252, 262 u. a.

подчинённого иному началу, который служил бы основанием для чисто духовного евангелизма.

Это положение мюнцеровского учения, отражающее его особую концепцию реформации, Лютер и охарактеризовал как «альшtedтский дух». По его мнению, тактика восставших в 1524—1525 гг. крестьян основана была на этом учении Мюнцера. Поэтому Лютер считал Крестьянскую войну порождением «альшtedтского духа». В памфлете «Против грабительских и разбойничьих орд крестьян» он прямо говорит об «архидьяволе, царящем в Мюльгаузене». В первом же памфлете по поводу Крестьянской войны о «Двенадцати статьях» Лютер тоже имеет в виду Мюнцера, хотя он его не называет¹. Своё возражение против «Двенадцати статей» Лютер строит главным образом на том, что они исходят из такого понимания реформации, согласно которому священное писание применимо к земным отношениям («unter denen die göttliche Schrifft itzt auf erden handlen»). Лютер утверждает и здесь, что прежде всего существует в мире общее естественное право для всех людей — не только для христиан, но и для турок, иудеев и язычников. Это существующий светский порядок и существующее светское законодательство, которое христианин также обязан соблюдать. Согласно естественному праву, необходимо подчиняться властям, а не вводить самим всякие новшества. Власть принадлежит господам, так же как и любое их имущество. Отказаться повиноваться властям — значит отнять у господ то, что им принадлежит². Крепостное состояние крестьян законно, так как отказ от *Leibeigenschaft* есть узурпация собственности господ. Лютер остаётся на почве феодального представления о власти и на почве феодальной законности вообще и указывает, что крестьяне, нарушившие эту законность вопреки «естественному праву», поступили хуже язычников, турок и иудеев³. Христианское право, поскольку оно относится к светскому порядку, заключается в предписании подчиняться властям, независимо от того, справедливы они или нет. Живущих по христианскому праву не может быть много. Христианин — редкая птица. По существу же, евангелическое право относится только к духовным, а не к материальным делам и отношениям⁴. Упрекая крестьян в нарушении светской естественной законности, Лютер видит главную опасность в широком характере движения, связанном с его евангелической основой и евангелической организацией. Он предупреждает, что дело идёт об угрозе разрушения всей германской страны⁵.

Таким образом, Лютер вскрывает в Крестьянской войне, в тактике, в требованиях и в аргументах восставших крестьян известные уже нам мюнцеровские принципы: искание в священном писании основ нового, антифеодального права и попытку создания объединения для социально-политического переворота в масштабе всей Германии. Лютер, выступая против Крестьянской войны, тем самым выступает на борьбу против народного понимания реформации, сформулированного Мюнцером. Он призывает к мирному решению всех спорных вопросов, проявляя гибкость и уступчивость, лишь бы оставаться на почве существующей законности и существующего представления о светской власти. Отказ крестьян признать незыблемость существующего права и проявленная ими неуступчивость в этих основных вопросах, приведшая их к отклонению мирного раз-

¹ «Luthers Werke». Bd. 18, S. 305—307. В этом памфлете Лютер призывает крестьян не верить тем духам возмущения и убийства, которые пущены в мир сатаной и которые, ссылаясь на евангелие, называют его, Лютера, подхалимом (*Heuchler*). Известно, что именно Мюнцер назвал Лютера княжеским подхалимом.

² *Ibidem*. «Die Oberkeit nympt euch unbillich ewr gut das ist eyn stuck. Wiedrum nemet ihr der selben yhre gewallt, deryne alle ihr gut, leyb und leben stehet, drumb seyt ihr viel grösser reuber denn sie».

³ «Luthers Werke». Bd. 18. S. 308—310.

⁴ *Ibidem*. S. 323.

⁵ *Ibidem*. S. 292. «Eine ewige verstörunge. ganzen deutschen landes folgen würde».

решения споров и к вооружённым столкновениям, убедили Лютера окончательно в том, что речь идёт об «альшtedтском духе», и побудили его выступить со своим последним памфлетом о беспощадном истреблении восставших.

То же мы видим и в «Опровержении крестьянских статей», написанном Меланхтоном и опубликованном им после Крестьянской войны. Порок «Двенадцати статей» Меланхтон видит главным образом в двух моментах. Прежде всего большинство крестьянских требований несправедливо, так как направлено против существующих законов, а именно к тому, чтобы лишить господ следуемых им платежей и принадлежащих им прав и сервитутов. Но если бы даже требования крестьян были справедливы по существу, они должны были бы разрешаться правовым путём, так как евангелие не требует изменений установленного мирского порядка (*das Evangelium foddert nicht, das solch landsordnunggeendert werden*), а, наоборот, требует покорного послушания светской власти. По существу же мирского порядка Меланхтон говорит следующее. В мире живут не только христиане. Для того чтобы существовал порядок, а не анархия, и постоянная борьба за материальные блага, установлена светская власть, задачей которой является наказывать зло и осуществлять добро в материальном понимании этих слов, т. е. зло и добро с точки зрения не христианской морали, а только возможности гражданского порядка. Евангелие считает этот порядок необходимым как основу жизни общества, предписывает подчиняться ему; но оно имеет свою особую область, область внутреннего чувства и морали, и вовсе не стремится установить в мире свою гражданскую систему. Христианский принцип универсален, он не знает местных ограничений. Он применим в Саксонии так же, как и на Рейне, между тем как в делах гражданских христиан должен подчиняться местным порядкам и местным властям¹.

Таким образом, Меланхтона, как и Лютера, в «Двенадцати статьях» интересовали не крестьянские требования сами по себе, а лежавшие в основе всей Крестьянской войны принципы и взгляды, и прежде всего взгляды на взаимоотношения между христианской моралью и гражданским порядком и светской государственностью вообще. Другими словами, Лютер и Меланхтон видели в Крестьянской войне, поскольку она представлялась им как посягательство на гражданский и государственный порядок, совершаемое на основании евангелия, реализацию революционных принципов, социальных и политических, которые составляли сущность мюнцерского понимания реформации и которые они называли «альшtedтским духом».

Убедившись в таком характере Крестьянской войны, Лютер стал утверждать, что речь идёт об угрозе «всей Германии». Он имел все основания для тревоги: как известно, в конце концов он поставил свою реформацию на службу немецкому княжескому феодализму. Мюнцер же громко возвестил, что преобразование социального строя Германии следует начать с решительного устранения государственности, которая превращала Германию в разбойничий лагерь. Опыт Великой крестьянской войны показал, во-первых, что Мюнцер выразил в теоретически законченной форме народное понимание реформации, и, во-вторых, что его политическая программа в своей ближайшей практической части могла быть применена и использована не только крестьянско-плебейским лагерем. Народная реформация на заре эпохи буржуазной революции указала настоящий демократический путь её проведения. Немецкое бюргерство отвергнуло его, предав, таким образом, не только интересы крестьянско-плебейского лагеря, но и свои собственные.

¹ «Corpus Reformatorum». Т. XX. p. 645—646, 648—649, 652, 656—658.

ЭЛЛИНИЗМ И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Проф. А. Ранович

История эллинизма до середины XIX в. мало привлекала внимание историков. После великих достижений культуры афинской рабовладельческой демократии V в., создавшей изумительные, до сих пор пленяющие нас произведения искусства, выдвинувшей гениальных философов, выдающихся государственных деятелей, непревзойдённых мастеров художественного слова, вся последующая история Греции представлялась бледной, малосодержательной. От обаятельной классической Греции историки предпочитали переходить к республиканскому Риму, в преданиях которого находили поучительные образцы гражданской доблести и военного искусства, и едва достаивали нескольких беглых страниц историю эллинизма. Только Александр Македонский, великий завоеватель, поразивший воображение не только современников, но и последующих поколений, занимал в истории античности подобающее место. По остроумному выражению Э. Роде, в эллинизме видели какой-то «недозволенный эпизод в истории», нарушивший её стройное течение.

К тому же недостаточность источников и трудность их истолкования и согласования, чрезвычайная сложность политической истории эллинизма отпугивали исследователей, считавших слишком неблагоприятной задачу распутывания клубка источников ради выяснения неинтересного периода истории, периода упадка и иссякания творческих сил греческого народа. У Нибура даже вырвалось однажды пожелание, «чтобы земля разверзлась и поглотила всех македонцев».

Между тем эллинизм — целая эпоха в истории древности, обнимающая три столетия — от 336 г. (год воцарения Александра) до 31 г. до н. э. (год завоевания Римом последнего крупного эллинистического государства — Египта). Эллинизм охватывает почти весь цивилизованный мир того времени — от Сицилии до Индии, от Нубии до Боспора и Скифии; его влияние проникло до Италии и Испании на западе, до Китая на востоке. Можно сказать, что история эллинизма — это всемирная история того времени. В этот период зародились научные, философские, этические, религиозные идеи, которые веками владели миром. Произошли значительные сдвиги в экономике, в политических формах, в общественном сознании, в культуре. Независимо от той или иной исторической оценки происшедших изменений историк, стремящийся осмыслить исторический процесс, не должен их игнорировать. Интерес к эллинизму в конце концов должен был возникнуть.

И действительно, начиная с Дройзена, который впервые сто лет назад «открыл» эллинизм как эпоху, имеющую всемирноисторическое значение, и ввёл в науку термины «эллинизм», «эллинистический», историки древности всё серьёзнее и глубже изучают эту интересную эпоху. Этому способствует рост числа источников благодаря археологическим открытиям:

По отдельным эллинистическим странам и по отдельным проблемам истории эллинизма за последние десятилетия написаны обширные серьёзные исследования. Однако об эллинизме в целом серьёзных трудов не появлялось. Единственным, пожалуй, исключением до недавнего времени была небольшая по объёму, но очень богатая по содержанию книга Тарна

«The Hellenistic Civilization» (1927). В 1941 г. вышел монументальный труд М. Ростовцева «The Social and Economic History of the Hellenistic World», знаменующий, несомненно, важный этап в разработке социально-экономической истории эллинизма. Но и в этой книге, в соответствии с её специальной задачей, политическая история обрисована лишь общими штрихами, а эллинистическая культура вовсе не затрагивается. Таким образом, и капитальный труд М. Ростовцева не разрешает назревшей задачи — дать всестороннюю картину эллинизма на всех этапах его истории.

В небольшой книжке об эллинистической религии, вышедшей в 1937 г., В. Шубарт пишет: «Понятие «эллинизм» в отличие от «эллинизма», благодаря научной работе, а также открытиям за прошедшие сто лет, стало настолько отчётливым, что при рассмотрении его, по существу, требуется всего лишь несколько слов, чтобы уверенно наметить основные линии»¹. В действительности же до сих пор буржуазные историки не только не пришли к общему мнению в определении сущности эллинизма, но и не нашли пути, по которому можно придти к правильному пониманию этой сущности.

«Что такое эллинизм? — спрашивает Тарн. — Для одних это новая культура, сложившаяся из греческих и восточных элементов; для других — проникновение, распространение греческой культуры на Восток; для иных он продолжение чистой линии древнегреческой цивилизации; для других — та же цивилизация, видоизменённая в новых условиях». Во всех этих определениях, по мнению Тарна, содержится истина, но не вся истина. Все эти определения трактуют эллинизм лишь как явление культуры, что при современном состоянии нашего знания этой эпохи явно недостаточно, не говоря уже о том, что эта культура сама требует объяснения в материальных условиях жизни. Тарн и сам ограничивается формальным определением: «Эллинизм — условное обозначение цивилизации трёх столетий, в течение которых греческая культура воссияла вдали от родины». Правда, вслед за этим Тарн, устанавливая две стадии эллинизма, даёт им более содержательную характеристику: первая стадия — творческая, создающая новое в философии, науке, литературе, в политике и государственных формах, с независимым греко-македонским миром, несущим свою цивилизацию на Восток; вторая стадия характеризуется иссяканием творчества, духовным и материальным воздействием Востока на Запад, причём греко-македонцы оказываются зажатыми между Востоком и Римом. Но составить окончательное суждение о сущности эллинизма Тарн предоставляет читателю.

А между тем в ходе изложения Тарн делает немало интересных наблюдений и высказывает ряд глубоких мыслей. В частности надо отметить то значение, какое Тарн придаёт рабству. «Чтобы видеть эллинистическое общество, каким оно было в действительности, не следует ни на миг упускать из виду его рабовладельческую подоплёку» (the slave background, p. 6). Но из этого тезиса Тарн не делает надлежащих выводов и не развивает его.

Другие историки ищут корни эллинизма и причины его упадка в особых свойствах греческого интеллекта, в господстве тех или иных идей. В этом отношении типична небольшая работа Э. Мейера «Die Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien» (В. 1925). Упадок эллинизма с конца III в. Мейер объясняет «внутренним распадом греческого духа, разлагающим действием восточных монархий и восточных религий, ослаблением культуры в результате её вульгаризации, упадком творческого духа» (стр. 60). Психологическое, даже мистическое начало в качестве объяснения исторической эпохи свидетельствует о «внутреннем распаде» и

¹ Schubart W. «Die religiöse Haltung des frühen Hellenismus». S. 3—4.

«упадке творческого духа» у самого Э. Мейера и никак не может удовлетворить даже буржуазного учёного, стремящегося выйти за границы чистого описания, притом субъективного.

Публикация эпиграфических и папирологических источников, дающих обильный, хотя и не всегда достаточный материал о социально-экономических отношениях в период эллинизма, вызвала появление ряда специальных работ, посвящённых экономическим проблемам эллинизма в отдельных странах в отдельные периоды. Таковы ценные работы В. Васильевского «Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период её упадка» (1869), М. Хвостова «История восточной торговли греко-римского Египта» (1907), «Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте» (1914), М. Ростовцева «Studien zur Geschichte des römischen Kolonats» (1910), «A large Estate in Egypt» (1923), «Caravan Cities» (1934), Préaux M. «L'économie royale des Lagides» (1939), Day J. «An Economic History of Athens» (1942). В известной мере завершением этих работ является упомянутый трёхтомный труд М. Ростовцева о социально-экономической истории эллинистического мира, вышедший в 1941 году. Ростовцев расходится с большинством буржуазных историков в оценке эллинизма как явления лишь культурно-исторического. Напротив, именно в области культуры эллинизм не принёс, по мнению Ростовцева, ничего принципиально нового. Эллинистическая культура — раздел в истории греческой культуры.

В своём последнем труде М. Ростовцев по-новому определяет содержание эллинизма. Эллинистический мир он рассматривает как политическое и экономическое единство, как прогрессивный этап в истории античности. Однако при всей добросовестности исследования, при всём мастерстве в использовании разнообразных источников М. Ростовцев не сумел обнаружить и показать историческую закономерность развития эллинистического мира. И не потому, что он не чувствует потребности в этом. В своей книге он пытается выделить основные, ведущие «факторы», осмыслить исторический процесс, показать экономическую базу эллинизма. Но эта задача ему не под силу вследствие буржуазной ограниченности его теоретических установок. Как и все буржуазные историки, М. Ростовцев не приемлет учения о социально-экономических формациях: отсюда его неумение ввести отдельные исторические явления в систему, усмотреть за разнообразными и противоречивыми фактами связующее их единство и, наоборот, обнаружить специфичность и разнородность сходных по видимости явлений.

Непонимание существа социально-экономических формаций неизбежно ведёт к модернизации древней истории, к смешению принципиально различных экономических категорий, к перенесению в античность отношений феодального и особенно буржуазного общества. Тарн перечисляет ряд черт эллинизма, сближающих его с буржуазной современностью: существование различных государств с единой культурой; колебание цен и заработной платы; забастовки и революции; рост идей гуманности и братства и одновременно жестокая борьба; эмансипация женщин и падение рождаемости; вопросы свободы и представительства; эмиграция и пролетариат; точные науки и, рядом, суеверие; обширная литература по всем отраслям знания, но нет уже великих людей прошлого; распространение образования и в результате масса полуобразованных людей. Правда, Тарн отмечает, что сходство — не тождество, что египетские и современные забастовки, нынешний и стоический коммунизм — разные вещи. Но это тривиальное замечание не устраняет основного ошибочного представления об отсутствии принципиальной грани между античностью и современностью. Всё же Тарн, как мы видели, считает необходимым при изучении эллинизма никогда не упускать из виду существования рабства. М. Ростовцев не делает различия между свободным и рабским трудом. Для характеристики социальных отношений в период эллинизма он применяет

термины «буржуазия», «пролетариат», «феодалы», «крепостные», не задумываясь над спецификой сходных лишь по видимости явлений, над решающими особенностями общественных отношений в античности.

Отрицание социально-экономических формаций — основной порок буржуазной историографии. Зоркость, наблюдательность, тщательность исследования при эмпирическом рассмотрении деталей сменяются полной беспомощностью, когда дело доходит до широких исторических обобщений. Здесь детали заслоняют целое, которое оказывается бесцветным, лишённым исторического своеобразия. История превращается в сумму отдельных событий, не связанных какими-либо историческими закономерностями. Именно поэтому, собрав, систематизировав и исследовав огромный материал источников, М. Ростовцев всё же не мог в объяснении роста и упадка эллинистических государств и эллинистической экономики пойти дальше психологических мотивов; точно так же он, по собственному его признанию, оказался бессилён объяснить падение Римской империи.

Чисто эмпирический подход к истории лишает историка критерия для оценки интересующих его явлений. Можно ли говорить об упадке в последние два столетия эллинизма? Это зависит от точки зрения, отвечает Тарн: при противоречивости реальной действительности трудно сказать, что типично для эллинизма II в. — рынок рабов на Делосе или манумиссии в Дельфах, бесплодие перипатетиков или творчество стоиков. И Тарн предоставляет окончательное суждение опять-таки читателю. А Ростовцев в специальной статье, посвящённой упадку античного мира¹, высказывает сомнение: имело ли место падение Римской империи? Всё зависит от точки зрения, утверждает он: произошло распадение империи, но оно компенсируется консолидацией церкви; выродилась античная культура, но создавалась культура христианская и т. д. Апелляция к «различным точкам зрения», в сущности, означает отсутствие собственной точки зрения, вернее — нежелание, диктуемое классовыми мотивами, видеть закономерности исторического процесса. Утверждение веры в неизменность судеб человечества на всём протяжении истории имеет целью укрепить иллюзии классового мира на незыблемой основе «вечных истин» буржуазной морали.

Изучить эллинизм как историческую эпоху и понять его во всём его своеобразии нельзя без учёта того основного факта, что эллинизм — этап в истории античного рабовладельческого общества, что он, следовательно, был исторически необходимым результатом всего предшествующего развития античной Греции с её специфическими закономерностями рабовладельческого строя жизни. Изучать его следует в связи с историей рабовладельческого общества в целом.

В первую очередь, естественно, необходимо подвергнуть анализу те изменения во всех областях экономики, политики и идеологии, которые характерны для этого периода, и найти материальное объяснение происшедших изменений. И вот здесь сказывается бесплодность усилий буржуазных историков, не знающих или не признающих основных закономерностей исторического развития общества. Так, Бевен в своём солидном труде² пытается найти корни эллинизма в предшествующей истории Греции: греческая цивилизация «была создана городом-государством в силу некоторых качеств, которыми обладали объединения этого типа, но которыми не обладали восточные деспотии, — сравнительная ограниченность территории, внутренняя свобода и привычка к свободному обмену мыслей. Но к IV в. до н. э. стало очевидным, что эти именно качества влекут за собой тяжёлые пороки. Ожесточённые партийные раздоры в этих свободных городах часто становились необычайно длительными и приводили к страшным жестокостям. Почти всюду энергия народа растрачивалась в

¹ Rostovtzev M. «The Decay of the Ancient World». Economic History Review». Vol. II, p. 2. 1930.

² Bevan «The House of the Seleucids». Vol. I, p. 11. London. 1902.

непрерывных распрях. Самая способность к критике стала производить разрушительное действие на учреждения, породившие её. Несовершенства маленького государства становились всё более явными, а между тем его малые размеры казались необходимыми для свободы. Греки теперь стали также страдать от своей отсталости в области религии». Оказывается, что кризис классической Греции, коренным образом изменивший лицо общества, был вызван привычкой к публичным прениям, свободой мнений и несовершенством религии! Такое наивное «объяснение» целой исторической эпохи вызвано не только идеалистическим мировоззрением автора, но и отсутствием серьёзного критерия для оценки исторических явлений, вследствие чего автор не отличает существенного от случайного, причины от следствия.

Причины возникновения и упадка эллинизма надо искать в основных противоречиях рабовладельческого строя древней Греции.

Греческие города-государства развивались неравномерно. Наряду с крупными городами, как Афины, Коринф, Мегара, с развитым ремеслом и торговлей, существовали отсталые районы, ещё не ликвидировавшие пережитков родового строя, с примитивными формами хозяйства, со слабыми зачатками городской жизни. Наивысшего расцвета античная рабовладельческая формация достигла в Афинах, где поэтому отчётливее выступают основные исторические закономерности и основные противоречия рабовладельческого общества. В хозяйственном отношении мы здесь наблюдаем максимальную в античности степень преодоления натурального хозяйства; была достигнута и наивысшая для античности политическая форма рабовладельческой демократии. Эксплуатация рабского труда здесь представлена в наиболее чистом виде.

В V в. Афины достигли вершины своей экономической и политической мощи, дали миру величайшие образцы в области культуры. Но с этой вершины начинается неуклонное падение, наступает кризис.

Это — не случайное явление. Только коммунистическое общество, где уничтожены общественные антагонизмы, имеет беспредельные перспективы развития. Противоречия классового общества делают развитие возможным только в ограниченных пределах. Внутри известных границ возможны рост производительных сил, расцвет культуры. Но наступает момент, когда эти границы становятся препятствием для развития производительных сил, и тогда либо их ломает социальная революция, либо общество должно развалиться.

В рабовладельческом обществе пределы развития были ограничены существованием рабства. Рабский труд служил препятствием для роста производительности труда, для развития общественного разделения труда. При неограниченных возможностях добывания рабов и подневольном характере их труда расширение производства достигалось главным образом увеличением числа занятых в производстве рабов. Технический прогресс был поэтому ничтожен. Главное же — презрение к труду, как к рабскому занятию, препятствовало росту производительных сил. По словам Дионисия Галикарнасского, Ромул «предоставил рабам и чужестранцам ручной труд и — источник дурных страстей — ремёсла, так как они губят и оскверняют тело и душу тех, кто ими занимается»¹.

При таком отношении к труду, как к рабскому занятию, ремесло сохранило рутинную технику. Великие греческие мыслители и учёные не ставили себе задачи совершенствовать орудия труда, изобретать новые, овладевать новыми видами энергии. Рабский труд делал это не только лишним, но и не заслуживающим внимания учёного. По словам Плутарха, Архимед, «считая неблагородным и презренным делом занятие механикой и вообще всякой практической наукой, обратил всё своё внимание на те отрасли знания, в которых прекрасное не сочетается с удовлетворением

¹ Dion. Hal. Vol. II, p. 28; ср. IX, 25.

практических потребностей»¹. Только военное дело и искусство считались областями, где учёному не зазорно было применять свои знания. Поэтому производство, хотя оно и достигло в отдельных отраслях (производство керамики, тканей, вина) высокого мастерства, в общем сохраняло рутинные приёмы. «Современная промышленность,— пишет Маркс,— никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса, как окончательную. Поэтому её технический базис революционный, между тем как у всех прежних способов производства базис был по существу консервативен»².

Промышленность античного мира не выходила за пределы ремесла. В речах ораторов IV в.— Демосфена, Эсхина, Исея, Лисия, Ликурга — сохранились данные о размерах производства в крупных мастерских и о размерах средств, вкладываемых в такие предприятия. Не говоря о самом Демосфене-отце, владельце двух мастерских, который не был очень богатым человеком, даже крупные богачи, как Никий, Пасион, Леократ, Диогитон, Кирон, Стратокл и др., вкладывали в производственные предприятия лишь незначительную часть своих средств, предпочитая помещать деньги в другие операции или даже просто копить сокровища³.

Указанные особенности рабского способа производства неизбежно должны были привести в древней Греции к кризису. В основном производство в древности носило натуральный характер и бытие людей как товаропроизводителей играло подчинённую роль. Но в некоторых греческих городах-государствах, например в Афинах или Коринфе, товарность хозяйства была высока и торговля была жизненно необходимым условием экономического благополучия. В частности Аттика нуждалась в привозном хлебе, а для ввоза хлеба надо было вывозить товары, чтобы иметь деньги. Но при рабском способе производства расширение рынка возможно только экстенсивное, и уже в силу этого оно не может быть беспредельным. Кроме того несложное производство легко осваивается потребителями товаров, что приводит к вытеснению привозных товаров местными. Археологические исследования последнего времени выясняют всё более значительную роль местного производства в Северном Причерноморье, одном из важнейших рынков сбыта греческих товаров.

Относительное и абсолютное сужение рынков приводило к ожесточённой конкуренции между греческими городами по мере того, как они втягивались в торговый оборот; таким образом, падение торговли осложнялось острыми противоречиями и военными столкновениями между греческими городами-государствами. Экономическая автаркия полиса превратилась с течением времени в стеснительные оковы, в источник тревог, волнений, разорения, обнищания.

В процессе развития рабовладельческого общества изменились отношения собственности. Развитие рабства, денежных отношений, обмена разлагало традиционные отношения, которые мыслились, по крайней мере в идеале, как равенство членов рабовладельческого класса. Господство этого класса в целом, как класса собственников, и было воплощено в афинской демократии. Усиление имущественного неравенства подорвало основу рабовладельческих полисов.

В 431 г. в Аттике из 42—43 тыс. взрослых граждан в возрасте 18—59 лет было 25 тыс., обладавших цензом не ниже ценза гоплита (годовой доход — не менее 200 медимнов зерна). В 322 г., когда Антипатр установил в Афинах олигархическую конституцию с цензом для полноправных граждан в 2 тыс. драхм, таких граждан оказалось только 9 тыс., а 12 тыс. (по Плутарху, Фокион, 28) или даже 22 тыс. (по Диодору, XVIII, 18,5)

¹ Plut. «Marcellus» 17 (ср. также 14).

² К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 378. М. 1932.

³ Demosth. I; XLVIII. 12, 14; XXXVI, 5; Lys. XXII, 6, 15; XII, 8, 11, 18; Aesch. I, 97, 101; Lys. LVIII; Isaе. VIII, 35; XI, 40. Ps. Xenoph., Poroi, X, 4.

были лишены гражданских прав. Имущество в 2 тыс. драхм приносило в среднем 200 драхм дохода; в 431 г. на 200 драхм можно было приобрести 200 медимнов зерна; в 322 г. пшеница стоила 6 драхм, ячмень — 3 драхмы за медимн (154,8 литра); таким образом, подавляющее большинство населения Аттики в 322 г. не только не имело ценза гоплита, но находилось на грани нищеты¹. В Спарте число спартиатов, владевших землёй, непрерывно уменьшалось: в 480 г. было 8 тыс. спартанцев-гоплитов, в 371 г. — 2 тыс. Аристотель говорит уже о тысяче, а в середине III в. их было всего 700, и 100 человек владели всей землёй².

Общая численность свободного населения Аттики (вычисленная по косвенным данным) уменьшилась с 172 тыс. в 431 г. до 112 тыс. в IV веке. Обнищание масс стало частой темой выступлений ораторов. Беднота с тревогой ждала исхода баллотировки, надеясь получить 2 обола на ужин — вот к чему свелись демократические выборы на общественные должности³. «Многие бродят с жёнами и детьми; иных нужда заставляет пойти в наёмные войска, и число их до того возросло, что они становятся угрозой не только для варваров, но и для греков»⁴. В 331 г. в Афинах начался голод, который не прекратился ещё в 324 году⁵. В V в. такая голодовка была невозможна.

Углубление противоречий внутри общества свободных привело к ожесточённой классовой борьбе. «Врагов боятся меньше, чем собственных граждан. Богатые готовы скорее бросить своё имущество в море, чем отдать его бедным; бедные же ничего так не желают, как ограбить богатых. Жертвоприношений не бывает больше, но у алтарей люди убивают друг друга»⁶. Трудно найти в литературе произведение, в котором бы столь откровенно выражались ненависть и презрение к народным массам, как в приписываемом Ксенофону памфлете «Об Афинском государстве». Богатые рабовладельцы объединялись в сообщества, ставившие себе целью борьбу против народа, против его притязаний на сколько-нибудь сносное человеческое существование. Социальные утопии Платона были выражением стремления рабовладельцев преодолеть хотя бы в мечтах борьбу классов.

Экономический кризис вызвал интерес к экономической теории. Ксенофонт пишет «Домострой». В псевдоаристотелевой «Экономике» (гл. II) собрано 77 примеров различных остроумных комбинаций для устранения финансовых затруднений. В приписываемом Ксенофону сочинении «О доходах» даётся наивный рецепт, как избавиться от бедности (гл. 4): пусть государство купит 1200 рабов и отдаёт их в наём в рудники за 1 обол в день, а на выручку купит новых рабов. Через 5—6 лет у него будет 6 тыс. рабов и доход от них составит 60 талантов; из них 40 можно потратить на государственные нужды, а 20 — опять на покупку рабов. Когда число рабов достигнет 10 тыс., а доход с них — 100 талантов, доход надо раздать по 10 филам, которые будут на эти деньги содержать всех граждан.

С особенной отчётливостью проявился кризис политический. Обострение классовой борьбы привело к тому, что полис перестал гарантировать своим гражданам обеспеченное положение в обществе, уверенность в себе, в своих силах. Жизнерадостность и гармоничность, чарующие нас в классическом греческом искусстве, были выражением той прочности существования, которую гарантировал гражданину полис, хотя только в пределах полиса. В IV в. экономические и политические условия весьма

¹ Gompe (The Population of Athens. Oxford. 1933) совершенно произвольно отвергает эти данные: «Мы не можем верить, что в 322 г. только 9 тыс. человек имели годовой доход в 200 драхм». Столь же произвольно он для 313 г. распределяет общее число граждан — 21 тыс. — между гоплитами и фетами почти поровну.

² Плутарх, Аис., 5.

³ Isocr., Areop. 54.

⁴ Ibidem, 168.

⁵ Demosth. XXXIV, 30; XL, II, 20. Киренская надпись SEG III, 2.

⁶ Isocr., Archid. 67.

далеко ушли в греческих обществах от тех условий, которые вызвали полис к жизни и давали ему устойчивость и силу.

Кризис полиса, необходимость прорвать рамки его ограниченности нашли своё выражение вначале лишь в философских идеях и в публицистике, рассчитанной на узкий круг верхов рабовладельческого класса. Уже софист Горгий в своём выступлении в Олимпии призывал греков к единомыслию, к единению против общего врага — персов. Аристотель, считавший полис нормальной и правильной формой государственной организации, отмечал, однако, что «эллинство могло бы править миром, если бы добилось единого государственного устройства»¹. А Исократ в своём сочинении, обращённом к Филиппу Македонскому, уже прямо призывает его стать арбитром по всем греческим делам.

У Зенона-стоика идея единства, и не только греков, но и всего человечества, приняла характер социальной утопии. По словам Плутарха, «достойная удивления полития основоположника школы стоиков сводится к тому пункту, чтобы мы жили не по полисам и по демам, различаясь каждый своими особыми законами, но чтобы мы считали всех людей демотами и гражданами, чтобы был один образ и строй жизни, подобно тому как стадо пользуется по общему закону общим пастбищем»².

Стремление выйти за пределы полиса больше всего выразилось в новом представлении об эллинской культуре как общеэллинском или даже общечеловеческом достоянии. В «Панегирике», написанном в 380 г., Исократ пишет: «Благодаря эллинской культуре имя «эллин» означает уже не происхождение, а духовный склад; эллинами теперь называют уже не людей, связанных кровным родством, а приобщившихся к нашему просвещению» (гл. 50). Впоследствии Александру и его преемникам стали приписывать сознательную программу объединения Востока и Запада для создания единой мировой культуры. По Диодору, Александр практиковал «синокизмы городов и переводы людей из Азии в Европу и, наоборот, из Европы в Азию, чтобы брачными союзами и общением привести оба величайших материка к общему единомыслию и родственной дружбе»³. По Плутарху, Александр «не последовал совету Аристотеля — обращаться с эллинами, как вождь, а с варварами, как деспот, о первых пещись, как о друзьях и близких, а этих использовать, как животных или растения... Но считая, что он явился по божьей воле устройтелем и примирителем для всех, он кого не мог соединить путём убеждения, тех принуждал силой оружия, сводя в одно, как в кратере дружбы, людей отовсюду, смешав быт и нравы, браки и образы жизни, предписал всем считать отечеством вселенную, акрополем и крепостью — лагерь, родными — хороших людей, чужими — дурных, различать людей не по одежде... а видеть эллинство в добродетели, варварство — в пороке»⁴.

Вряд ли действительно Александр ставил себе те задачи, какие ему приписывает Плутарх, но объективные результаты завоеваний Александра были именно таковы. В своей первой работе — «История Александра Великого» — Дройзен заявляет: «Имя Александр означает конец одной мировой эпохи и начало новой». Примерно то же говорит У. Вилькен: «Всё дальнейшее течение истории политической, хозяйственной и культурной жизни последующих времён нельзя понять, если отвлечься от дела жизни Александра»⁵. С этим можно согласиться, если понимать под «делом жизни Александра» объективные последствия его деятельности, включённой в рамки условий того времени, выдвинувших и создавших Александра. Но Вилькен, как и другие поклонники Александра, склонен приписать эллинизм личному гению Александра и его исторической прозорливости,

¹ Аристотель «Политика», IV, 6.

² Plut. «De fortit. Alex». VI.

³ Diod., XVIII, 4, 4.

⁴ Plut. «De fortit. Alex». VI.

⁵ Wilcken U. «Alexander der Grosse», S. 246. Leipzig. 1931.

а для такого утверждения нет данных. Гораздо ближе к истине другая точка зрения, представленная, в частности, у Ф. Г. Мищенко в его чрезвычайно содержательном введении к Полибию — «Федеративная Эллада»: «Успехи эллинизма в македонский период вовсе не входили в планы Александра, селевкидов, птолемаидов, антигонидов; об этом лучше всего свидетельствует обращение их с собственной Элладой, откуда возможно было ждать ещё серьёзного противодействия. Могущественные владыки, поддаваясь обаянию эллинской образованности, старались украсить свои столицы и дворцы произведениями эллинского ума, применяли к новым городам испытанные уже формы правления, но никому из них и на мысль не приходило организовать производительные силы этой самой нации для независимого достойного существования»¹.

Самые завоевания Александра были подготовлены в предшествующее время. Идея реванша была политической формой, в которой выразилось вызванное кризисом стремление к единству. Война с Персией была решена в 337 г. на заседании Коринфского союза², и уже в 336 г. Парменион и Аттал переправились в Азию. Нет смысла строить догадки о том, как пошли бы дела, если бы Филипп не был убит в 336 г. и сам руководил военными операциями или если бы не Александр, а Пердикка или Антипатр оказались во главе войска. Важно то, что задача завоевания Востока была поставлена в порядок дня. Александр разрешил её блестяще; другой на его месте, за исключением, быть может, Филиппа, разрешил бы её не так быстро и успешно, конкретные результаты были бы иные. Но Александр сумел проявить свои способности потому, что материальные условия жизни поставили перед ним грандиозную задачу.

Рабовладельческое общество в Греции IV в. дошло до предела своего возможного развития и вступило в полосу экономического и политического кризиса, который не мог более быть разрешён в существующих формах общества. Революционный выход из положения в то время был закрыт; рабы не были классом для себя, способным свергнуть рабовладельческий строй общества и перестроить общество на новых началах. Выход мог быть только в создании путём завоевания более обширного экономического единства, дающего возможность воспроизвести старый процесс развития на более высокой ступени. Основные противоречия классового общества при этом не устраняются; рабовладельческий класс получает лишь кратковременную передышку, и новый кризис неизбежен.

«Там, где рабство является господствующей формой производства, там труд становится рабской деятельностью, т. е. чем-то бесчестящим свободных людей. Благодаря этому закрывается выход из подобного способа производства, в то время как, с другой стороны, требуется устранение его, ибо для развития производства рабство является помехой. Всякое покоящееся на рабстве производство и всякое основывающееся на нём общество гибнут от этого противоречия. Разрешение его даётся в большинстве случаев насильственным покорением гибнущего общества другими более сильными (Греция была покорена Македонией, а позже Римом). До тех пор, пока эти последние, в свою очередь, покоятся на рабском труде, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на высшей ступени, пока, наконец (Рим), не был покорён народом, введшим вместо рабства новый способ производства»³.

Завоевание Александром Востока было в интересах не только Греции и Македонии, но и господствующего класса наиболее развитых областей Востока. Здесь, правда, рабство не играло такой роли, как в Греции; со-

¹ Мищенко Ф. Введение к Полибию — «Федеративная Эллада», стр. XXXVIII—XXXIX.

² Анализ текстов (особенно эпиграфических), относящихся к заседаниям Коринфского союза, дан Вилькеном в интересной работе «Philipp II von Makedonien und die Panhellenistische Idea». Berlin. 1929.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 450.

хранение общины приводило к застойности общества, движение совершалось медленно, противоречия нарастали вялыми темпами. Но и здесь, в крупных торговых центрах, с высокоразвитым рабовладельческим хозяйством, ощущалась потребность в расширении экономической базы. Этим, вероятно, надо объяснить сравнительную лёгкость покорения Вавилона Киром: он почти не встретил сопротивления. Но персидская монархия была «случайным конгломератом» народов, не спаянных, а лишь искусственно связанных силой завоевания. То была более низкая ступень объединения, чем держава Александра, и покорение Персии Александром означало для неё переход на более высокую ступень. Поэтому торговые города Востока, и в первую очередь богатые слои населения, быстро эллинизировались и были опорой завоевателей.

Из аморгской надписи 279 г. мы узнаём, что один из организаторов островитян, собравшихся на Самосе, чтобы провести учреждённое Птоломеем II празднество в честь Птолемея Сотера, был сидонский царь Филокл. Недавно открытые в Уруке клинописные таблички рисуют примкнувшего к новой власти вавилонянина Упубаллита. Как нам хорошо известно, в Иудее так называемые «эллинисты», сторонники сближения с эллинской культурой, представляли иерусалимскую знать, вплоть до первосвященников. Конечно, на основании таких отдельных фактов рискованно делать обобщения о социальной опоре Александра и его преемников на Востоке. Но эти факты симптоматичны¹.

Связи между Востоком и Западом были и до Александра. Финикийцы проникли далеко на Запад, а в Греции имели свои торговые фактории. Навкратида была форпостом греческой цивилизации в Египте. Малоазиатские приморские города имели тесные экономические связи с материковой Грецией и островами. Но торговцы в чужих странах оставались чужаками, их правовое положение было непрочным, их операции не могли достигнуть большого размаха. В глубь Азии эллинское влияние не проникало. В Сирии не было ни одной греческой колонии. Включение Востока в систему эллинистических монархий открыло широкий простор для торговли не только Греции на Востоке, но и Востока в Греции.

Что касается Греции, то она прежде всего потеряла политическую независимость. Керст, высоко расценивающий личность Александра и его деяния, подчёркивает, что свободе эллинских государств «никто не нанёс такого решительного удара, как Александр. Историк не должен обманываться видимостью свободы... Единство создавалось за счёт государственной независимости. Великому историческому достижению противостоит значительная потеря — потеря самобытных политических и моральных сил, которая в конце концов в первую очередь обусловила падение античного мира»².

Греческие политические деятели, пропагандировавшие идею панэллинского союза под гегемонией Македонии (Исократ, Эсхин), вряд ли обманывались насчёт последствий этого «союза». Но классовый интерес побуждал жертвовать политической независимостью в надежде расширить при её помощи сферу своей деятельности, а также найти под эгидой монархии защиту против трудящихся. На Коринфском конгрессе 338 г. было принято решение, по которому союзному совету поручалось наблюдать за тем, «чтобы в союзных государствах не происходило изгнаний или казней вопреки существующим законам, конфискаций, отмены долга, раздела имущества и освобождения рабов с целью переворота». Во имя этого классового интереса рабовладельцы согласны были отдать свою свободу. Но они

¹ Jones A. H. M. («The Greek City from Alexander to Justinian». Oxford. 1940) правильно отмечает, что высшие классы на Востоке охотно шли навстречу эллинизаторской политике эллинистических царей, но не видит экономических причин этого явления, усматривая лишь «честолюбивое стремление высших классов усвоить греческий образ жизни» (стр. 50).

² Kaerst «Geschichte des hellenistischen Zeitalters». Bd. I, S. 408, 412.

ошиблись в этих расчётах. Классовые противоречия в Греции в период эллинизма не сгладились, а обострились. Лозунги: «Кассация долгов» и «Передел земли» не сходили с порядка дня. Движения рабов приняли массовый характер. Острая классовая борьба развёртывалась и в отсталых ранее областях Греции — Спарте, Этолии, Беотии — и в эллинистических государствах Востока. В своём последнем труде М. Ростовцев показывает, что в Египте эллинизация осложнила классовую борьбу этническими и религиозными противоречиями, которые и сами приняли классовый характер, поскольку господствующий класс составляли греко-македонцы и эллинизированные египтяне. В Иудее борьба между эллинизированной аристократией и народными массами, несомненно, ускорила взрыв народного движения Маккавеев, приведшего в конце концов к освобождению Иудей из-под власти селевкидов.

Следует при этом иметь в виду, что и монархия Александра была «случайным и малосвязанным конгломератом», а образовавшиеся на территории державы Александра меньшие монархии также не обладали внутренней прочностью. Границы царства Птолемея, особенно селевкидов, были неустойчивы, постоянно менялись. Наряду с силами, втягивавшими восточные страны в орбиту эллинизма, действовали и центробежные силы. Переход из одной коалиции в другую, борьба за политическую независимость, образование новых государств — такими событиями наполнена история царства селевкидов. А между тем народы и государства, стремившиеся освободиться от власти Сирии, были в то же время носителями эллинистической культуры и её поборниками. Интересно замечание Э. Мейера¹, что отпадение Бактрии в середине III в., в сущности, вело к концентрации усилий эллинизма против варваров. Во всяком случае, позднее, в 206 г., бактрийский царь Евтидем при переговорах с Антиохом III указывал, что свободная и сильная Бактрия нужна также самой Сирии как оплот против угрожающих и Сирии и Бактрии «огромных полчищ кочевников», и Антиох признал это положение правильным².

Эллинизм сыграл в социальном отношении прогрессивную роль, в том смысле, что благодаря смешению эллинов между собой и отчасти с восточными народами в значительной степени была подорвана этническая разрозненность, покоившаяся ещё на не изжитых естественно-родовых связях.

Особенно отчётливо это выразилось в создании общегреческого языка *koine*. Единственный греческий папирус, дошедший до нас от времени Александра, написан в основном на ионийском диалекте с отдельными доризмами и аттицизмами. В III в. многочисленные известные нам греческие папирусы написаны на *koine*. Конечно, классический язык Софокла, Эврипида, Платона, Фукидида, Ксенофонта не вышел из употребления: он оставался образцовым литературным языком, и аттицисты в течение многих веков, вплоть до византийского времени, культивировали язык классиков и тщательно ему подражали. Но живым языком был язык *koine*; на нём к эллинистической культуре приобщались народы Востока; на этом же языке восточные народы делали свои вклады в эллинистическую культуру.

Многие старые и новые восточные города стали греческими центрами — Александрия, Пергам, Антиохия, Селевкия, Тир и др. Эллинство не ограничивается больше Элладой, а в самой Элладе происходит перемещение политических, экономических и культурных центров. Афины уступают место Коринфу, вместо Афинского и Пелопонесского союзов создаются Этолийский и Ахейский союзы, втянувшие в сферу активной политической жизни самые отсталые области Эллады. Происходивший, таким образом, процесс нивелирования, с одной стороны, выявлял ещё не использованные производительные силы, вводил интенсивную городскую жизнь

¹ Meyer E. «Blüte und Niedergang des Hellenismus», S. 48.

² Полибий, XI. 34.

там, где она раньше едва намечалась, и тем способствовал некоторому подъёму экономики Греции в первый период эллинизма. С другой стороны, он был необходимым условием для подготовки перехода к более прогрессивной общественно-экономической формации.

Однако успехи эллинизма в этом направлении, особенно на Востоке, были не так грандиозны, как это представляется с первого взгляда. Множество греков и македонцев устремилось на Восток; но и вместе с эллинизированными представителями высших классов местного населения они составляли меньшинство. В Египте на семь с лишним миллионов населения к концу эпохи эллинизма приходилось всего около миллиона «эллинов», главным образом за счёт города Александрии. В царстве селевкидов эллины составляли совсем незначительную прослойку, почти исключительно в городах. Александр и его преемники создали много новых городов или реорганизовали по образцу полисов старые. По подсчёту Чериковера¹, на основании имеющихся реальных данных, Александр, Антигон, Лисимах, Селевк I, Антиох I, Антиох IV, Атталиды и Птолемеи основали в общей сложности 176 городов (из них 23 сомнительных). Это, конечно, — большое число. Проникая в самые удалённые уголки эллинистического мира, эти города разлагали старинные формы общественного строя, несли в них не только иную, более высокую культуру, но и иные хозяйственные отношения: товарность начинает появляться там, где раньше безраздельно господствовало натуральное хозяйство. И всё же на необъятной территории эллинистических государств Востока эти города были небольшими оазисами, обширные области оставались не затронутыми новым порядком вещей.

Социально-экономические достижения эллинизма заметны прежде всего в области торговли. Расширение внутренней торговли и рост внешнеторговых связей несомненны. Об этом свидетельствуют прежде всего бурный рост таких городов, как Александрия, Селевкия на Тигре, Антиохия, и развитие морского дела и судостроения. Около 100 г. мореход Гиппал открыл муссоны; это не только содействовало укреплению торговых связей с Индией, но и явилось результатом этих связей. Греческие и восточные товары стали проникать в глубь азиатского материка. Во время недавних раскопок в Монголии были обнаружены сирийские ткани. О том, в какой мере втягивались в торговый оборот отсталые области, можно судить по количеству греческих слов, проникших в языки семитских народов Передней Азии.

Другим косвенным показателем роста торговли служат монеты, их символы, легенды, стандарт и ареал распространения. В капиталистическом обществе функция денег как средства обращения приобретает всё большую роль, а их функция как средства накопления становится ничтожной. В древности, особенно на Востоке, мы имеем обратное явление: деньги служат главным образом средством накопления. Превращение сокровищ Дария в звонкую монету, унификация монеты в отдельных эллинистических государствах, конкуренция между аттическим и финикийским стандартами — всё это говорит о росте денежного обращения. Конечно, и в виде монеты деньги служили также и для образования сокровищ. По свидетельству Аппиана, Птолемей Филадельф оставил в своей казне 740 тыс. талантов; даже если эта цифра сильно преувеличена, она всё же очень показательна.

Рост денежных отношений и товарности хозяйства приводил к углублению классовых противоречий, к обогащению богатых и разорению бедных. Скрытые формы эксплуатации обнажались, что содействовало более открытому появлению классовых интересов. Заслуга М. Ростовцева — в том, что он показал, как старые этнические и религиозные деления усту-

¹ Tschirikower «Die hellenistischen Städtegründungen». 1936.

пают место явно выраженным классовым и сами принимают классовую окраску.

Образование новых городов с приписанной к ним сельской территорией разлагало старый, общинный уклад, отрывало земледельцев (laoi) от веками установившейся формы зависимости. На Востоке появляются латифундии с работающими на них рабами. Растёт применение рабского труда в городах. У нас нет статистических данных, но если во II в., по исчислению Галена, в Эфесе было 40 тыс. рабов, то позволительно думать, что и в эллинистический период их было много. Рост купеческого капитала и развитие рабства приводят к тому, что и на Востоке возникает рабовладельческая система, «целью которой является производство прибавочной стоимости»¹.

Достижения эллинизма в экономической жизни обнаруживаются при рассмотрении эллинистического мира в целом. Но не следует искать этих достижений в каждом из эллинистических государств в отдельности. Именно единство эллинистического мира означает, что старые деления утратили силу и старые экономические центры теряли своё значение, если они не оказывались случайно в благоприятном положении по отношению к эллинистическому миру в целом. Афины были центром для Аттики, но не для эллинистических стран, вместе взятых. Даже для Греции они перестали быть центром, уступив место Коринфу. Зато Родос пережил период расцвета. Морское превосходство Родоса выразилось, между прочим, в том, что его морской кодекс стал международным, и ещё рескрипт императора Антонина разъяснял: «Я владыка мира, но на море господствует закон; вопрос надо разрешить по родосскому морскому закону»².

Материковая Греция не извлекла пользы из нового объединения, и, за исключением небольшой передышки, она неуклонно падала; даже центры науки переместились в Александрию и Пергам, хотя Афины продолжали считаться философским центром — скорее по привычке, чем по праву.

Эллинизм означал повторение развития античного рабовладельческого общества на более высокой ступени. Но, возникнув в результате кризиса греческого (и восточного) рабовладельческого общества, эллинизм не разрешил и не мог разрешить ни одного социального противоречия. Достижения его не были и не могли быть ни продолжительными, ни прочными. А для того, чтобы привести к смене рабовладельческого общества более прогрессивной общественно-экономической формацией, эллинизм не создал достаточных условий и потому в свою очередь пришёл к кризису, который разрешился римским завоеванием и повторением процесса на более высокой ступени. Римское завоевание было неизбежным результатом кризиса эллинистической экономики, выступавшего уже в конце III в. и ставшего угрожающим во II веке.

Основной порок рабовладельческой экономики — консерватизм технической базы — не мог быть преодолен, поскольку общество продолжало оставаться рабовладельческим. Воспроизводство было возможно опять-таки в ограниченных пределах, не вглубь, а вширь.

Созданное в эллинистическую эпоху единство было не настолько органическим и прочным, чтобы преодолеть партикуляризм, оторвать окончательно индивида от ограниченного коллектива, с которым его связывали веками установившиеся навыки.

Эллинизм установил иные формы государства вместо восточной деспотии и эллинского полиса. Но эллинистические монархии на Востоке, Македонская коалиция, Ахейский и Этолийский союзы на Балканах не ликвидировали греческий полис с его узкими интересами. Самый процесс эллинизации Востока проводился путём организации полисов. Конечно, то не были независимые города-государства, а лишь пользовавшиеся большей или меньшей автономией города, но существование их связывало

¹ К. Маркс «Капитал». Т. III, стр. 232. 8-е изд. 1932.

² Dig. XIV. 2. 9.

граждан ещё со старыми учреждениями полиса, поддерживало местный патриотизм, принимавший порою, вследствие отсутствия подлинной общественной жизни, уродливые формы, а в новых городах и в греко-македонских колониях новые греческие поселенцы долго сохраняли отношения с родиной, создавали землячества, культовые объединения и т. п. За исключением Египта, где македонцы застали централизованный бюрократический аппарат, на Востоке центральная власть не могла руководить повседневной жизнью городов. Из одного Зеноновского папируса мы узнаём, что в небольшом городе Калинде (на югозападе Малой Азии), входившем в состав царства Птолемеев, существовали должности стратега и эконома, руководивших от имени центрального правительства военным и хозяйственным управлением. Но в той же Калинде действовало местное самоуправление, возглавляемое пританом и секретарём, как видно из содержания папируса, стратег и эконом вынуждены были считаться с древней конституцией полиса.

С другой стороны, и восточная деспотия не была ликвидирована. По справедливому замечанию Жуге¹, Александр вовсе не хотел эллинизировать всех варваров, а оставил в неприкосновенности старые государственные институты в ряде областей своей державы, где он сам хотел быть восточным деспотом. Преемники Александра продолжали действовать подобным же образом. Для египетских крестьян Птолемеи были теми же фараонами, и сирийские *laoi* вряд ли заметили ощутительную разницу между персидским и селевкидским владыкой.

Процесс уравнивания, уничтожения старых племенных, этнических, государственных перегородок также был только намечен в период эллинизма. Даже в области культуры, где эллинизм означал коренной поворот, не произошло действительного слияния, не были поглощены восточные культуры, не была забыта и эллинская культура классического периода. Отмечено, в частности, интересное явление: на поздних папирусах сохранились многочисленные отрывки из произведений классической греческой литературы, но совершенно не встречаются произведения литературы эллинистическо-римской: Полибия, Посидония, Страбона, Диодора, Плутарха, Лукиана, Климента, Оригена, Плотина².

Таким образом, эллинизм можно расценивать как прогрессивный этап в истории античности, но с существенной оговоркой. В его начальный период были созданы новые формы экономической, политической и духовной жизни, содействовавшие переходу рабовладельческого общества на более высокую стадию. Но изменения, совершившиеся во всех областях жизни в эллинистический период, были недостаточно глубоки; причины, приведшие к кризису эллинских государств, не были преодолены, и эллинизм сам пришёл, и довольно быстро, к такому же кризису. Выходом оказались римское завоевание и переход на новую, ещё более высокую ступень. Завоевание Востока Римом не было, следовательно, выполнением какой-то провиденциальной миссии; оно не было и проявлением какого-то особого, присущего римлянам «духа». Римская экспансия на Восток была выражением, наиболее грубым и беспощадным, общей закономерности рабовладельческого общества, где расширенное воспроизводство возможно только путём экспансии вовне. А причины успеха римлян на Востоке надо искать в первую очередь не в римской военной доблести, дипломатической ловкости, воинской выучке, а в том, что эллинистический мир быстро исчерпал себя и его включение в состав новой мировой державы стало исторической необходимостью.

Эллинистический мир был поглощён Римом, за исключением его восточной периферии, которая нашла силы отстоять свою независимость и,

¹ Jouguet «L'impérialisme Macédonien et l'hellénisation de l'Orient», p. 104. Paris. 1926.

² Schubart W. «Einführung in die Papyruskunde». Berlin. 1918.

усвоив многое из эллинистической культуры, строить свою дальнейшую социально-экономическую жизнь самостоятельно. Но, подчинившись Риму и слившись с ним в одно целое в политическом и экономическом отношениях, эллинизм сохранил основные элементы своей культуры и даже развил их.

Изменения в экономике и социальных отношениях эллинистического мира — не только Греции, но и Востока — привели к столь существенным изменениям в области духовной культуры, что многие историки, как мы видели, до сих пор продолжают видеть в эллинизме лишь этап в истории человеческой культуры.

Прежде всего создание политического и экономического единства — пусть поверхностного и непрочного — сделало господствующую эллинскую культуру мировой, и космополитические настроения стали вытеснять и отодвигать на задний план местные культуры.

Связи с эллинской культурой были на Востоке и до Александра. Галикарнасский династ Мавзол оставил нам прекрасный вещественный памятник об этих связях. Сидонские цари отражали в своих мраморных саркофагах влияние греческого искусства. Гермий, династ Атарны в Малой Азии, отдал город Асс в распоряжение философов-платоников Эраста и Кориска, и сам Аристотель после смерти Платона пробыл в этом городе три года.

Но лишь в период эллинизма наблюдается широкое распространение эллинской культуры во всех странах Востока, входивших в сферу политического и экономического влияния эллинистических держав, — внедрение настолько прочное, что оно оставило неизгладимые следы.

Но сама греческая культура изменилась. Говоря об эллинской культуре классического периода, К. Маркс пишет: «И почему детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень?.. Нормальными детьми были греки. Обаяние, которым обладает для нас их искусство, не стоит в противоречии с той неразвитой общественной ступенью, на которой оно выросло. Наоборот, оно является её результатом и неразрывно связано с тем, что незрелые общественные отношения, при которых оно возникло, и только и могло возникнуть, никогда не могут повториться снова»¹.

Это нормальное детство кончилось вместе со свободой эллинских полисов. Наступила пора суровой, нездоровой зрелости с признаками преждевременной старости. Эта пора имела свои достижения, но и свои пороки, слабости, болезни.

Эллинистическая культура продолжала традиции классического периода, поскольку она сохранила греческий язык и всё наследие эллинства, и у некоторых историков, как мы видели, создаётся даже впечатление, будто она и по существу не представляет чего-либо принципиально нового, что она является наивысшим, наиболее совершенным выражением эллинства. В действительности же мы имеем здесь совершенно новое историческое явление, невозможное в классический период эллинства.

Так же как политические и экономические центры, переместились и центры культуры. Не Афины, а Александрия, Пергам, Антиохия, Берит, Сиракузы и др. создавали философские, литературные, юридические, научные школы, а деятели культуры часто были выходцами с Востока. Зенон из Кития, Хрисипп из Сол, Посидоний из Апамен, Филодем из Гадары, наш соотечественник Бион Борисфенит (Днепровский) и многие эллинизовавшиеся люди Востока играли выдающуюся роль в создании новой культуры. Это не только результат распространения эллинистической культуры на Восток, но и показатель влияния Востока на Грецию. Впервые

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XII. Ч. 1-я, стр. 204.

создаётся мировая, по масштабам того времени, культура, сглаживающая грани между народами и способствующая их экономическому сближению.

От взаимодействия культур Греции и Востока выиграл прежде всего Восток. Восточная деспотия, господствовавшая над бесправными, угнетёнными массами трудящихся, создавала атмосферу духовного гнёта во всех сферах умственной жизни. Почти вся литература была религиозной, а сама религия — грозной, суровой, требовавшей безвольной покорности воле богов и могущественных жрецов. Эллинистическая культура содействовала освобождению личности, хотя бы в верхах общества, от тяготившего над ней духовного гнёта.

В эллинистический период появляется на Востоке проникнутая философскими идеями эллинизма книга «Экклезиаст», эротическая поэма «Песнь песней», хотя и включившая древние элементы народной свадебной лирики, но оформленная как единое поэтическое творение именно в это время. Под влиянием греческой философии в её вульгаризованной форме устанавливается окончательно иудейский монотеизм, в свою очередь оказавший влияние на другие эллинистические религии.

Греческая драма, игры, празднества, греческое искусство внесли элемент жизнерадостности в мрачную идеологию Востока, светлые образы греческой пластики и архитектуры смягчили суровые черты восточного искусства. Человеческая личность, её настроения, интересы, запросы получают право на существование. В некоторых отношениях этот процесс напоминает эпоху Возрождения.

Оплодотворённая достижениями эллинистической культуры, духовная жизнь народов Востока, не подпавших под иго Рима и пошедших по самостоятельному пути развития, продолжалась в тиши и дала впоследствии изумительный взлёт в арабской культуре средневековья.

Восток немало дал эллинизму. Самый факт близкого общения с народами Востока не только расширил горизонт эллинов и раздвинул границы ойкумены: он показал им своеобразную культуру, в некоторых отношениях более высокую и, во всяком случае, более древнюю. Идея космополитизма, выросшая на почве Греции в связи с кризисом полиса, получила на Востоке реальное подкрепление. Здесь издавна существовали мировые державы, и хотя слияния народов не произошло, всё же база для политических надстроек не была здесь столь узкой, как в полисах Эллады.

На Востоке греки застали высокоразвитые науки — астрономию, математику, медицину, — иные приёмы и объекты сельскохозяйственной техники, развитые средства транспорта и связи. Литература Востока, всеобразная и непонятная, стала доступна грекам благодаря тому, что греческий язык стал языком образованных людей Востока. Иудеи не только переводят Библию на греческий язык, но и пишут на этом языке новые книги, даже религиозно-философскую диатрибу в духе стоиков, так называемую IV книгу Маккавеев. В списке произведений Теофраста значится *Akicharos*, несомненно, восточный роман об Акихаре, текст которого найден, в частности, среди арамейских папирусов в Элефантике.

Новые религиозные настроения, возникшие у греков в новых условиях, нашли в религиях Востока для своего выражения готовые формы культа, готовые образы универсальных богов, мистерии и ритуальные тексты, разработанную астрологию и магию. В процессе слияния культур Греция была не только дающей, но и берущей.

Как в экономической и политической области, эллинизм и в сфере интеллектуальной жизни не дошёл до конца те начала, которые наметились после завоеваний Александра. С одной стороны, греческая культура была достаточно устойчивой не только для того, чтобы противостоять культуре Востока, но и для того, чтобы сохраниться под властью Рима и стать основой византийской культуры. С другой стороны, и страны Востока — Сирия, Палестина, Аравия, Парфия, Армения, даже Египет — не были полностью поглощены эллинизмом, но сохранили свои самобытные

черты, свой язык, религию, исторические предания. Манефон пишет на греческом языке, но историю своего, египетского народа. В Парфии и даже в Индии чеканится монета греческого типа, даже с греческой легендой, но эти страны отстаивают свою политическую независимость и усваивают наследие эллинизма, чтобы создать и развивать свою культуру. «В греческой Дуре почитались вавилонские боги, но ни один греческий бог не вступил в Вавилон», — замечает Тарн.

Успехи эллинизма в области культуры были неравномерны, и их историческое значение неодинаково для разных стран эллинизма в разное время. Для Востока это был несомненный подъём. Другое дело — Греция. Здесь тоже эллинизм означал более высокий тип развития культуры, но политический и экономический упадок привёл к тому, что эта культура выросла во многих отношениях хилой, болезненной. Несомненный упадок переживала философия. Падение полисов и их автаркии означало, что отныне гражданин, находивший ранее прочную опору в полисе, предоставлен самому себе. В качестве оборотной стороны космополитизма появляется индивидуализм. В расширившейся ойкумене отдельный человек чувствовал себя беспомощным, и философия отражает эти настроения, обращаясь от общефилософских проблем к внутреннему миру человека, к этическим проблемам, к религиозным запросам. Особенно ясно новый характер философии выражен в наиболее популярной и типичной для эллинизма школе стоиков. Для эллинистической философии, характерно то, что она выдвигает в качестве конечной цели стремлений человека не положительный идеал (счастье), а отрицательный — безмятежность, беззаботность, бесстрашие и т. п.

Только материалистическая философия, всегда имеющая опору в живой реальности, пережила период расцвета. Но и школа Эпикура превратилась в замкнутую общину, отошедшую от активного участия в общественной жизни.

Философия в эллинистическую эпоху, разрабатывая по преимуществу этические проблемы, оторвалась от своей естественно-научной базы. Это обеднило философию, но обогатило науку. Отделение науки от философии и её специализация диктовались возросшими потребностями познания мира и овладения силами природы. Науки достигли высокого уровня развития, о чём свидетельствуют такие имена, как Архимед, Эвклид, Эратосфен, Полибий, Аристарх Самосский, Гиппарх, Аристарх Самофракийский, не говоря уже о ближайших учениках Аристотеля, в первую очередь о Теофрасте. Наука перестала быть уделом узкого круга избранных. Александрийский музей, с его богатейшими библиотеками в Серапеуме и Брухейоне, имел целью широкое распространение знания, а не был рассчитан только на владельца-царя, как библиотека Ашисурбанипала.

Необходимо, однако, отметить, что в области техники, за исключением военного дела и строительства, эллинистическая наука заметных успехов не делала; в рабовладельческом обществе мысль учёного не направлялась в эту сторону.

В греческой литературе надо констатировать новый упадок. Со сцены вместе со старыми богами уходят и большие проблемы, волновавшие великих трагиков V века. Боевая комедия Аристофана уступает место бытовой комедии, рисующей мелкие интересы и думы среднего человека. Лирика вырождается в искусственное выражение мелких страстей, приправленное риторикой и налётом учёности. Процветают буколика, элиграмма, жанровые сценки и картинки. Эллинизм не дал ни одного крупного писателя, которого можно было бы даже с натяжкой поставить в один ряд с Софоклом, Эврипидом, Алкеем, Анакреонтом, Аристофаном.

Резкий перелом совершился в религии. С падением полисов падали и боги их. «Национально ограниченные боги разделяли судьбу их народов».

Можно думать, что здесь П. Вендлад¹ цитирует Ф. Энгельса: «Боги каждого отдельного народа были национальными богами, власть которых не переходила за границы охраняемой ими национальной области... Все эти боги жили в представлении лишь до тех пор, пока существовала создавшая их нация, и падали вместе с нею»².

Не только боги пришли в упадок. Изменилось и отношение к богам. Прежняя религиозность, носившая скорее формальный характер и связанная с политическими учреждениями и политическими воззрениями, в новых условиях существенным образом изменилась. Предоставленный самому себе, индивид стремился к более тесному общению с божеством, от которого он ждёт уже не только благоденствия отечества, победы оружия родного полиса, но и личного спасения. Старые боги и их культ не удовлетворяют больше эллина, религиозные потребности которого возросли и изменились. Поэтому эллинизм — период религиозных поисков.

Но все эти новые явления в эллинистической религии не получили законченного развития. Для создания единой религии эллинистический мир не обладал достаточным экономическим и политическим единством. Старые боги потеряли кредит, но не сошли со сцены, уживаясь с новыми богами и новыми веяниями. Старые культы ещё продолжали играть некоторую политическую роль. Так же как эллинистические монархии использовали привычную форму полиса для проведения своего влияния на Востоке, они использовали и древних эллинских богов, постройку храмов, организацию игр в честь их для прославления своего величия и провозглашения своей божественности.

Эллинизм не имел достаточной базы для создания мировой религии. Но он создал предпосылки для неё, и христианство при своём возникновении уже в условиях Римской империи имело налицо в готовом виде почти все основные элементы мировой религии.

Во всех областях культуры эллинизм означает поворот всемирноисторического значения. Многие были только намечены, эллинистическая экономика не создала условий для окончательной переработки классического наследия, для создания на его основе нового цельного мировоззрения, целостной гармоничной культуры. Противоречия рабовладельческого общества после краткого периода подъёма сказались очень быстро и привели к тому, что развитие шло лихорадочными темпами, с кратковременными взлётами и длительными периодами упадка; в некоторых областях — философии, литературе — упадок стал хроническим. Но в целом эллинистическая культура — новая стадия в культурной истории человечества, повлиявшая на дальнейший ход её.

Понять сущность эллинизма, его подъём и падение можно только путём анализа движения античной рабовладельческой социально-экономической формации. Становится ясной и историческая роль его как одного из этапов этого движения, на которых создавались предпосылки для более прогрессивной общественно-экономической формации. Выросшая на этой базе эллинистическая культура была принципиально новой, поскольку она, хотя в неполной мере, прорвала рамки прежней ограниченности и приняла черты мировой. Но эллинистическая культура не должна заслонять те материальные основы, на которых она возникла. Напротив, именно в аспекте общественных отношений становятся ясными её сущность и её историческая роль.

¹ Wendlad P. «Die hellenistisch-römische Kultur und ihre Beziehung zum Judentum und Christentum», S. 52.

² См. Избранные произведения К. Маркса. Т. I, стр. 361. 1935.

ВЕЙМАРСКИЕ МИФЫ О ПРИЧИНАХ ПОРАЖЕНИЯ ГЕРМАНИИ В ВОЙНЕ 1914—1918 гг.

Н. Застенкер

Существенную часть реваншистских планов германского империализма после войны 1914—1918 гг. составляла пропаганда пресловутой легенды об «ударе ножом в спину» («Dolchstoß»). Империалистически-реваншистский миф о том, что Германия будто бы не была побеждена противниками на поле брани, что её поражение явилось якобы лишь следствием революции, нанесшей «непобедимой» кайзеровской армии «удар в спину», который лишил её сил сопротивления, давно привлёк к себе внимание исследователей. Верно оценив значение этой «Dolchstoßtheorie» как оружия реваншистской пропаганды наиболее агрессивных элементов германского империализма, многие исследователи, однако, недооценивали ту роль, какую сыграли в её создании и распространении, помимо правых партий, и демократические партии веймарской коалиции.

Историки обходили молчанием те мифы о причинах поражения Германии, которые создавались веймаровцами в противовес правым партиям и которые также служили делу возрождения и возобновления германской империалистической агрессии.

Установление фактов этого империалистического мифотворчества должно покончить с ошибочным представлением о том, что фальсификация причин поражения Германии в войне 1914—1918 гг. явилась будто бы лишь реакцией на условия версальского мирного договора, обманувшего надежды немцев на «справедливый мир». Такая ошибка характерна для тех буржуазных историков и публицистов, которые были склонны рисовать пути развития Германии после войны 1914—1918 гг. в хорошо известном «локарнском» духе.

Работа английского историка Кларка «Падение Германской республики» служит примером такой неправильной и подозрительно близорукой трактовки вопроса. Склонный доверчиво созерцать миролюбивую маску веймарской Германии, Кларк относил возникновение легенды о «непобеждённой» Германии к тому моменту, когда немцам стали известны условия мирного договора, разработанные на Парижской мирной конференции победителями. «Только теперь, — утверждал Кларк, — люди начали вспоминать, что Германия сдалась раньше, чем она была полностью побеждена. Было неизбежно, что теперь стали говорить, что она сдалась добровольно... это новый режим довёл дело до капитуляции, так как легко было теперь забыть роль, сыгранную военным командованием»¹.

Нет ничего ошибочнее этой попытки связать возникновение фальсификаторских легенд о поражении Германии в войне 1914—1918 гг. с условиями версальского мира. В действительности, как это видно и из приводимых ниже материалов, германские империалисты и их правые и «левые» слуги приступили к империалистическому мифотворчеству о поражении кайзеровской империи задолго до того, как стали известны мирные условия Антанты.

Искажённое представление о причинах поражения Германии не меньше, чем открытые реваншисты, создавали и демократические партии вей-

¹ Clark R. The Fall of the German Republic, p. 61. London. 1935.

марской коалиции. Их собственные мифы о причинах германской катастрофы, их внешняя политика спасения германского империализма от последствий поражения прямо содействовали развитию пропаганды «Dolchstosstheorie» и были ещё одним свидетельством той услуги, которую веймарская демократия оказала разбитому, но не уничтоженному германскому империализму в сохранении и возрождении его сил для новой агрессии.

К моменту выборов в Веймарское собрание, всего через два месяца после ноябрьской революции, самые реакционные элементы кайзеровского режима почувствовали уже достаточно сил для перехода в наступление. Их окрыляли успехи борьбы контрреволюции против передовых, демократических сил в стране. Разгром берлинских рабочих войсками Носке и развернувшиеся в январе 1919 г. карательные экспедиции в других центрах революционного движения в стране консолидировали оголенное империалистический лагерь и активизировали его. Надежды реакции питались и тем, что сулила германским империалистам близорукая политика Антанты по отношению к побеждённой Германии. Немецкие войска, с благословения Антанты, продолжали оккупировать территории на Востоке, в Литве и Прибалтике. Победители не спешили с разоружением Германии, последняя и после своего поражения сохраняла огромные милитаристические кадры и военную машину. Германские империалисты рассчитывали, что, прикрывшись сотрудничеством с Антантой в борьбе против «большевизма», они быстро поправят свои дела и изготовятся к новой борьбе за мировое господство.

Наиболее нетерпеливые реваншистские элементы в военных и гражданских кругах кайзеровского империализма стали питать надежды на возможность возобновления в скором времени борьбы с Антантой. Выборы в Национальное собрание в обстановке разгула террора реакционной военщины стали сигналом для пропаганды реваншистских идей.

Симптоматичной была та позиция, которую занимали по вопросу о поражении Германии основные партии Веймарского собрания ещё в ходе избирательной кампании в Национальное собрание. Уже тогда, в конце 1918 г., избирательное воззвание немецкой национальной партии, как именовали себя после революции консерваторы, выдвигало в контурах идею «Dolchstoss'a». В возвании говорилось: «С безмерной благодарностью в сердце мы приветствуем наших храбрых воинов, возвращающихся непобеждёнными домой». Воззвание подчёркивало, что «вместо мира на основе соглашения революция принесла нам полное порабощение и на долгий период оттянула самый мир»¹.

Эти же лживые утверждения пропагандировались печатными органами, выражавшими взгляды наиболее агрессивных кругов реакционного лагеря, стремившихся снять с себя ответственность за катастрофу, постигшую кайзеровскую империю. Пропаганде мифа об «ударе в спину» посвятила себя в первую очередь «Крестовая газета», общепризнанный рупор прусского юнкерства.

В статьях генерал-полковника фон Бён доказывалось, что Германия потерпела поражение «не по вине прусской армии, а благодаря коварному подкосу со стороны народа и войск в тылу. Революция, вызванная ими, ударила нам в спину в тот самый момент, когда нужнее всего была внутренняя сплоченность»². Легенду о том, что германская армия не была побеждена на полях сражения, распространяли в начале 1919 г.

¹ Цит. по тексту избирательных программ, приложенных к первому тому стенографических отчётов Веймарского собрания. «Die deutsche Nationalversammlung im Jahr 1919», herausgegeben von Dr. Ed. Heilfron. Bd. I, S. 125—126. Norddeutsche Buchdruckerei.

² «Kreuzzeitung». 18 März 1919.

в своих листовках полковник Бауэр, граф фон Хёнсбрех и другие застрельщики реваншистских идей германского империализма.

Легенда о «Dolchstoß'e» подхватывалась и распространялась реакционной провинциальной прессой, насчитывавшей десятки и сотни тысяч читателей. Так, например, в начале 1919 г. «Силезская газета» опубликовала статью, содержащую уже в развёрнутом виде пресловутую концепцию «удара в спину». Газета бесцеремонно фальсифицировала совсем ещё свежие факты истории подписания Германией перемирия в Компьенском лесу. «При первых переговорах Антанта готова была заключить мир без возмещения потерь и убытков (Entschädigungslose Frieden), — измышляла «Силезская газета». — Это предложение Антанты было сообщено генералом фон Винтерфельд, военным членом германской делегации, нашему верховному командованию, которое вскоре дало своё согласие. Но в этот промежуток времени в Германии разразилась революция, и когда генерал фон Винтерфельд снова пришёл к Фошу, то последний заявил: «Я получил только что телеграфное сообщение о том, что в Германии произошла революция. Это меняет всё положение. Теперь с Германией покончено, старое предложение отпадает. Германия должна теперь принять следующие условия перемирия», и он зачитал те уничтожающие условия, которые ныне угрожают нам гибелью»¹.

Общеизвестные факты нарастания такой пропаганды и её успехов среди населения Германии не могут быть, однако, объяснены, если не принять во внимание внешнеполитических позиций германских буржуазно-демократических партий и социал-демократии ещё в самый начальный период Веймарской республики. Зародившись на страницах правой печати, империалистическая легенда нашла себе необходимую питательную среду в позиции и политике «демократических» партий Германии.

Что противопоставляли этой империалистической легенде те партии, которые претендовали на роль представителей демократических сил немецкого народа? Обращает на себя внимание тот, казалось бы, невероятный факт, что избирательные программы и воззвания партий, образовавших затем веймарскую коалицию, старательно обходили вопрос о поражении Германии в только что закончившейся войне. Их избирательные документы не только не подчёркивали факта поражения, не только не указывали народу на те разбойничьи силы Германской империи, которые ввергли его в войну и привели страну к катастрофе, но попросту замалчивали самый факт военного поражения Германии. Молчали о нём избирательные программы и воззвания обеих социал-демократических партий — и правой социал-демократии, и независимцев. Замалчивали этот вопрос и избирательные документы партии центра². Избирательная программа демократов, упомянув глухо о «руинах, оставленных нам ошибочной внешней и внутренней политикой», заявляла вместе с тем: «Мир должен знать, что сила немецкой нации не может быть в будущем устранена»³.

Позиция умолчания по такому центральному и важнейшему вопросу, определявшему положение и исторические судьбы страны, не была, конечно, случайной. Как известно, поджигатели войны 1914 г., правящие круги Германии, проделали в момент, когда стал явным крах их разбойничьего похода, широко задуманный маневр. Хотя для всего мира было ясно, что капитуляция Германии перед Антантой была следствием её военного поражения, наступившего бессилия и бесперспективности дальнейшего сопротивления могучим силам противника, империалистическая верхушка кайзеровской Германии избегла открытого признания военного

¹ «Schlesische Zeitung». 25 Januar 1919.

² Заметим, что избирательная программа так называемой «народной партии» — вчерашних национал-либералов — также обходила вопрос о поражении Германии в войне.

³ «Schlesische Zeitung». 25 Januar 1919, S. 140, 142.

поражения: для этого маневра она воспользовалась согласием Антанты вести переговоры о прекращении военных действий и мире с побеждённой Германией на основе 14 пунктов Вильсона. Последовавший затем маскарад «ухода» от власти Людендорфа и других представителей «военной партии» перекладывал ответственность за оформление капитуляции на лагерь немецкой демократии. Но этот лагерь не только не разоблачил маневр кайзеровской верхушки, но и прикрыл его утверждением о «добровольном» обращении Германии к Антанте за условиями перемирия и мира.

Не трудно видеть, какую ценную услугу оказывала эта легенда тогдашним планам германского империализма. Легенда о «добровольном» перемирии становилась надстройкой над весьма реальными реваншистскими планами. Известно, как немецкое верховное командование осенью 1918 г. торопило правительство, настаивая на немедленном обращении к Антанте с предложением о прекращении военных действий. Генеральный штаб не только опасался, что при дальнейшем промедлении станет явственным, ничем не прикрытым факт бессилия и развала германской армии: в ещё большей степени он, торопя правительство, руководствовался мыслью о подготовке новой и на этот раз победоносной для Германии войны. Для этого прежде всего необходимо было предотвратить опасность перенесения военных действий на территорию Германии, сохранить от полного разгрома кадры германского милитаризма — костяк армии — и сохранить в целостности германскую промышленность.

Легенда о «добровольном» перемирии, «по соглашению» между сторонами, была орудием политики, рассчитанной на возможность заключения компромиссного мира, который оставит германскому империализму силы и ресурсы для того, чтобы быстро оправиться от поражения. Замалчивание факта поражения и фактической капитуляции Германии было составной частью этой политики. Участие всех буржуазных партий вместе с социал-демократами в этом заговоре молчания о поражении было первоначальной формой своеобразного «единого фронта», который объединял и правых и «левых» защитников германского империализма.

Материалы Веймарского собрания показывают, что ноябрьская революция в Германии не только не изменила существа этой политики единого империалистического «национального» фронта, проводимого немецкой демократией, но придала ей новые приёмы, опиравшиеся на новые возможности. Они учитывались и звучали уже во вступительной речи, которой Эберт открывал 6 февраля 1919 г. Веймарское национальное собрание: «Германия сложила оружие, доверяя принципам президента Вильсона. Пусть же дадут теперь нам вильсоновский мир, который мы вправе требовать. Наша свободная народная республика, весь немецкий народ стремятся лишь к тому, чтобы равноправным вступить в союз народов»¹. Так говорил Эберт, хотя он вынужден был признать, что Германия проиграла войну и что у правительства Макса Баденского не было иного выхода, как заключение перемирия на условиях, предложенных Антантой.

Тезис о «добровольном» характере соглашения о перемирии был лейтмотивом речей веймарских демократов, строивших на нём расчёты на спасение германского империализма от последствий поражения. Программу спасения германского империализма развернул в первые же дни после открытия собрания министр иностранных дел граф Брокдорф-Ранцау, член демократической партии, заверявший своих слушателей, что «можно быть одновременно и графом и убеждённым демократом»². «Добровольное разоружение Германии, к сожалению, не настроило наших противников на более миролюбивый лад», — жаловался Брокдорф. Он

¹ «Die deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919», Bd. I, S. 6.

² Ibidem, S. 162.

заверял Антанту в том, что её недоверие к Германии лишено теперь оснований, ибо «мы дадим доказательство нашей искренней любви к миру. Этим доказательством будет прежде всего отказ от политики вооружений»¹.

Брокдорф обещал Антанте «моральное разоружение» Германии, вступление её в Лигу наций, согласие на третейское разбирательство международных конфликтов. Эти мирные рулады сопровождалась, впрочем, оговоркой, за которой выглядывало то империалистическое шило, которое Эберт и Брокдорф старались упрятать в «демократический» мешок.

«Из одних уже экономических и финансовых оснований, — говорил Брокдорф, — Германия вынуждена ограничить свои вооружения размерами, совместными с поддержанием внутреннего порядка и охраной границ. Если же, чего я не хочу допускать, в будущем нас могут вынудить выйти за эти размеры военные приготовления наших соседей, то мы воспримем это как тяжёлую ношу»².

На какой мир рассчитывали веймарские «демократы», показывала остальная часть речи Брокдорфа. «С таким народом, как немецкий, нельзя обращаться, как с народом второго сорта... немцев может судить лишь история, но не победители... Мы твёрдо держимся принципа Вильсона о том, что победителю не следует никакого возмещения за его военные издержки и никаких территориальных уступок от побеждённых»³.

Германия должна сохранить свои колонии и свой флот; в Эльзас-Лотарингии должен быть проведён плебисцит; всё балтийское Приморье, Восточная Пруссия и Силезия сохраняются в германских руках, и Польша остаётся без выхода к морю; Австрия должна быть присоединена к Германии вместе с «немецкой» частью Богемии, Моравии и австрийской Силезии; разоружение Германии может быть проведено только в том случае, если разоружатся её противники и её соседи, и притом в одинаковом с Германией размере; Германия принимается в Лигу наций.

Эта брокдорфская программа мира, сулившая немецкому империализму, в случае её осуществления, возможность выйти почти сухим из воды и сохранить силы для быстрого развязывания новой борьбы за мировое господство, встретила единодушную поддержку всех партий Веймарского собрания. Правые также одобряли её.

Всяческое замалчивание факта поражения Германии и подчёркивание «добровольности» перемирия пронизывали речи представителей демократических партий. Лидер демократической партии Гаусман призывал Брокдорфа выдвигать его ссылку на добровольный характер заключённого Германией перемирия «со всей силой и отчётливостью и основывать на этом определённую политику... Мы должны определённо и официально заявить, до каких пределов мы добровольно идём при заключении мира, какие крайние уступки мы можем вынести и притом хотим лояльно сделать выводы из предварительного договора»⁴, — говорил он. Гаусман называл «предварительным договором» соглашение о перемирии, заключённое Германией с Антантой и содержавшее ссылки на 14 пунктов Вильсона. «Это всемирно-политический договор и международно-правовой предварительный мирный договор, на основе которого мы вправе требовать мира»⁵.

Гаусману вторил другой представитель демократов, Фальк, ещё решительнее развивавший ту же мысль: «Мы сложили своё оружие добровольно, не будучи вынуждены к тому врагом, — это должно быть настойчиво подчёркнуто. Мы стали беззащитными и разоружились на условиях

¹ «Die deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919», Bd. I, S 159.

² Ibidem, S. 160.

³ Ibidem, S. 150.

⁴ Ibidem, S. 358.

⁵ Ibidem.

соглашения... опираясь на которое мы имеем требование к противоположной стороне. Нам не нужно, следовательно, просить, нам не нужно кланяться, мы можем требовать, чтобы идеи Вильсона были применены в нашу пользу»¹.

Формулу о «международно-правовом» договоре, уже якобы заключённом Германией с противником в условиях перемирия, горячо одобрил и подхватил Эрцбергер, лидер партии центра и председатель германской комиссии по перемирию. «Я особенно благодарен предыдущему оратору, — говорил Эрцбергер по адресу Фалька, — за то, что он указал с такой ясной определённой, что немецкий народ имеет неоспоримое право на справедливый мир уже в силу того факта, что международный договор 5 ноября 1918 г.² является связующим договором международного права (völkerrechtlich bindender Vertrag) и всякий переход за черту, установленную в ноте союзников от 5 ноября, должен был бы расцениваться как прямое вероломство»³. Как ни фальшиво звучала такая ссылка на международное право в устах Эрцбергера, в течение войны не раз одобрявшего циничное поправление Германией всех международноправовых норм, она бледнела перед фальшью его заявления о том, что «только при этих предпосылках мы заключили соглашение о перемирии и только при этих предпосылках мы были согласны вести переговоры о мире»⁴.

Изучение вопроса о возникновении «Dolchstosstheorie» не может игнорировать того обстоятельства, что для пропаганды этой реваншистской теории наиболее агрессивных элементов германского империализма создавал предпосылки другой миф — о «добровольном» перемирии. Именно этот миф, усердно создававшийся демократическими партиями Германии после её поражения, помогал оформлению «Dolchstosstheorie». В самом деле: если Германия не капитулировала перед победоносным противником и перемирие носило характер «добровольного» соглашения, то, логически рассуждая, всякий факт, обнаруживавший полное бессилие Германии, мог быть записан не на счёт военного поражения, а на счёт разложения её сил последовавшей затем революцией.

Правые партии Веймарского собрания не замедлили воспользоваться этим выводом из мифа о «добровольном» перемирии. Выступления правых подогревались тем обстоятельством, что после начала работ Веймарского собрания надежды германских империалистов на «мир вничью» тускнели, а расчёты веймарской коалиции становились всё более шаткими. Всё яснее обнаруживался разрыв между мифом о «добровольном» перемирии и действительностью полного поражения и фактической капитуляции германского империализма. Этот разрыв ширился с каждым дополнительным соглашением, которое заключала Германия с Антантой о продлении перемирия. Подписывая эти соглашения в Трире (13 декабря 1918 г., 16 января и 18 февраля 1919 г.), Германия должна была делать дальнейшие уступки Антанте, закреплявшие полную победу последней. Условия продления перемирия обнаруживали, с одной стороны, намерения победителей, а с другой — бессилие побеждённого разбойника перед лицом победоносного противника.

Развернувшиеся в Веймарском собрании дебаты о поражении Германии и его причинах проливают яркий свет на политику Германии после её поражения в войне 1914—1918 гг. и весьма поучительны для наших дней.

¹ «Die deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919», S. 459.

² Эрцбергер имел здесь в виду ноту государственного секретаря США Лансинга от 5 ноября 1918 г., извещавшую германское правительство о согласии Антанты на заключение перемирия с Германией и на ведение переговоров о мире на основе 14 пунктов Вильсона с известными оговорками насчёт «свободы морей» и обязанности Германии возместить союзникам ущерб, причинённый войной.

³ «Die deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919», S. 469.

⁴ Ibidem.

Поводом к этим дебатам послужило подписанное 16 февраля в Трире новое соглашение о пролонгации перемирия с Антантой. Напомним, что это соглашение требовало от Германии немедленного прекращения военных действий против восставшего польского населения в Познани и в других районах прусской Польши, где развернулось освободительное движение поляков против своих вековых угнетателей, за немедленное воссоединение Познани с освобождённой от немецких оккупантов Польшей. Трирское соглашение от 16 февраля устанавливало демаркационную линию для отвода за неё, на запад, немецких войск и занятия очищаемых районов польскими повстанцами. Намеченная в Трире демаркационная линия далеко не удовлетворяла польские требования. От немецких войск очищалась лишь Познанская область; вся Западная и Восточная Пруссия, Померания, земли по правому берегу Одера и Силезия оставались попрежнему в руках немцев. Более того, Антанта брала на себя по этому соглашению обязательство не допускать нарушения демаркационной линии поляками впредь до подписания мирного договора, устанавливающего западные границы Польши. В отличие от предыдущих соглашений, новое, Трирское соглашение пролонгировало перемирие с Германией не на один месяц, а на короткий период, без указания срока, сохраняя за Антантой право прервать его с предупреждением о том за три дня.

Это соглашение было подписано в Трире Эрцбергером от имени германского правительства как раз в тот момент, когда в Веймаре развёртывались прения по правительственной декларации шейдемановского правительства (коалиция социал-демократов большинства, партии центра и демократов). Внешнеполитическая программа этого правительства достаточно характеризуется приведённой выше речью его министра иностранных дел Брокдорф-Ранцау. Однако его надежды на реализацию этой программы с помощью «вильсоновских принципов» и мифа о «добровольном» перемирии получили в Трире отрезвляющий удар. Трирское соглашение приковало внимание всех партий Веймарского собрания к вопросам, связанным с поражением Германии и предстоящим миром.

Теперь, когда стала обнаруживаться неудача маневра, основанного на мифе о «добровольном» перемирии, правые партии и оголтело империалистические круги, которые стояли за ними, спешили использовать дипломатическое поражение веймарской коалиции для того, чтобы снять с себя ответственность за поражение и развернуть пропаганду реваншистских идей с трибуны Веймарского собрания. Так началась атака правых, развязавшая прения о причинах поражения Германии, которыми мы ниже и займёмся.

На следующий же день после того, как Эрцбергер информировал собрание о новом соглашении о перемирии, последовали выступления правых партий, подвергших яростной критике это соглашение и политику веймарской коалиции. Атака началась интерпелляцией, внесённой представителями «народной партии» и поддержанной националистами-консерваторами. Интерпелляция исходила из кругов рейнско-вестфальских магнатов тяжёлой индустрии и гамбургских пароходоладельцев, которые обвиняли Эрцбергера в том, что он не привлекает к работам комиссии по перемирию и к трирским переговорам экспертов, могущих защитить нужды и интересы важнейших отраслей германской экономики. О каких «экспертах» шла здесь речь, показывали имена Стиннеса, Пенсгена, Фёглера и других заправил рурской и рейнско-вестфальской промышленности, в отказе от привлечения которых интерпеллянты обвиняли Эрцбергера.

Интерпелляцию обосновывал от имени подписавших её Фёглер, генеральный директор «немецко-люксембургского общества» сталелитейных заводов, один из столпов германского монополистического капитала. «Опирались мы или нет, заключая перемирие, на вильсоновские обещания? — вопрошал патетически Фёглер. — Да, опирались. Но могли ли мы

предположить, что на основе пунктов Вильсона мы дойдём до такого соглашения о перемирии, как нынешнее!»¹. Характеризуя будущий мир, который Антанта собирается предложить Германии, «могильным миром», Фёглер требовал новых, «разумных» переговоров с Антантой, которые раскрыли бы ей глаза на то, что «вместе с могилой для Германии она роет свою собственную могилу», и привлечения к этим переговорам картельных магнатов Германии, «лучших умов народа»².

В последовавших затем прениях обсуждение далеко перешагнуло за рамки интерпелляции. Скрытая за персональными нападками на Эрцбергера и вопросом об «экспертах», политика германских империалистических зубров обозначилась в этих прениях в полной мере. Немецкий историк Веймарского собрания Циглер охарактеризовал эти прения следующими словами: «Теперь, когда плотина была прорвана, весь гнев прорвался наружу и дал себе полный простор. В этот день в Национальном Собрании впервые вспыхнула со всей силой тевтонская ярость, *furore theutonicus*»³.

Крайняя правая фракция собрания, националисты, не замедлила поддержать рурских магнатов и раскрыть истинный смысл их интерпелляции. Первый же оратор «немецко-национальной» партии, Грефе, поставил точку над и. Обращаясь к истории переговоров о перемирии, Грефе напомнил, что ещё за две—три недели до его заключения, 22 октября 1918 г., партии теперешней правительственной коалиции, в первую очередь социал-демократы, обещали призвать народ к «национальной обороне», если бы Антанта предъявила Германии требование капитуляции.

«Если только все эти речи представителей партии большинства не являлись бряцанием кимвалов и пустозвонством, то народ мог ожидать, что такие условия перемирия не будут приняты... Если же вопреки ожиданиям они были приняты, то я могу усмотреть в этом одно из двух: либо призыв к национальной обороне оказался бы успешным ещё 10—11 ноября и, следовательно, национальное сознание сплотило бы народ, а революция не имела бы успеха, либо национальная оборона 10 ноября фактически сделалась, и притом за такой короткий срок с 22 октября, невозможной, — также и по мнению главного командования... но тогда, господа, доказано перед всем миром, что организовать её нам воспрепятствовала революция»⁴.

Ставя так вопрос, правые возлагали вину за поражение, за условия перемирия и дальнейшие уступки требованиям Антанты на партии веймарской коалиции и тем самым нарушали заговор молчания, которого первоначально придерживались в Веймаре. Вынуждая социал-демократов и объединившиеся с ними буржуазно-демократические партии к ответу, правые заставляли приоткрыть завесу над картиной поражения германского империализма.

Однако — и это характерно для политики веймарской «демократии» — её представители пошли на это крайне неохотно, старательно оправдываясь перед общественным мнением германского империализма. Эта черта выступлений «демократов» подчёркивала, что их не заботили интересы германского народа, которому могла принести пользу суровая правда, а не вредные иллюзии.

Ни инициативы, ни почина в деле разоблачения германских империалистов как поджигателей мировой войны и виновников бедствий и катастрофы, постигших страну и народ, демократы не проявили. Их позиция была не наступательной, а оборонительной и весьма сдержанной.

Отвечая Фёглеру и другим правым ораторам, Эрцбергер впервые рас-

¹ «Die deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919», S. 320

² Ibidem, S. 321.

³ Ziegler W. Die deutsche Nationalversammlung 1919, 1920 und ihr Verfassungswerk, S. 47. Berlin. 1932.

⁴ «Die deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919». Bd. I, S. 360.

сказал фактическую историю переговоров в Компьенском лесу. Он зачитал директиву Гинденбурга, предлагавшего немецкой делегации подписать предложенные Антантой условия перемирия, если даже и не удастся получить от Фоша тех, второстепенных, впрочем, уступок, которых немецкое командование предлагало добиваться. Сообщённые Эрцбергером факты полностью разрушали легенду «Силезской газеты», будто бы до революции в Германии Антанта готова была заключить с ней мир «вничью». Сделав это разоблачение, Эрцбергер старательно оправдывался, подчёркивая, что он решился предать гласности эти факты «только потому, что существует опасность внутривнутриполитической агитации и подстрекательства, если не сообщить об этой позиции верховного командования»¹.

Ещё большую сдержанность и заботу о том, чтобы не сказать лишнего, проявил Шейдеман. Полемизируя с правыми ораторами, Шейдеман подчёркивал, что «и в настоящий момент я не могу ещё сказать всей правды... К сожалению, мы не можем этого сделать. Мы находимся ещё сегодня в таком положении, какое бывало частенько во время войны, когда мы, даже в качестве депутатов рейхстага, должны были держать язык за зубами. Ещё и сегодня мы не находимся в таком положении, когда можем всё сказать»².

Но и то, что говорилось вынужденно Шейдеманом, Эрцбергером и другими «демократическими» политиками относительно поражения Германии и его причин, представляло реваншистское мифотворчество, отличавшееся от мифотворчества правых лишь большей утончённостью и гибкостью. В самом деле, как объясняли веймарские демократы причины поражения Германии в войне? Вскрывали ли они глубокие корни немецкой империалистической агрессии? Разоблачали ли они авантюризм кайзеровской политики и стратегии, обречённость германского империализма в войне на два фронта? Сказали ли они немецкому народу правду, что ради чуждых ему империалистических и реакционных целей он был ввергнут правящими классами в четырёхлетнюю войну и стал орудием преступной, разбойничьей политики?

Эта правда не только не вскрывалась веймарскими демократами, но старательно замалчивалась или же прямо отрицалась. В вопросе о причинах войны, о её характере и целях с германской стороны, о расчётах немецкого генерального штаба перед войной и в начале войны, никаких разногласий между демократами и правыми не было. Партии веймарской коалиции продолжали придерживаться той же шовинистической и империалистической позиции, какую они занимали в период войны, когда они призывали немецкий народ к «обороне отечества» и возлагали вину за войну на противника.

Министр юстиции социал-демократ Ландсберг говорил о главном поджигателе войны, бывшем кайзере Вильгельме II: «Я не намерен нападать на человека, которого постигло большое несчастье и относительно которого я не хочу отрицать, что его намерения были чистыми, добрыми»³. Это место в речи Ландсберга принесло ему громкое «браво» с правых скамей. Председатель Веймарского собрания и лидер партии центра Ференбах заслужил такое же «браво» с правых скамей, заявив: «Немецкий народ, наиболее миролюбивый народ в мире, не имел никакого отношения к этой войне. Он добивался лишь... скромного места под солнцем... Не знаю, возможно, что последние действия правительства перед войной и свидетельствуют против нас, как побуждение к войне, но вина за возникновение войны ложится на плечи наших врагов»⁴.

Другой деятель партии центра, Пфейфер, утверждал не менее реши-

¹ «Die deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919». S. 328.

² Ibidem, S. 372.

³ Ibidem, S. 541.

⁴ Ibidem, Bd. IV, S. 2715—2716.

тельно: «Я должен заявить здесь совершенно твёрдо, что ни кругом в стране, ни среди членов данного собрания, без всякого исключения, нет никого, кто хотел этой войны. Правда, среди населения были единичные случаи таких стремлений, но представлять, основываясь на настроениях этих небольших групп, дело так, что весь немецкий народ желал войны или был воинственно настроен, ошибочно. Тогдашние власти в Германии — я убеждён также и в этом — не хотели этой войны, и при объективном расследовании дела можно найти достаточно доказательств того, что мы были втянуты в эту войну»¹.

О чём же тогда спорили в Веймаре демократы с их противниками из правой части собрания? Предметом этого спора был вопрос, почему Германия проиграла войну. В то время как правые объявили причиной поражения «подрывную деятельность» в тылу и в армии и революцию, веймарские демократы сводили дело к неспособности кайзеровской верхушки использовать во-время первоначальные победы Германии для заключения выгодного мира. Главная причина поражения — затягивание войны авантюристической политикой Людендорфа—Тирпица — такова была «философия истории» у веймарских демократов.

Выступления Шейдемана, Давида и других социал-демократических лидеров были особенно показательными примерами этой мелкотравчатой империалистической теории. Шейдеман говорил: «Как же окончилась война? Полным крушением нашего несчастного народа, с которым четыре года подряд так жестоко обходились. Наш народ должен был пережить страшное крушение из-за безответственной военной политики, которую вели г-н Грефе и его друзья в германском рейхстаге... Когда 9 ноября вспыхнула революция, немецкий народ был совершенно изнурён, совершенно лишился сил сопротивления... Нам не нужно было доходить до столь ужасного окончания войны — таково моё твёрдое убеждение»².

Шейдеман напоминал о безуспешных стараниях социал-демократических лидеров склонить правящие круги кайзеровской Германии к идее «мира на основе примирения» после того, как стала обнаруживаться бесперспективность немецких «побед». Он объявлял ответственной за поражение не всю агрессивную политику германского империализма. В поражении, доказывал Шейдеман, виновны те, кто «безответственно» затягивал войну: «Дело зашло тогда так далеко, что мы должны были потерпеть крушение из-за политики, которая носит печать: тяжёлая индустрия, пангерманцы и Людендорф»³.

Такая фальсификация свойственна не одному Шейдеману. Ещё резче, определённое выразился в своём выступлении социал-демократ Давид. Он говорил: «Мы могли бы добиться мира на основе соглашения, при сохранении территориальной целостности (Integrität) обеими сторонами, если бы последовала честная и целеустремлённая политика в то время, когда мы ещё сохраняли силы, когда наша военная позиция ещё была непоколебима. Это было летом 1917 г.»⁴.

Таким образом, Давид сводил дело к неуспеху известного маневра германского рейхстага, принявшего «мирную резолюцию», положенную под сукно кайзеровской верхушкой. Этим неуклюжим и фальшивым по намерениям маневром—как доказывал самым серьёзным образом Давид—«была дана возможность придти к миру на основе права и обоюдной целостности, если бы эта резолюция стала определяющей и направляющей для людей, руководивших за кулисами политикой в качестве диктаторов»⁵. Виня во всём, что произошло далее, авантюристическую политику кайзеровской верхушки, Давид проговаривался и невольно разру-

¹ «Die deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919», S. 2250.

² Ibidem, S. 372.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem, S. 399.

⁵ Ibidem.

шал легенду о «добровольном» перемирии. «Так наступило то положение, что мы попали в обстановку полного военного крушения. Людендорф недостаточно оберегал на востоке двери в Болгарию. В то время как далеко на востоке шли на авантюры, салоникский фронт был заброшен. В тот момент, когда рухнула эта ключевая позиция, — Болгарии и Турции пришёл конец. К этому присоединилось крушение Австрии. На западе же ежемесячно прибывали из-за моря по 300 тыс. американцев, так что нечего было и думать о какой-либо победе. Полная изоляция и военное поражение Германии сделались неотвратимым фактом. В той ситуации, в которую нас ввергла ваша политика, — обращался Давид к правым, — было заключено это перемирие, которое можно было заключить лишь путём сдачи на милость победителя»¹.

С этой версией о причинах поражения Германии солидаризировались и лидеры буржуазно-демократических партий собрания.

Эрцбергер также винил во всём исключительно правых: «Вы виновники, вовлекшие в беду немецкий народ!» Называя Фёглера и Грефе представителями «политики отчаяния», Эрцбергер расценивал их нападки следующим образом: «Тот, кто, будучи сам виновен в проигрыше войны, чтобы свалить с себя собственную вину, кричит во весь голос: «Держи вора!»².

В последовавших за этими речами прениях позиции сторон определились в полной мере. Веймарские демократы стремились, несмотря на разногласия с правыми, обелить и оправдать германскую политику и затушевать глубокие причины поражения германского империализма. Стоит только пристальнее присмотреться к тем доводам, которыми оперировали в Веймаре противники, чтобы убедиться в наличии у них общей империалистической платформы.

В своих нападках на веймарскую коалицию правые не преминули, конечно, воспользоваться излюбленным доводом «Dolchstosstheorie» — ссылкой на «революционную пропаганду» социалистов, которая разложила «непобедимую» германскую армию и в решающий момент лишила Германию возможности организовать стойкое сопротивление наступлению Антанты. Грефе выдвигал в своём выступлении, в сущности, эту аргументацию. Ещё резче её выдвинул следующий оратор правых, депутат Трауб, выступавший 20 февраля от имени националистов. «Главная причина, по которой мы проиграли войну, — утверждал Трауб, — состояла именно в том, что в нашей немецкой армии безответственным образом проводилась подрывная работа»³.

Член «народной партии» Каль шёл ещё дальше и обвинял социалистов в катастрофе, которая будто бы могла быть предотвращена даже в самый последний момент путём затягивания немецкого сопротивления. «Несмотря на проигрыш войны, — говорил Каль, — развал, среди которого мы сейчас находимся и горюем, мог бы не наступить... этот ужасный конец, который неожиданно для нас разразился, так сказать, в одну ночь, должен был быть предотвращён, если бы вовремя — я имею в виду срок не позднее 22 октября, — как это было нам обещано, в том числе и представителями социал-демократии, была организована национальная оборона. Линию Мааса можно и должно было удерживать. Это моё предположение опирается на хорошую информацию. Тем временем враг попал бы сам в затруднительное и стеснённое положение и не мог бы стянуть и собрать необходимые средства для продолжения войны. Во всяком случае, нужно было ещё некоторое время вынести бедствие войны. Я думаю, однако, что все в этом едины — продолжавшиеся и надвигавшиеся в таком случае военные бедствия не составляли бы и сотой доли тех бедствий перемирия, которые мы вынуждены сейчас испытывать. Даже если

¹ «Die deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919», S. 400.

² Ibidem, S. 376.

³ Ibidem, S. 495.

проигрыш войны был неотвратим, то это означало развал, руины, к которым мы сползаем в силу постоянно растущей нужды, и в этом только один виновник—революция. Абсолютная неустойчивость и ненадёжность обстановки была наибольшим препятствием к быстрому заключению мира»¹.

Как же отвечали на эти доводы правых представители веймарской демократии? В чём усматривали они причины разложения армии и краха германской военной машины, этой чудовищной силы, порождённой прусским милитаризмом? Их ответ на эти вопросы повторял ту же самую, уже знакомую нам концепцию. Главную вину за разложение армии веймарские демократы возлагали опять-таки на затягивателей войны и их политику. «Была линия, на которой наша армия сохраняла единство. То была защита нашей страны, имевшая целью мир на основе соглашения, который сохранил бы в целостности нашу страну и охранил бы свободу нашего развития. Этот единственный фундамент единения армии подорвали и разрушили вы, пангерманцы и сторонники «отечественной партии»... Отсюда-то и началось разложение армии. Так что это сделали вы!»².

Так отвечал социал-демократ Давид на обвинения правых, решительно отвергая эти обвинения и подчёркивая заслуги социал-демократии в деле сохранения боеспособности немецкой армии.

Представители буржуазно-демократических партий спешили, со своей стороны, удостоверить услуги социал-демократов германскому империализму, оказывавшиеся в годы войны. Министр Готхейн, представлявший в веймарском блоке демократическую партию, взял социал-демократов под защиту, заявляя: «Кто вместе с нами работал в комитете партий большинства (рейхстага), кто работал вместе с социал-демократами, вступившими в правительство, тот знает, как преданно, самоотверженно эти люди всегда старались поддержать дух, необходимый армии, дух мужества и преданности родине, предотвратить катастрофу и вовремя добиться мира и окончания войны»³.

В своём объяснении причин разложения немецкой армии Готхейн повторял, по существу, мысли Давида. «Конечно, со стороны части независимых социал-демократов, со стороны спартаковской группы и т. п. велась безответственно подрывная работа с целью подготовить крушение. Этого мы не хотим оспаривать, — говорил Готхейн, — но эта агитация никогда не могла бы оказать такого воздействия, если бы она не нашла питательной почвы... И прежде всего создало эту питательную почву такое выставление целей войны и мира, ради которых армия, вынужденная годами выносить несказанные трудности, должна была снова нести жертвы, ради которых она должна была и далее вести безнадежную войну»⁴.

Нетрудно заметить, что в этом споре обе стороны Веймарского собрания были едины в отрицании исходных причин поражения Германии: её обречённости в войне на два фронта, в войне с неравными силами, в войне, в которой силы врага нарастали, а силы Германии убывали, в затяжной войне на истощение, изоляцию Германии на международной арене, явившуюся следствием всей предвоенной агрессивной политики ещё с бисмарковских времён. Веймарские демократы, как и их оппоненты, искали причины поражения Германии лишь в политических ошибках и промахах, допущенных в ходе войны и даже более узко — к концу войны. Известный пангерманец Науман, автор программы «Серединной Европы», а после революции 9 ноября — один из руководителей демократической партии, говорил в Веймарском собрании: «Война велась тех-

¹ «Die deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919», S. 528—529.

² Ibidem, S. 401.

³ Ibidem, S. 509.

⁴ Ibidem, S. 508.

нически блестяще, но её вели несчастливо в отношении человеческой психологии»¹.

Правые критиковали предпринятую кайзеровской верхушкой в последнюю минуту показную «демократизацию» германского государственного строя и видели в этом одну из причин разложения и потрясения германской мощи. «Мне представляется главным следующее, — говорил в своей речи правый депутат Трауб, — у нас не было во время войны ни одного великого государственного человека. Мы оставили без внимания предостережения Бисмарка о том, чтобы в минуту опасности для империи не передвигать границ политической власти между монархом и народным представительством»².

Науман утверждал обратное. По его мнению, вся беда была в том, что «слишком поздно занялись демократизацией немецкого народа, не сделали вовремя выводов из всеобщей воинской повинности и массового характера народной армии»³. На воздыхания правых об отсутствии у Германии во время войны государственного мужа, который смог бы реализовать военные победы, Готхейн отвечал в том же духе, что и Науман: «Да, но как же мог появиться великий человек при системе, которая постоянно ставила государственного деятеля в зависимость от военных влияний, проявлявших себя в коронных советах и кабинетной политике»⁴.

И правые и «левые» веймарцы испытывали, в сущности, одинаковую горечь по поводу отсутствия у Германии в годы войны государственного мужа а ля Бисмарк. Общую затаённую мысль обеих сторон открыто высказал гессенский депутат Бекер, представитель «народной партии». «Трагическая судьба германского народа, — говорил Бекер, — состояла в следующем: возле победоносных генералов не было какого-либо Бисмарка, который сумел бы перечеканить их неслыханные победы на полях сражения на соответствующие им мирные переговоры»⁵.

В этой фразе наиболее ярко была выражена сущность рассуждений заседавших в Веймаре «демократсз», равно как и их правых критиков, по поводу постигшей германский империализм катастрофы. В Веймаре изучался по свежим следам событий опыт войны 1914—1918 гг., для того чтобы найти упущенные возможности победы германского империализма и, учтя этот опыт, «переиграть» войну.

Этот взгляд на уроки поражения, присущий Эберту, Шейдеману, Эрцбергеру и другим представителям веймарской коалиции, выдавал их тесную связь с германским генштабом, в согласии с которым они строили всю свою политику. Но и те демократические элементы Веймарского собрания, которые не были политическим орудием генштаба и не обнаруживали в своих выступлениях прямой связи с заправками германского империализма, не могли отделаться от этой точки зрения. Делая робкие попытки отхода от прошлой агрессивной политики Германии, они не решались на окончательный и полный разрыв с ней, не рвали с ложно понятой «национальной» идеей и оставались, в сущности, на старых позициях прислужничества империализму. Сколько-нибудь последовательная критика германского империализма и его агрессивной политики до и во время войны в стенах Веймарского собрания звучала лишь в отдельных выступлениях независимых социал-демократов (например Луизы Циц). Но подлинный голос немецкой демократии по этому вопросу надо искать вне стен Веймара — среди спартаковцев, левых независимцев и других передовых элементов немецкого народа.

Надо особо отметить то место, которое занял в прениях о причинах поражения Германии русский вопрос, а именно вопрос о влиянии, какое

¹ «Die deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919», S. 129.

² Ibidem, S. 495.

³ Ibidem, S. 129.

⁴ Ibidem, S. 507.

⁵ Ibidem. Bd. IV, S. 2100.

оказала на судьбы Германии брестлитовская политика немецкого империализма. По вполне понятным соображениям, у веймарских политиков не было никакого желания углубляться в этот щекотливый для них вопрос или даже касаться его сколько-нибудь серьёзно. Грабительский, разбойничий Брестлитовский мир, силой навязанный германским империализмом молодой Советской республике в тот период, когда она стояла ещё безоружной перед лицом сильного и вооружённого до зубов германского зверя, был свеж в памяти. Он стоял перед глазами всего мира красноречивым предупреждением о той участи, которую готовили немецкие империалисты побеждённым, если бы им удалось одержать победу. Он лишал Германию всякого морального права апеллировать к мировому общественному мнению и разжалобить его по поводу своей участи. Более чем какой-либо другой акт злодейства, совершённый германским империализмом во время войны, Брестлитовский мир делал бессмысленными жалобы со стороны побеждённой Германии и смехотворно-лицемерными её миролюбивые жесты и заверения. Однако, так или иначе, этот вопрос упрямо всплывал на поверхность и фигурировал в рассматриваемых нами дебатах. Их характерной чертой было стремление выторговать у Антанты компромиссный мир путём запугивания её опасностью победы большевизма в Европе, если Германия будет полностью обессилена.

Правые ораторы старались представить большевизм главным источником разложения германской армии. Типичным образчиком такой фальсификации вопроса были разглагольствования депутата Каля. Касаясь положения дел в германской армии к концу войны и признавая допущенные офицерами «ошибки» в обращении с солдатами, Каль говорил: «Но у всех перед глазами ясно стоит всё же одна вина, вина большевизма, который отравил наш столь прекрасный в прошлом флот и поколебал наши фронтовые части»¹.

С другой стороны, правые не останавливались и перед своеобразной «критикой» Брестлитовского договора. Эта критика носила характер ничуть не менее империалистический, чем сама брестлитовская политика кайзеровских разбойников. Они осуждали не грабительскую и аннексионистскую сущность Брестлитовского договора, а самый факт переговоров с Советской Россией. Известный уже нам Трауб поставил вопрос наиболее отчётливо и ярко: «Мы подвергли тягчайшему испытанию правовой инстинкт нашего немецкого народа в тот момент, когда, с одной стороны, мы вступили в переговоры с петербургскими большевиками, а с другой, — вели борьбу с большевиками на Украине как преступниками против правопорядка. С этого момента в наше немецкое чувство въелась правовая неуверенность. Эту правовую неуверенность и использовали затем те, кто хотел погубить Германию»².

Однако затеянный Траубом разговор о «правовом инстинкте» не сулил немецким разбойникам ничего хорошего. Даже на фоне веймарского лицемерия он выделялся своим цинизмом. Кто же мог забыть о вопиющем попрании Германией правовых основ в только что закончившейся войне?! Кто мог забыть насилия и грабежи, которые чинили немецкие оккупанты в Бельгии и во Франции, в Сербии и Румынии?! Ещё свежи были в памяти пиратские действия немецких подводных лодок, топивших мирные корабли с женщинами и детьми! Ещё стояли перед глазами дикое насилия немецких разбойников над поляками, латышами, литовцами, белоруссами и украинцами!

Смущённые неуклюжей выходкой Каля, веймарские демократы сочли уместным отмежеваться от зарвавшегося апологета кайзеровского империализма. Готхейн признал печальную необходимость учитывать упрямые факты германского «правового сознания» и напомнил правым о том, что «правовое сознание в немецком народе было и без этого потря-

¹ «Die deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919», S. 528.

² Ibidem, S. 495.

сено многими действиями в этой войне и прежде всего тем, что милитаризм с самого начала не имел никакого ощущения того, что разрешено международным правом»¹. В подтверждение Готхейн привёл, однако, весьма малую часть тех преступлений, которые совершала немецкая военщина в годы войны. Он решился лишь напомнить принудительные работы, на которые отправляли немецкие оккупационные власти гражданское население в Бельгии, Прибалтике и других местах. И эта «робость» не была случайной. На сколько-нибудь смелую критику немецкой военщины и грабительской политики кайзеровского военно-политического руководства веймарские «демократы» не решались. Вместе с тем они стремились «отмежеваться» от этой политики и возложить ответственность за неё на вчерашних хозяев Германии. Критика демократов и здесь не выходила за рамки, диктуемые стремлением добиться снисходительного мира, получить возможность воздействия в этом направлении на общественное мнение стран-победительниц.

В этом и состоял секрет той лицемерной критики, которую позволили себе ораторы веймарской коалиции относительно Брест-Литовского договора.

Министр Ландсберг, один из руководящих политиков социал-демократического лагеря, говорил о Брест-Литовске так, как если бы ответственность за этот мир несли исключительно правые, упустившие очередную возможность привести войну к благополучному для Германии окончанию. Такую возможность социал-демократы видели в ликвидации восточного фронта в итоге русской революции. «Разразилась русская революция. Она была для Германии божьим даром. Теперь была дана возможность добиться всеобщего мира посредством честного, добросовестного соглашения с Россией. Но старая система сумела втоптать в грязь этот божий дар... Этим господам всё казалось мало. Повсюду открывали они немецкую землю. В районах, насчитывавших три, четыре, семь процентов немецкого населения, надо было спасти германскую культуру, эти районы, безусловно, нужно было аннектировать. Дар, которым являлась русская революция, был растрочен, и тем самым была решена участь Германии»².

Однако явные усилия веймарских демократов сбросить с себя груз брест-литовской политики не имели успеха. Их запоздалые признания не достигали цели. Во-первых, они констатировали лишь очевидные факты провала всей германской политики на Востоке. Во-вторых, и это — самое существенное, такими признаниями ещё больше подчёркивалась ответственность всех веймарских партий за брест-литовскую политику. Умалчивая о той роли, какую играли партии веймарской коалиции в период брест-литовских переговоров, поддерживая аннексионистскую политику кайзеровской верхушки, веймарские демократы лишней раз демонстрировали своё лицемерие и делались лёгкой мишенью для стрел противников. И независимые социал-демократы, представлявшие оппозицию «слева», и крайние правые не преминули воспользоваться этой возможностью. Им нетрудно было показать несостоятельность попыток партий веймарской коалиции уйти от ответственности за брест-литовскую политику. Гаазе, лидер независимых социал-демократов, указывал на то, что «буржуазные партии и правые социал-демократы вовсе не представляют той белоснежной невинности, какую они сейчас изображают из себя»³. Устанавливая, что все буржуазные партии защищали и поддерживали Брест-Литовский договор, Гаазе напоминал деятелям веймарского блока их недавнее прошлое: «Не кто иной, как г-н Эрцбергер, горячо оправдывал Брест-Литовский мир и голосовал за него. Этого также не выкинешь за

¹ «Die deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919», S. 508.

² Ibidem, S. 548.

³ Ibidem, S. 379.

борт!»¹. Гаазе умолчал, однако, о том, что Брестлитовский договор фактически поддерживали и социал-демократы большинства, которые не голосовали в германском рейхстаге против него, а по-иезуитски воздерживались от голосования, чтобы «и невинность соблюсти и капитал приобрести» в глазах германского империализма. Независимые социал-демократы не хотели распространяться на эту тему, так как у них у самих было рыльце в пушку: с самого начала войны они покрывали позицию социал-шовинистов и до конца войны не переставали призывать немецких рабочих к «защите отечества», оказывая этим ценную услугу германскому империализму.

Правые партии также не оставались в долгу у своих «критиков» и, со своей стороны, напомнили веймарцам о круговой ответственности за брестлитовскую политику. «Вы, г-н Эрцбергер, повторяете с большой горячностью эти упрёки,— отвечал Штреземан на критику аннексионистской программы пангерманцев,— но вам известно также, что есть много людей, которые видят причину катастрофы в Брестлитовском мире, а этот Брестлитовский мир вы, г-н Эрцбергер, защищали в старом рейхстаге и заявляли, что, по вашему мнению, он вполне согласуется с мирной резолюцией рейхстага»².

Эти ответные реплики попадали не в бровь, а в глаз многим деятелям веймарского блока, особенно тем лидерам партии центра и демократов, которые в своё время открыто поддерживали грабительский Брестлитовский мир. Их нечистую совесть, их нежелание идти на честный разрыв с аннексионистским прошлым выдавали те увёртки, которыми они пользовались для самооправдания в вопросе о Брестлитовском мире.

Так Эрцбергер пытался отвести от себя обвинение, выдвинув насквозь фальшивое и нелепое объяснение мотивов, по которым он защищал Брестлитовский мирный договор. Эрцбергер уверял теперь, что он выступал за Брест и считал этот мирный договор соответствующим «мирной резолюции» рейхстага с тем условием, что провозглашённое в Бресте «самоопределение наций» будет на деле осуществлено. Но, говорил теперь Эрцбергер, по вине кайзеровского правительства и правых партий это самоопределение осуществлено не было, и здесь также лежит причина крушения Германии³.

Другие деятели центра, чувствуя несостоятельность объяснений Эрцбергера, строившего из себя «наивного» человека, будто бы не понимавшего разбойничьей сущности брестлитовской политики Германии, пытались оправдать её соображениями «военной необходимости». Так поступал, например, член партии центра д-р Пфейфер, заявлявший о Брестлитовском мире, что «во всех этих мероприятиях дело шло не о создании длительного мира, а лишь о мерах, принимавшихся в ходе войны во вражеской стране под давлением военных обстоятельств»⁴.

Но ещё более, чем эти жалкие увёртки и ухищрения, истинную цену «критики» брестлитовской политики Германии показывали те речи веймарских демократов, в которых развивались их взгляды на русско-германские отношения в будущем. Речи эти, полные злобной ненависти к Советской России, настойчиво и назойливо взывали к Антанте о совместной «борьбе с большевизмом» при активном участии Германии. Известные факты продолжавшейся и после поражения Германии интервенции немецких войск в Прибалтике и Литве не вызвали в Веймаре протеста и осуждения ни со стороны социал-демократов большинства, ни со стороны партии центра и демократической партии. Находясь у власти, партии веймарской коалиции ни на йоту не изменили враждебного, интервенционистского курса внешней политики Германии в отношении Советской

¹ «Die deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919», S. 379.

² Ibidem, S. 461.

³ Ibidem, S. 397—398.

⁴ Ibidem, Bd. IV, S. 2252.

России и продолжали в меру сил и возможностей эту политику побеждённого германского империализма.

Не менее характерны, с другой стороны, те концепции русско-германских отношений, которые развивали в веймарских дебатах представители «демократической» Германии. В этих концепциях выпирали наружу те же империалистические расчёты, которыми руководствовалась брестлитовская политика кайзеровской Германии, — расчёты на возможность «поправить» дела германского империализма за счёт России, её ограбления и порабощения. Буквально на другой день после поражения Германии веймарские демократы стали строить планы возобновления «Дранг нах Остен», формы которого в силу необходимости носили бы более «мирный» характер, но существо которого оставалось неизменно империалистическим. Характерно, что наибольшую активность в этих поисках путей нового немецкого «Дранг нах Остен» проявляли политики партии центра. Один из них, депутат Шлак, рисовал с трибуны Веймарского собрания перспективы русско-германских отношений в следующем виде: «От России в будущем мы сможем получить то, в чём мы нуждаемся в германском отечестве. Само собой понятно, что от Советской России мы ничего не получим, так как там нет никакого порядка, никакой работоспособности. Но когда в России снова наступят лучшие обстоятельства, когда снова будет палицо трудящаяся Россия (!), тогда, я думаю, с востока мы будем иметь то, чего мы хотим. Россия может дать нам те продукты питания, в которых мы нуждаемся, Россия может взять у нас то, что мы имеем, промышленные товары и т. д. Россия может, также, принять от нас тот благороднейший товар, который мы вскоре должны будем вывозить, а именно людей, которые должны переселяться... (совершенно правильно! — реплики из фракции центра)... Будет гораздо правильнее, если человеческий поток переселенцев пойдёт в Россию, чем в неприятельские страны, где нас всё же не почитают» (одобрение в центре ¹).

Эта колонизаторская программа не была чем-то индивидуальным или же свойственным одной партии центра. Наоборот, её разделяли в той или иной мере все партии веймарской коалиции; ей отдали дань даже деятели «независимой» социал-демократии. Позиция последних являлась, может быть, наиболее характерным показателем того, насколько распространённой и укоренившейся в среде немецкой демократии была империалистическая программа германской экспансии в Россию. Гаазе, выступавший в Веймаре в роли лидера оппозиции слева и осуждавший антисоветскую политику веймарской коалиции, доказывал с помощью доводов, почерпнутых из той же империалистической программы немецкого «Дранг нах Остен», выгоду для Германии от скорейшего возобновления отношений с Советской Россией. «Что нам делать в будущем с избытком интеллигенции? — вопрошал Гаазе депутатов Веймарского собрания. — В России же они имеют широкое поле деятельности» ².

Происходившая на такой империалистической платформе взаимная перебранка правых и «левых» защитников германского империализма о Брестлитовском договоре была лишена принципиального значения и лишь подчёркивала их коллективную ответственность за аннексионистскую политику Германии в войне 1914—1918 годов. Нельзя было не согласиться с замечанием Трауба, бросившего в лицо своим оппонентам из «демократического» лагеря: «Пангерманцы сидели и сидят во всех партиях» ³.

Эта истина вполне обнаружилась в веймарских дебатах о причинах поражения Германии. Вот почему разыгрывавшиеся прения и взаимные обвинения вызывали беспокойство у более дальновидных представителей правых и демократов; эти прения грозили неприятными разоблачения-

¹ «Die deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919». Bd. IV, S. 2509.

² Ibidem, Bd. I, S. 252.

³ Ibidem, S. 493.

ми и могли затруднить немецкому империализму борьбу за компромиссный мир.

К числу таких встревоженных ходом прений политиков принадлежал Штреземан, искушённый защитник интересов монополистического капитала и глашатай пангерманской программы. Выступая ещё в первые дни веймарских дебатов о причинах поражения Германии, Штреземан добивался их прекращения и заявлял: «Не лучше ли мы поступили бы, уяснив всё же себе, что для суждения о том, кто виноват в крушении империи, необходима дистанция, отдаляющая нас от предмета, необходимо оглашение фактов, о которых мы сегодня многого не знаем. Посмотрите только на следующее: если вы будете рассматривать историю партий и фракций, то увидите, что поведение партий и фракций старого рейхстага в период войны не всегда отличалось большой последовательностью, и тот, кто сегодня бросает здесь другому упрёк в том, что он держался до конца своих принципов, подчас забывает, что было время — и не так давно, — когда те же нападки, какие он делает на других, направлялись и против него»¹.

С опытностью прожжённого политика Штреземан предостерегал веймарских демократов, что выяснение вопроса о причинах поражения неизбежно скомпрометирует их самих. Штреземан подчёркивал с полным знанием дела то обстоятельство, что «тяжёлая индустрия представлена во всех буржуазных партиях данного собрания, а не только у правых», и что известные аннексионистские документы германского империализма в годы войны вроде «программы шести хозяйственных союзов» составлялись при участии демократов.

«В демократической фракции Национального Собрания, — указывал Штреземан, — сидят выдающиеся члены, которые участвовали в подписании этой декларации, а партии центра не следовало бы забывать того, что христианско-католический крестьянский союз... соучаствовал в её составлении. Я думаю, что относительно всех этих вещей нужно сказать одно: дождитесь-ка той дистанции, с которой только и можно выяснить, каков был ход этих вещей в военном, хозяйственном и политическом отношении»².

Этот призыв Штреземана не остался не услышанным на скамьях веймарской коалиции.

По мере того как дискуссия разрасталась, эти опасения начинали охватывать всё более широкие круги веймарской коалиции. Отказываясь разоблачить перед немецким народом те преступные силы, которые сделали его орудием разбойничьей политики и зажгли пожар мировой войны, не желая сажать эти преступные силы на скамью подсудимых, стараясь, наоборот, спасти их от суда немецкого народа и истории и укрыть от разгрома, — веймарские демократы видели в дальнейшем обсуждении причин поражения Германии угрозу «национальному единству», помеху делу борьбы за компромиссный мир с Антантой. В глазах этих демократов правые партии, начав свою атаку против веймарской коалиции, были прежде всего виновны в подрыве того единого национального фронта, который так старались сохранить веймарцы перед лицом Антанты. Лидер центра Гребер заклинал правых воздержаться от продолжения нападков на Эрцбергера, обещая в свою очередь лояльное отношение партии центра к правым.

Лидер демократов Гаусман уверял правых в том, что веймарская коалиция не ставит своей задачей «генеральное сведение счетов с правыми партиями», и призывал направить дебаты к тому, чтобы «занять перед внешним миром единую и сплоченную позицию».

Социал-демократический министр Ландсберг в свою очередь упрекал правых в том, что их выкладки и рассуждения о возможности для Герма-

¹ «Die deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919». Bd. I, S. 394.

² Ibidem, S. 394.

нии продолжать ещё и в ноябре 1918 г. военное сопротивление Антанте «являются не очень государственным перед лицом того факта, что тяжёлые условия перемирия, возложенные на нас Антантой, вновь и вновь обосновываются опасениями, что мы могли бы снова продолжать войну»¹.

Этот призыв к «государственному долгу», к «государственному разуму», которым теперь оперировали веймарские демократы, был весьма характерным для их позиции. Роли менялись. Если в кайзеровском рейхстаге «государственный разум» был тем оружием, на монопольное обладание которым претендовала юнкерско-милитаристическая верхушка, то теперь в Веймаре тот же «государственный разум» явным образом перекочевал в лагерь демократов, сделавших его ходким аргументом против правых. И действительно, выступления правых империалистических зубров, нетерпеливо разворачивавших знамя реванша, грозили разоблачить и без того нехитрую маску, которую напялили на германский империализм после его поражения веймарские демократы. То была маска «новой Германии», в которой после революции якобы сокрушены и исчезли милитаризм, империализм, агрессивный дух пруссачества.

Ничто, может быть, не является более убийственным свидетельством преступного служения веймарской демократии германскому империализму, чем бесчисленные её заявления о «новой Германии» и радикальном разрыве её с кайзеровской Германией.

Особенно решительно звучали заявления социал-демократов большинства, которые задавали тон речам о «новой Германии». Открывая Веймарское собрание, Эберт заявил: «Ради чего сражались, по их собственному признанию, наши противники? Они боролись, чтобы уничтожить милитаризм. Он повержен в прах и больше не воспрянет. Старые основы немецкого могущества навсегда сокрушены. Прусская гегемония, гогенцоллерновская армия, политика бронированного кулака стали у нас невозможными на все будущие времена»².

Это лживое заявление Эберта было подхвачено всеми ораторами веймарского блока и стало лейтмотивом их речей. О них стоит здесь напомнить, чтобы должным образом оценить роль веймарской демократии в послевоенных делах германского империализма и её ответственность за возрождение сил германской агрессии. Эберту вторил лидер демократической партии Гаусман, подтверждавший, что «империализма больше нет, милитаризма тоже больше нет»³. Науман уверял всех в том, что план вечно мира «вышел из среды немецкого народа» и «глубоко коренится в немецкой душе»⁴. Грёбер от имени партии центра заверял, что «шовинизм у нас, немцев, вырван теперь с корнем... мы отказались от всякой военной муштры»⁵.

Эрцбергер говорил: «Мир знает, что Германия не хочет вести новой войны»⁶, а социал-демократический депутат Мюллер от имени своей фракции не только подчеркнул согласие с Эрцбергером, но и шёл дальше: «Я хотел бы от имени своей фракции добавить, что мы не только сегодня, но и в будущем не будем вести никакой войны и не хотим вести никаких войн, что мы, не в малой степени с помощью наших женщин, хотим умертвить в подрастающем поколении всякие насильственные инстинкты, что мы хотим увидеть выросшим такое поколение, чтобы уже одним его воспитанием был гарантирован длительный мир во всём мире»⁷.

¹ «Die deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919». Bd. I. S. 543.

² Ibidem, S. 5.

³ Ibidem, S. 357.

⁴ Ibidem, S. 131.

⁵ Ibidem, S. 122—123.

⁶ Ibidem, S. 301.

⁷ Ibidem, S. 348.

Прозрачные мотивы этих бесчисленных заявлений, рассчитанных на обоснование германского требования «равноправного» мира с Антантой, не могли укрыться от наблюдателей процесса рождения Веймарской республики. Эти мотивы неоднократно приводились в веймарских дебатах самими представителями демократического лагеря, когда они обрушивались на «бестактные выходки» нетерпеливо реваншистских элементов правого лагеря. Социал-демократ Мюллер рассказывал о том, что на бернской конференции социалистов II интернационала, происходившей в феврале 1919 г., ему пришлось постоянно слышать от делегатов других стран указания на то, что немецкая пресса всё ещё полна прежних шовинистических идей. «Мы постоянно должны были говорить людям, что эти господа являются в нынешней Германии лишённым влияния меньшинством»¹, — говорил он. Мюллер требовал поэтому от веймарских ораторов «во всех наших высказываниях и во всех наших действиях вонне показать, что мы имеем действительно новую Германию» и что молодая германская республика «не является лишь камуфляжем, болтовнёй или надутельством»².

Однако веймарские речи о «новой Германии» могли обмануть только того, кто хотел быть обманутым. Действительность «новой Германии» на каждом шагу опровергала веймарские мифы, независимо от «бестактной» откровенности правых. Веймарскую демократию выдавали с головой тесное сотрудничество социал-демократов с кайзеровским генералитетом, сохранение костяка германской армии и её генерального штаба, формирование новых многотысячных кадров реакционной военщины под видом «добровольческих» войск, их кровавые экспедиции в центры революционного движения в стране, фактическое продолжение военных действий немецких войск в западных районах Польши и в Прибалтике. «Новая Германия» сама изобличала себя политикой сохранения основ империалистического могущества и экономической базы германской агрессии, тесным сотрудничеством с военщиной, борьбой против революционно-демократических элементов германского народа.

Многочисленные факты этого сотрудничества и всяческого сохранения сил германского милитаризма под покровом «новой Германии», которые приводили в своих речах и выступлениях представители независимой социал-демократии, не были, конечно, секретом. Французские наблюдатели уже сформулировали свой вывод о том, что чем более в Германии всё меняется, тем более всё остаётся по-старому. Оратор правых, депутат немецкой национальной партии Шульце-Бломберг не выдавал никакой тайны, когда заявил, обращаясь к правительственным скамьям в Веймарском собрании: «Если сегодня г-н рейхсканцлер говорил о милитаризме и выразил свою радость, что мы одержали всё же одну победу, а именно победу над милитаризмом, то я хотел бы тогда его спросить: г-н рейхсканцлер, сидели ли бы вы и все господа министры ещё там, где вы сидите, если бы вас не защищали остатки старого милитаризма?»³.

Кровное родство «нового» милитаризма Веймарской республики со старым, кайзеровским милитаризмом наиболее реакционные представители последнего признавали достаточно откровенно. Луиза Циц, выступая от имени независимых социал-демократов в Веймарском собрании, сообщила, например, о красноречивом заявлении известного Ольденбурга-Янушау, матёрого представителя прусского юнкерства. В своей речи на общем собрании «союза сельских хозяев» Янушау заявил, что он охотнее видел бы на стороне кайзера Носке с его принципом «применять силу против силы», чем принца Макса Баденского⁴.

¹ «Die deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919». Bd. I, S. 344.

² Ibidem. S. 347.

³ Ibidem. Bd. IV, S. 2305.

⁴ Ibidem. Bd. I, S. 523.

Многочисленные похвалы, которые расточали по адресу Носке самые реакционные и свирепо шовинистические элементы германского империализма, характеризовали не одну только их внутриполитическую программу. Имя Носке, персонифицировавшее союз веймарских «демократов» с реакционной военщиной и олицетворявшее немецкий милитаризм в новой форме, выставлялось правыми в качестве образца для подражания и во внешней политике. Характерным в этом отношении было, например, полу-ироническое обращение националиста Трауб к Брокдорф-Ранцау при обсуждении программы внешней политики правительства. «Я хотел бы, чтобы г-н министр граф Брокдорф присел возможно ближе к г-ну Носке, с его самобытной свежей силой и чтобы он как можно больше перенял нерепфлекторную немецкую гордость г-на Носке»¹.

Если вдуматься в смысл такого отношения к «кровавой собаке» Носке со стороны правых партий в этот период, то представится ясным, что за ним скрывались ранние поиски того знамени реакционной диктатуры для подготовки новой войны, которое потом обрели германские империалистические зубры в лице гитлеровского «национал-социализма».

Но не только высказывания правых разоблачали тактику миротворческого мифа, его лживые утверждения о ликвидации германского милитаризма. Сами веймарские демократы в ряде случаев достаточно откровенно высказывались вразрез со своим мифом. Достаточно указать на их отношение к пруссачеству и Пруссии. Так, министр финансов демократ Шиффер, подчёркнуто заявлял в своей речи в Веймарском собрании: «То, что немецкий народ вырос на основе прусской государственности... является таким преимуществом, которого я не стал бы сдавать»². Так, Гаусман, негодуя по поводу мирных условий, требовавших возвращения Польше территории Познани и Восточной Силезии, восклицал: «Пруссию решили растерзать, и я, южный немец, заявляю, что это такой удар по самому стержню Германии, который всеми нами глубоко переживается»³. Общую мысль не только правых, но и многих демократов в отношении Пруссии выразил депутат Каль, утверждавший, что «лучшее приданое, которое может взять с собой молодая немецкая республика, отправляясь с божьей помощью в путь счастливой жизни, она получит от прусского королевства»⁴.

Последующая история показала с предельной ясностью, какой солидный багаж пруссачества, милитаризма и агрессивной политики заботливо уложила везеймарская демократия в дорогу Веймарской республике. Немалую часть этого багажа составили империалистические мифы, создававшиеся, как мы видим, не только правыми, но и «левыми» слугами германского империализма. По-разному фальсифицируя жестокие уроки истории, эти мифы одинаково прикрывали от немецкого народа правду о подлинных причинах поражения Германии в мировой войне и об ответственности её правящих классов за преступления немецкой империалистической агрессии. Веймарские мифы послужили идеологическим источником для реваншистских идей и облегчили возрождение и возобновление немецкой агрессии, подготовку Германией новой захватнической войны.

¹ «Die deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919». Bd. I, S. 486.

² Ibidem. Bd. IV, S. 2221.

³ Ibidem. Bd. IV, S. 2669.

Ibidem Bd. I, S. 530.

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

ИЗ ИСТОРИИ БЕЛОМОРКАНАЛА

Путь, которым прошёл Беломорско-Балтийский канал, был издавна известен нашим предкам.

К концу XIII в. уже вполне определилась тяга Новгорода к сказочному «окиян-мору», в страну «полунощную», населённую «страшными сыроядцами лоплянами» (лопарями. — А. П.). Туда ездили новгородские ушкуйники за пушвиной, морским зверем, рыбьим зубом, за высоко ценившимися на новгородском рынке «лопскими ножами», сделанными лопарями в самодельных «домницах» из болотной руды. Из Новгорода к Белому морю путь шёл Волховом, Ладожским озером, рекой Свирь, Онежским озером. От северного пункта Онежского озера (теперь там находится город Повенец) или Волозером, Маткоозером, Выгозером, через «мхи и озёра и перевозы через озёра многие», через пороги и водоразделы, где гашили лады голоком, а затем выходили рекою Выг в Сорокскую губу, или рекою Сумой к Нюхче.

Память об этом пути долго хранилась в народе, вошла и в «жития святых»: по преданию, основатель Соловецкого монастыря Савватий в 1436 г. приплыл на карбасе в устье реки Выг, в село Сорочи, и там встретился с новгородским игуменом Нафанейлом, приплывшим по Выгу. С конца XIV в. Москва твёрдою ногою стала на Двинско-беломорском торговом пути, владея ключом к нему — Шекснинско-Кубенским волоком. В 1526 г. «с моря окияна из Кандопожской губы от дикой Лопи» послы едут уже в Москву¹.

Решительным моментом в использовании Беломорского пути следует считать начавшуюся при Грозном торговлю Москвы с Англией. Когда Иван Грозный предоставил англичанам право свободно торговать в России, то для этой цели была учреждена в Лондоне особая компания. В 1566 г. английская торговая компания, монополизировавшая в устьях Северной Двины московскую заграничную торговлю, послала своих агентов Томаса Соутэма и Джона Спарка «провесть» дорогу от Белого моря через Новгород к Нарве. Их лодки, гружёные товарами, вели опытные кормчие поморы. Соутэм и Спарк оставили описание своего путешествия. Из него видно, что ехали они

тем путём, через который три с половиной века спустя прошёл Беломорканал (упоминаются Сорочка, р. Выг, Выгозеро, р. Теленкинка, Повенец). Благодаря покровительству Грозного торговля с Англией приняла широкие размеры. Успехи англичан вызвали конкуренцию голландцев. Антверпенская торговая компания отправила своего агента Симона фон Салингена искать счастья в далёкой Московии; он едет, судя по составленному им описанию своего путешествия, тем же путём, каким ездили англичане. За Голландией были закреплены пристани в Пудожском устье и на Коле; здесь разрешалось приставать и французам.

В XVII в., в годы разлуки и вражеской интервенции, путь к Белому морю «засорился»; им больше не пользуются для торговых целей. Лишь мелкие группы богомольцев с разных мест необъятной России пробираются в Соловецкий монастырь от Повенца к Сорочке и Суме по озёрам, протокам и речкам старинной водной дорогой. Но путь этот не был забыт. «Книга большого чертежа», составленная в первой половине XVII в., совершенно точно определяет расстояние между реками и озёрами на Беломорском пути.

Положение резко изменилось при Петре I. Он вспомнил о пути, ведущем от Белого моря к Ладожскому озеру, и оценил его стратегическое значение для борьбы против Швеции. Здесь прошла петровская «осударева дорога».

Указом 8 июня 1702 г. присарю Преображенского полка Ипату Мухину было повелено ехать «из Архангельска морем», добраться до «Онеги реки, а сею рекою» плыть дальше «для проведывания ближайшего и способного водяного и сухого пути». Затем это поручение выполнял сержант Преображенского полка Михаил Щепотьев.

5 августа 1702 г. Пётр писал из Архангельска Ф. М. Апраксину: «Мы с полками только ветру ожидаем, который получив пойдём по морю до Нюхчи, и оттоль, переправясь сухим путём на Онегу озеро, а из того озера Свирью в Ладогу». На 13 кораблях с четырёхтысячным войском и довольствием, которого хватило бы на долгую бескормицу, пустился Пётр в море. 10 августа он уже бросил якорь у Соловков и послал сюда разведчиков высмотреть, нет ли поблизости шведской эскадры.

Между тем Щепотьев сообщал из Повенца: «Известную тебя, государь, дорога го-

¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VI, стр. 282.

това и пристань и подводы и суда на Онеге готовы; а подвод собрано по 2-е августа 2000, а ещё будет прибавлено». От разведчиков тоже получена была «ведомость с моря, что на кораблях идти можно». 15 августа при попутном ветре Пётр поплыл к деревне Соловецкого монастыря Нюхче, где его ожидали собранные Щепотьевым 5 тыс. каргопольских, олонекских и белозерских крестьян с подводами. По прибытии в Нюхчу Пётр вернул весь флот, за исключением двух яхт, в Архангельск, а сам с войском, приближёнными и крестьянами двинулся дальше. Двинские летописи сообщают: «1702 году августа 17 дня великий государь благоволил шествовать с воинством своим... через Нюхоцкую волость к Онег озеру на Повенецкой погост лесами, мхами и болотами, расстоянием от Нюхоцкой пристани 160 вёрст, ...а люди тянули на себе две яхты от взморья до Повенецкой пристани; оттуда шествовал великий государь на судах озером Онегою..., и пришёл с воинством своим на град Орешек... и град той взял, и победа бысть преславная»¹.

Путь следования Петра был таков: от Нюхчи до Пулозера «лесом и мхами» 40 вёрст; от Пулозера до Вожмосальмы «лесами ж и болотами» 40 вёрст; от Вожмосальмы до Выги реки лесом 15 вёрст; от Выги реки до деревни Теленки лесом 25 вёрст; от Теленки до Повенца «лесами и болотами» 40 вёрст. В лесах были прорублены просеки в 3 саж. шириною. По всей дороге был положен дощатый настил. Шли непроходимыми дебрями, непролазными болотами, но попадались и места «зело каменистые». Через реки перекидывались мосты «на клетках», озёра переплывали на плотах. Всё расстояние от Нюхчи до Повенца было пройдено в 10 дней. Выйдя 26 августа от Повенца, через Онежское озеро и по реке Свирь, Пётр с войском приплыл к Ладожскому озеру. Плаванию мешали бури; весь путь от Нюхчи до Ладожского озера занял 17 дней. 28 августа Пётр писал польскому королю: «Мы ныне в походе близ неприятельской границы обретаемся»².

Проложенный Петром путь получил название «сударевой дороги». Он имел важное стратегическое значение, способствуя тому, что 11 сентября был взят Нотебург — Орешек — Шлиссельбург, который являлся ключом к реке Неве.

¹ Титов А. Двинская летопись. М. 1889, стр. 127. См. тоже «Воспоминания о величайшем пришествии великого государя Петра I». Олонекские губернские ведомости. Прибавление. 1841. №№ 25, 26, 27.

² Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук. Воронцовский фонд № 520. «Исторические примечания о древности Олонекского края и о народах прежде там обитавших и топографическое описание о городах и уездах Олонекского наместничества», л. 13; фонд № 497 «Историческое и топографическое и камеральное описание городов», л. 14 об. Обе рукописи второй половины XVIII века.

Во время Великой Северной войны «сударевой дорогой» проходили войска, перевозились военные запасы в Петербург. В интересах обслуживания дороги Пётр запретил преследование проживающих по озеру Выг раскольников-беспоповцев. «Коли выполняют работу государеву и подати платят исправно, так как хотят, так пусть и крестятся», — распорядился он.

По соглашению с Петром, Андрей Денисов, энергичный руководитель «Выговского пустынножительства», получил широкие права; дорога от Повенца до Сороки оказалась в его предприимчивых руках. Было организовано большое промысловое и торговое хозяйство, посылавшее свои суда и на далёкий север (на Новую Землю, Шпицберген) за тюленем и моржом, и к югу, в Петербург, с рыбою и пушниною, с иностранными сукнами и другими импортными товарами.

После смерти Петра «сударева дорога» была заброшена. Во второй половине XVIII в. «оная дорога... вся запустела и лесом поросла, и мосты все сгнили, понеже ездовых через то место никого и никогда не бывает, и не точию летом, но и зимою не ездят и дороги никакой не имеется»³.

В конце XVIII в., в связи с возросшим спросом на драгоценный северный лес, у петрозаводских лесопромышленников Жданова, Филиппова, Рыбакова и пудоожского купца Бакафина зародилась мысль о «водной коммуникации» между Белым морем и Ладожским озером. Суть их предложения сводилась к тому, чтобы «для удобства коммуникации» пятивёрстный волок Масельский заменить каналом, который бы соединял реку Повенец с Маткоозером.

В 1800 г. для выяснения возможности соединения Белого моря с Онежским озером правительством был послан инженер де Волант, руководивший устройством Мариинской водной системы. Ему было поручено посредством Волозера «учредить водяное сообщение между Белым морем и Онежским озером». Де Волант с партией землемеров обследовал предполагаемый путь. Составленная им схема является прототипом будущего восточного варианта Беломорско-Балтийского водного пути⁴. Однако представленный де Волантом проект не был принят, и мысль о водном пути опять надолго заглохла.

В 1824—1825 гг. поморский рыбопромышленник Ф. Антонов подал в Главное управ-

³ О высочайших пришествиях великого государя... Петра Алексеевича... из царствующего града Москвы на Двию. Изд. Новикова. М. 1783.

⁴ К статье «Олонекские воспоминания» приложена карта этого пути, «снятая с весьма ветхого старинного оригинала, составленного, как должно полагать, в конце прошлого (XVIII) столетия, во время производства исследований для прямого сообщения Повенца с Беломорьем» (Памятная книжка Олонекской губернии на 1858 год, стр. 98).

ление путей сообщения проект о соединении Белого моря с Онежским озером. В проекте имеется подробное описание ручьёв и рек, которые следовало бы соединить для устройства канала, причём «подводные кряжи гранита» были обойдены. Проект Антонова является прототипом западного варианта Беломорско-Балтийского водного пути. Представленный проект был признан невыполнимым под предлогом наличия большого количества озёр¹.

В течение первой половины XIX в. ряд лиц пытался заинтересовать Главное управление путей сообщения вопросом устройства Беломорканала, но оно оставалось глухо ко всем проектам. Отметим наиболее интересные из них.

В 1832 г. вопрос о Беломорском пути поднял геодезист Лешевич-Бородулин, составивший подробное описание предлагавшейся им трассы водяного пути и планы её; направление пути было то же, что у Антонова².

Для проверки на месте приводимых Лешевичем-Бородулиным данных и разведывательного обследования пути был послан Морским ведомством инженер Казарский, который признал полную возможность устройства канала и спроектировал для него систему шлюзов, «сображаясь с высотой берегов и значительностью возвышения вершин их над устьями... собранная вода покроет нижние в них пороги и даст свободный проход судам».

Однако проект этот морским ведомством утверждён не был. Министерство государственных имуществ, в ведении которого находился почти весь лесной массив края, побуждаемое олонецкими лесопромышленниками, заинтересованными, чтобы дешёвый казённый лес не уходил сплавом за финляндскую границу, составило очередной проект канала. Путь намечался следующий: Онежское озеро, впадающая в него река Кумса с притоком Остер, озеро Остер, ручей и озеро Левчинское, водораздельный канал у селения Карельская Масельга, Сегозеро, река Сегежа, соединяющая последнее с Выгозером, река Северный Выг. Эта схема вполне отчётливо повторилась в будущем западном варианте Беломорканала. Тяготение к озеру Сег объяснялось тем, что главная масса сплавного леса находилась вокруг данного

озера. В 1842 г. был получен «высочайший» отказ в устройстве канала³.

В 1858 г. архангельский губернатор Арендаренко, ссылаясь на «ходатайство местного населения», представил доклад императору Александру II о желательности создания внутреннего водного пути от Повенца до Сумского посада. Александр II заинтересовался проблемой Беломорканала. По его приказу, Главное управление путей сообщения организовало новые изыскания. Под руководством капитана Лебедева было проведено гидрографическое обследование Онежского озера и произведена разведка местности с нивелировками от Повенца через Выгозеро до Сумского посада и от Повенца через Сегозеро до впадения реки Выга в Белое море у с. Сорэки. Проект, представленный Лебедевым, был отклонён, как неудачный по выбору направления из-за «множества подводных камней, составляющих продолжение финляндских кряжей гранита», и требующий значительных издержек для своего выполнения⁴.

Таким образом составлялись проекты, писались докладные записки, красноречиво доказывалась необходимость соединения Белого моря с Онежским озером, но дело не шло. Тем временем «осударева дорога» заглохла окончательно. Современники так описывают местность, где она некогда пролегла: «На далёком севере Олонецкой губ. в Повенецком её уезде, в чаще соснового и елового леса пролегает не то дорога, не то просека. Седой мох, кустарник затянули её местами; кругом ни жилья, ни души человеческой — только толкие мшистые болота, местами загромождённые валунами, да шарокая река, пенясь и шумя, катится по камням»⁵.

Развитие промышленного капитализма в России заставило русскую буржуазию заняться вопросом о строительстве канала путём устройства частных акционерных компаний. Первая мысль об организации торгово-промышленных товариществ для устройства Беломорско-Онежского канала была высказана в 1858 г. Бюргером, который вынес своё предложение на широкое публичное обсуждение в 1867 г. в Вольно-экономическом обществе. Вопрос этот в течение ряда лет горячо дебатировался на собраниях общества. Приводились многочисленные доказательства выгоды «с чисто коммер-

¹ «Описание водяного пути от Белого моря до озера Онежского по рекам Выгу и Теленкинской купеческого сына Антонова»; издано в приложении к докладу, зачитанном на собраниях III отдела Вольно-экономического общества в 1867 году. Приложение IV, стр. 406—408.

² «Описание водяного сообщения Белого моря с озером Онегою Лешевича-Бородулина, исправленное примечаниями флигель-адъютанта Казарского»; издано в Приложении к докладу, зачитанном на собраниях III отдела Вольно-экономического общества в 1867 году. Приложение VI, стр. 410—418.

³ Приложение к докладу, зачитанном на собраниях III отдела Вольно-экономического общества в 1867 году. Приложение VI, стр. 418—425.

⁴ «Описание произведённого капитаном Лебедевым изыскания между городом Повенцом и Сумским посадом для проведения канала между Онежским озером и Белым морем в 1859 г.». Издано в Приложении к докладу, зачитанном на собраниях III отдела Вольно-экономического общества в 1867 году. Приложение VII, стр. 418—425.

⁵ Олонецкие воспоминания. Пётр Великий в Олонцке в 1702 году. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1858 г., стр. 98.

ческой точки зрения» устройства хорошего водного пути между Белым морем и Онежским озером, приводились цифровые данные, насколько удешевится благодаря этому пути доставка леса¹. Вокруг вопроса об устройстве водного пути для использования богатства Севера поднялся настоящий ажиотаж.

В 1869 г. образовалось акционерное общество с большим капиталом «для соединения Белого моря с Онежским озером». На средства Общества были развёрнуты геологические и гидротехнические изыскания, проводимые крупнейшими специалистами. На службе общества находился известный профессор Иностранцев, давший геологический очерк края к северу от Онежского озера. Изыскания производились под руководством инженера Мирковица. Была доказана техническая осуществимость устройства водного пути. Приступили к составлению проекта. Направление пути было взято то же, которое в своё время было признано де Волантом наилучшим и которое стало содержанием восточного варианта Беломорканала. Параллельно с изысканием шло создание акционерного Общества и привлечение к нему капиталов.

В 1870 г. учредители Общества направили проект на утверждение правительственных инстанций. Проект этот местными промышленниками и торговцами поддерживался перед олонецким губернатором; губернатор согласился дать делу ход.

Олонецкое земство, руководимое местным помещиком Савеловым, заручившись согласием и других губернаторов северных губерний, буквально бомбардировало различные правительственные учреждения просьбами об устройстве водного пути, ассигнуя на это средства, подкрепляя свои прошения ценным статистико-экономическим материалом. Нашлись и противники устройства водного пути. Некоторые олонецкие богатые лесопромышленники из опасения потерять возможность покупки у казны дешёвого леса открыли в печати яростную кампанию, доказывая фантастичность проекта. В 1875 г. проект всё же был утверждён генерал-адмиралом вел. кн. Константином Николаевичем, но акционеры не сумели договориться, устав Общества остался неутверждённым, и дело заглохло.

Почти одновременно с проектом устройства канала выступила группа капиталистов «Ахшарумов и К^о». Материалы технических изысканий, представленные учредителями, были одобрены Комитетом шоссейных и водных путей сообщения, но дальнейшего движения проект также не получил.

Всю вторую половину XIX в. вопрос об устройстве канала не сходил со страниц прессы Севера. Между тем «осударева дорога» давно уже превратилась в «край не-

пуганных птиц» с непроходимыми дебрями и непролазными болотами.

В 1882 г. адмирал Посыет подал в комитет министров обширную докладную записку о важном государственном значении соединения Белого моря с Онежским озером. Комитет министров представил мнение Посыета на рассмотрение государя. 8 марта 1886 г. представление Комитета министров было утверждено Александром III. Министерству путей сообщения было поручено произвести подробные технические изыскания. Предполагалось создать водный путь, по которому могли бы проходить минные крейсера. Было немедленно приступлено к изысканиям под руководством инженера Здзярского. Проект Здзярского предусматривал устройство 32 шлюзов с 8 плотинами и 5 водоспусками и был рассчитан на проход судов с осадкой 2,7 м. Но и этот проект был похоронен в архиве Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог.

В 1899 г. профессор Тимонов выдвинул идею постройки глубокого морского канала с использованием бассейнов Ладожского и Онежского озёр и рассчитанного на проход крупных морских судов Балтийского флота в океан. Этим заинтересовалось министерство путей сообщения. Профессору Тимонову было поручено подробно разработать вопрос с использованием материалов исследования Белозерско-Онежского водораздела и проекта инженера Здзярского.

Началась продлившаяся несколько лет междуведомственная переписка о передаче профессору Тимонову из архива Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог материалов инженера Здзярского. В этой бумажной волоките погибло ценное начинание профессора Тимонова.

В 1910 г. проблема глубоководного канала обсуждалась на заседаниях Русского технического общества. Трассу предполагалось вести, минуя Онежское озеро, прямо из Ладожского на Сегозеро, реку Сегежа, Северный Выг, через реку Нева, озеро Имандра поперёк Кольского полуострова до Ледовитого океана. После обсуждения вопроса на съезде членов Общества разработка проекта была передана Междуведомственной комиссии для составления плана работ по улучшению и развитию водных сообщений империи. Комиссия эта, работавшая под председательством профессора Тимонова, в 1909—1912 гг. издала несколько томов своих трудов, но практического применения эти труды тоже не имели.

В начале первой мировой войны количество предложений построить канал увеличилось. Разбогатевшая на войне буржуазия надеялась и здесь нажить крупные капиталы. Шумную агитацию за постройку канала развил в 1915 г. олонецкий вице-губернатор Шидловский. Идею строительства канала поддерживали Особое совещание общества 1914 г., Всероссийская сельскохозяйственная палата и Совет той же палаты. Начались новые изыскания по западному варианту через Сегозеро. Были выяснены полная возможность устройства канала по данной трас-

¹ Доклады, зачитанные на собраниях III отдела Вольно-экономического общества по вопросу о Севере. Изд. Вольно-экономического общества. 1867.

се и его исключительная важность для доставки лесного и торфяного топлива к Петрограду. Ходатайство об устройстве канала перешло на рассмотрение Министерства путей сообщения. Ответ министерства был короток: «Работ по осуществлению Беломорско-Онежского водного пути не предпринимать и ходатайство о проведении Беломорско-Онежского канала отклонить»¹.

После февральской революции 1917 г. вопрос о Беломорканале дебатировался Центральным военно-промышленным комитетом и советом съездов представителей промышленности и торговли, но снова безрезультатно.

Октябрьская социалистическая революция создала условия для разрешения этой важнейшей народнохозяйственной проблемы. Уже в 1918 г. Главное гидрографическое управление морского комиссариата решило организовать всестороннее изучение Онежского озера как одного из главных звеньев будущего водного пути. Образованная при Управлении особая комиссия при живейшем участии профессора Шокальского разработала программу Онежской экспедиции.

В 1919 г. при Совете народного хозяйства Северного района было создано «Управление работ по исследованию и составлению проекта Балтийско-Беломорского водного пути», вскоре присоединённое к Главному гидрографическому управлению². Однако вражеские нападения интервентов на север России и гражданская война заставили на время приостановить все работы.

В 1922 г. Государственным гидрологическим институтом был вновь поднят вопрос об организации Онежской экспедиции. Экспедиция эта, одобренная I Московским съездом по изучению производительных сил страны, предполагалась институтом в 1924 году. Были привлечены материалы исследований предшествующих лет. В результате исследований был разработан обстоятельный материал со сравнительной оценкой восточного и западного вариантов. Практического применения данная работа не могла иметь до 1930 года.

Только в результате бурного роста индустриализации Советского Союза и осуществления плана великих работ первой пятилетки, в частности быстрого развития производительных сил Карелии, были созданы условия для практической реализации проблемы Беломорско-Балтийского канала.

В 1930 г., по инициативе товарища Сталина, был поставлен вопрос о строительстве Беломорско-Балтийского канала. В работе непосредственное участие принимал С. М. Киров. Дело пошло со сказочной быстротой. В этой новой обстановке строитель-

во канала прошло краткую, но богатую по содержанию историю. На 3-й областной партконференции, говоря о Беломорканале, С. М. Киров отметил: «Мы хотим соединить Балтийское море с Белым морем. Постройка этого канала будет иметь огромное значение в экономическом отношении... Между прочим, надо сказать, что это уже не такая невыполнимая проблема, как может показаться на первый взгляд»³.

В Ленинграде было создано Управление по изысканию будущего водного пути. Работы вскоре были перенесены в Москву, где был организован Беломорстрой. Был принят восточный вариант проекта. Путь канала должен был пройти через Онежское озеро, реку Повенчанка, Волозеро, озеро Узкое, Водлозеро, Маткоозеро, озеро Теленкинское, р. Теленкинская, Выгозеро, реку Выг, Белое море. Предусматривалось создание дополнительного водохранилища из озёр Сегозеро и Остер, соединяемых рекой Самозёрной.

Совет труда и обороны 18 февраля 1931 г. вынес постановление о постройке Беломорско-Балтийского водного пути. Окончательно утвердили восточный вариант с конечными пунктами Повенец на Онежском озере и Сорочья бухта на Белом море. Из общего протяжения в 227 км только 48 км нужно было пройти искусственными каналами, остальные 179 км — зарегулированными озёрами и реками.

Примерно к 1 июня эскизный план был готов. На его основании 1 августа было приступлено к созданию технического проекта.

В ноябре 1931 г. строительство Беломорканала было поручено ОГПУ. Работа шла под неослабным наблюдением С. М. Кирова.

Что представляла собой местность, по которой было суждено пройти Беломорканалу? «Неподвижно и сонно лежит богатая водой земля, разделяющая два моря — Белое и Балтийское. Единственное движение на ней — движение воды. Двигутся реки, обрушиваются водопады. Река Выг, река Повенчанка, река Теленкинка. Взбивают пену Падвонецкие водопады. Безлюдную пустыню повторяют зеркальной своей гладью Выгозеро, Водлозеро, Маткоозеро. Тишина. Сон. Только вода движется. А из Балтийского моря в Белое корабли идут кругом, огибая континент»⁴.

В ноябре 1931 г. в Карелию пришли люди с топорами и ломами. Они рубили деревья и строили бараки, растянувшиеся вдоль всей линии Повенец — Сорочья. Звери уходили в леса. Леса расступались перед людьми. Скоро прорубили сквозь карельскую чащу сплошную просеку от Онежского озера до Сорочьей губы Белого моря. На плацдарме строительства сооружались 33 отдельных

¹ Карело-Мурманский край. 1933 г. № 5—6, стр. 34—35.

² Гос. архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области. Отдел доходов народного хозяйства. Совет народного хозяйства Северного района. 1919, св. 16, д. 3.

³ Киров С. М. Ленинградская организация накануне XVI съезда ВКП(б). Доклад о работе обкома ВКП(б) на 3-й областной партконференции, стр. 25. Л. «Прибой». 1930.

⁴ «Известия» от 5 августа 1943 года.

канала. Путь из Балтийского в Белое море прокладывался в чрезвычайно разнообразных и тяжёлых природных условиях: в мощных приканальных дамбах до 7—8 метров высоты, в глубокой скальной выемке до 6—7 метров глубины, в глинах, которые инженеры сравнивают со сливочным маслом, в плавунных грунтах и, наконец, в низинных торфяных болотах.

На VI съезде советов в марте 1931 г. тов. Молотов в отчётном докладе сообщил: «Особое значение имеет развёртывающееся теперь в Карелии строительство Беломорско-Балтийского канала. Этот канал протяжением в 914 км, включая в свою цепь Ладожское и Онежское озёра, должен соединить Балтийское море и Белое море. Проведение его связано с производством больших работ по рытью целины и углублению озёр и речных долин. В данный момент ведутся работы в районе Выгозера. Нашей задачей является в течение ближайших двух лет закончить это строительство»¹.

В 1932 г. на XVII партконференции тов. Куйбышев уже смог заявить: «Проблема Беломорского канала будет осуществлена целиком в первом пятилетии»².

Размах строительных работ был поистине грандиозен. Больше трёх миллионов взрывов было произведено в скальных породах. «Край непуганных птиц» был разбужен этой величественной канонадой наступающего социализма. Потребовалось 2600 км пробуренных шпуров для взрывов. Общий вес всей вынудой на Беломорское скалы составляет 5 млн. тонн. Для того чтобы погрузить всю эту скалу в вагоны, понадобилось бы 7500 составов поездов. Общая длина всех брёвен, которые израсходованы на ряжи Беломорско-Балтийского водного пути, составляет свыше 20 тыс. км, то есть больше половины окружности земного шара. Только на одну Матконежскую плотину уложено столько бетона, сколько на всём Волховстрое в целом. В одной шлюзовой камере может свободно разместиться 6400 человек, а во всех камерах шлюзов этого водного пути — 204 800 человек. Объём Выгского водохранилища составил 7 млрд. кубометров воды. Этого количества воды хватило бы для питья всему населению земного шара в течение семи лет. Количество вынудых на Беломорское мягких грунтов равнялось 15 млн. кубометров.

Нужную для кораблей глубину строители достигали подъёмом естественных горизонтов воды в озёрах. Это чрезвычайно удешевило строительство. Только пятая часть всего пути из моря в море прошла в искус-

ственных каналах; остальные 80% составили зарегулированные реки и озёра.

Величественное озеро Выг с помощью глухой земляной плотины было поднято на 6,5 метра, ушли под воду 200 островов озера Выг. Озёра Коло, Вадло и Узкое, после того как от них закрыли сток реки Повенчанки, образовали одно водохранилище водораздельного бьефа. На всей площади, которая должна была уйти под воду, предварительно вырубали деревья. Всего было очищено от леса и бурелома 85 тыс. га. Строго экономия стройматериалов. Для строительства канала широко использовались естественные материалы края.

В строительной технике канала советские инженеры опровергли установленный десятилетиями гидротехнический опыт. Они применили на шлюзах оригинальные конструкции деревянных ромбовидных ворот с такими высотами, которые прежде имели только металлические ворота. Шлюзовые механизмы канала смонтированы с исключительным совершенством. Два человека могли легко открывать шлюзовые ворота весом в 84 тонны.

Стоимость Беломорканала, по первоначальным намёткам, предполагалась в 400 млн. руб., фактическая же стоимость оказалась в 95 300 тыс. рублей. Таким образом, строители сэкономили $\frac{1}{4}$ запроектированной суммы.

25 июня 1933 г. пароход «Чекист» впервые прошёл Беломорско-Балтийский водный путь. Пароход поднялся выше уровня Онежского озера на 70 м. Ещё через 20 км пароход оставил позади водораздел и стал спускаться к Белому морю. Минувя последний, девятый, шлюз пароход встретил волны Белого моря.

Таким образом строительство, начатое в конце ноября 1931 г., закончено 20/VI—33 г., т. е. в 1 год 9 месяцев. При предварительном испытании и опробовании канал и все его сооружения показали исправную работу. Всего на Беломорско-Балтийском канале выстроено 118 сооружений, из них: шлюзов 19, плотин 15, водоспусков 12, дамб 49, каналов 32 длиной 40 км. для чего выполнено следующее количество работ: 1) выемки грунта 9 963 000 куб. м, из них скальных грунтов 2 514 000 куб. м; 2) сделано насыпи, обратной засыпки и загрузки ряжей грунтами 8 412 000 куб. м; 3) выполнено земляных работ по переносу Мурманской ж. д. 2 500 000 куб. м; всего проведено земляных работ 21 000 000 куб. м; 4) срублено деревянных ряжей 921 000 куб. м; 5) уложено бетона 390 000 куб. м.

Правительственная пусковая комиссия констатировала, что «сооружение Балтийско-Беломорского водного пути, выполненное в исключительно трудных и разнообразных геологических и гидрологических условиях в рекордно короткий срок, является крупной победой Союза Советских Социалистических Республик на фронте индустри-

¹ Молотов В. Борьба за социализм. Речи и статьи. стр. 145. 2-е, дополн. издание. Партиздат. 1935.

² XVII конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчёт, стр. 165. М. 1932.

стриализации и усиления обороноспособности страны»¹.

О быстроте сооружения Беломорканала можно судить по следующим данным: Панамский канал длиной в 80 км строился 28 лет; Суэцкий канал в 160 км строился 10 лет; Балтийско-Беломорский водный путь в 227 км был выстроен в 1 год 9 месяцев.

18 июля 1933 г. товарищи Сталин и Ворошилов приехали в Ленинград и вместе с С. М. Кировым, под непосредственным наблюдением которого велась эта гигантская работа, в тот же день выехали на Беломорканал для осмотра этого величайшего в мире гидротехнического сооружения².

«Когда пришли в Повенец,— вспоминают очевидцы,— можно было уже вполне судить о всём Беломорском канале. Иосиф

¹ «Известия» от 5 августа 1933 года.

² «Сергей Миронович Киров». Воспоминания ленинградских рабочих. Под редакцией С. Аввакумова. Музей С. М. Кирова. Лениздат. 1939, стр. 13.

Виссарионович был, должно быть, очень доволен: он подошёл к Сергею Мироновичу, крепко пожал ему руку и при всех обнял и поцеловал его»³.

Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 2 августа 1933 г. Беломорско-Балтийскому каналу было присвоено имя товарища Сталина, и он был зачислен в строй действующих внутренних водных путей СССР.

Так, в рекордный срок советским государством было осуществлено сооружение крупнейшего водного пути, что было не под силу царской России.

Германские и финские варвары значительно разрушили это величайшее в мире гидротехническое сооружение, но победивший советский народ быстро залечит нанесённые войной раны. Беломорканал имени товарища Сталина будет восстановлен.

А. Пруссак

³ «Ленинградская правда» от 26 июля 1933 года.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД

(Научная сессия истфака МГУ 23—24 мая 1945 года)

Изучение истории города является для нас насущной потребностью. Только в свете этой истории станут ясными многие особенности нашего исторического прошлого. Параллельное исследование истории западноевропейского города даст возможность нашей урбанистике применить сравнительно-исторический метод, столь блестяще оправдавший себя в области исследования феодальных отношений в Киевской Руси.

Научная сессия исторического факультета МГУ была посвящена проблеме средневекового города во всемирноисторическом плане.

В своей вступительной речи профессор С. П. Толстов отметил, что вопросы всеобщей истории, вернее, истории Запада, истории Востока и истории народов СССР разрабатывались изолированно одни от других. Между тем такие проблемы, как например история города, являются общими для всех трёх дисциплин. Важно общими силами специалистов наших кафедр обсудить эти проблемы и ввести разработку проблематики в глубокое русло. С этой целью было поставлено три доклада по истории русского города, один — по истории польского, один — по истории западноевропейского, один — по истории восточного города.

Профессор М. Н. Тихомиров в докладе «Древнерусские города X—XIII вв. (до монгольского завоевания)» изложил содержание своего труда, вошедшего в план изданий МГУ.

Учитывая отсутствие в исторической литературе специальных исследований по со-

циально-экономической истории древнерусских городов до конца XV в., М. Н. Тихомиров поставил перед собой задачу—устранить этот пробел. М. Н. Тихомиров пришёл к выводу о наличии далеко идущей аналогии между городами Западной Европы и городами Киевской Руси: как в Западной Европе, так и в Киевской Руси город состоял из двух частей—замка, или детинца (кремль), и посада, или пригорода. Важнейшим моментом в истории русского города является образование предместий, населённых ремесленниками и купцами. Предместья создавались в X—XI веках. В Киевской Руси, как и в Западной Европе, население средневековых предместий пополнялось за счёт крестьян—беглых холопов и смердов-общинников, бежавших от закрепощения.

Как в Киевской Руси, так и в Западной Европе свободные ремесленники преобладали в городах над несвободными. Существовал обширный слой духовенства, сформировался патрициат—городское боярство. В древнерусских городах, как и в Западной Европе, среди ремесленников наблюдался институт ученичества, наблюдались регламентация производства, концентрация ремесленников одинаковой специальности в отдельных кварталах, зачатки ремесленных организаций. Существовали элементы купеческих объединений западноевропейского типа.

Общее количество городов в Киевской Руси достигало 250, в том числе около 60 более крупных городов было с населением от 5 до 10 тыс. человек. В политической жизни городов Киевской Руси наблюдалась

тенденция к самостоятельности, обеспечиваемой путём договоров с князьями. Однако вечевые порядки получили полное развитие лишь в немногих городах — Новгороде, Пскове, Полоцке, Смоленске.

Научная ценность проблематики, выдвинутой М. Н. Тихомировым, была единодушно признана выступавшими в прениях по его докладу. Профессор В. В. Стоклицкая-Терешкович указала, что в «Трудах XIV международного социологического конгресса», в статье Кинкеля проводится резкое противопоставление средневекового города Западной Европы городам Восточной Европы и Балканского полуострова, России, Польши, Венгрии, Болгарии, Сербии. По мнению Кинкеля, первые возникли в процессе продолжительного общественного развития как центры промышленности и торговли и очаги культуры, а вторые были созданы государственной властью как крепости и областные центры администрации и лишь в исключительных случаях приобретали экономическое значение. В противоположность этой точке зрения М. Н. Тихомиров вводит город Киевской Руси в семью европейских городов.

Докладчику была поставлена в упрек допускаемая им некоторая недооценка роли торговли в процессе формирования города. Профессор Тихомиров прав, утверждая, что расположение на большом торговом пути не является непременным условием возникновения города. Но необходимо учитывать, что возможность сбыта ремесленных изделий должна была стимулирующим образом влиять на иммиграцию крестьянского населения в новые города. Невозможно отрицать роль торговли в генезисе города.

Доклад профессора Б. А. Рыбакова был посвящён теме «Древнерусские цехи». Докладчик охарактеризовал два противоположных мнения по этому вопросу: мнение Т. Ефименко, Довнар-Запольского, М. Н. Тихомирова и др., склонных признавать в древней Руси наличие цеховой организации, аналогичной западноевропейской, и точку зрения В. И. Шункова, отрицающего этот факт. На основе анализа летописей и писцовых книг Б. А. Рыбаков приходит к выводу, что прямых указаний на существование в русских городах XIV—XV вв. ремесленных корпораций с оформленными уставами нет. Источники последующей эпохи (XVI—XVII вв.) содержат данные об элементах разлагающегося цехового строя в русских городах. В XIV—XV вв. мы встречаем в русских городах некоторые внешние признаки западноевропейского цеха в ранний период его развития — церкви, основанные в честь покровителей определённого ремесла, и совместные пиры ремесленников — братчины. Отсюда можно предположить, что цехи существовали в древней Руси.

Профессор А. В. Арциховский затронул в своём докладе «О происхождении русских городских гербов» новую тему. Докладчик доказывает, что «важнейшие города Московской Руси и их области имели устойчивые гербы, большинство которых покоилось на

исторической традиции». Так, новгородский герб — вечевая степень, и на ней посадничий жезл — символизировал вечевой строй. Казанский герб — дракон — связан с легендами об основании Казани. В историческом прошлом коренятся также гербы Пскова, Ярославля, Астрахани, Вятки и других городов.

Доклад члена-корреспондента АН СССР профессора В. И. Пичеты — «Польский средневековый цех» — был направлен против немецкой и, частично, польской историографии. В старой немецкой историографии, а также и в польской, которая находилась под влиянием немецкой историографии, говорит В. И. Пичета, господствовал взгляд, что «в Польше до периода немецкой колонизации не было городов как торгово-промышленных центров, и только под животворящим влиянием немецкой колонизации хозяйственная жизнь Польши преобразуется, развивается городской строй со всеми его институтами». Опираясь на труды современных польских историков, В. И. Пичета опровергает эту точку зрения. 90% польских городов, которые, по свидетельству немецких историков, были якобы основаны немецкими колонистами в XIII—XIV вв., фактически являются старыми разорёнными польскими городами.

Польские города XII в. были не только крепостями и центрами управления, но и центрами промышленности и торговли. В их пригородах жили ремесленники, зачастую крестьяне, ушедшие из деревень. Вопреки утверждению немецких историков, в городах преваляло польское население, а не немецкое. Цехи в польских городах также возникли не в результате рецепции магдебургского права. Так, в Кракове оно было введено в 1244 г., в то время как цехи отдельных ремёсел оформились там только в XV веке. Статуты цехов, появившиеся в XVI в., действительно были составлены по немецким образцам.

Во внутренней организации цехов В. И. Пичета не находит каких-либо принципиальных отличий польского цеха от западноевропейского. В Кракове и Львове цехи вели борьбу против господства патрициата.

Доклад профессора В. В. Стоклицкой-Терешкович был посвящён западноевропейскому цеху. Из сложной проблематики средневекового цеха докладчица выделила лишь одну группу вопросов — об организационном и функциональном сходстве и различии цехов в разных странах, городах и отраслях промышленности. Общими чертами, свойственными всем цехам, является их внутренняя иерархия, а также система контроля над производством и торговлей произведенными продуктами. Однако даже эти черты не всюду тождественны. Так, иерархия цеха — мастер, подмастерье, ученик — подвержена колебаниям; в ряде случаев одно из звеньев выпадает. Наибольшие различия между цехами наблюдаются в сфере их судебной и статутарной компетенции и в смысле их удельного веса и политической роли в городе и государстве. Анализ относящегося сюда

материала даёт возможность установить определённые закономерности.

В основном степень самостоятельности цеха и его роль определяются характером политической и экономической среды, в которой он возник и оформился. Огромное значение имеет в этом смысле степень государственной централизации. Исходя из этого признака, можно было бы различать немецкий, французский, итальянский и другие цехи. Чем более децентрализовано государство, тем шире компетенция цеха и тем больше его удельный вес. Немецкая цеховая организация гораздо крепче и определённое французской, её юрисдикция шире, принудительная власть и политическая роль больше. Но одна классификация цехов по государственному признаку не даёт исчерпывающего критерия для познания различия между ними. В одном и том же государстве цехи могли быть различны в зависимости от экономического характера города. Цехи промышленных городов обладали более широкой компетенцией и значением, чем цехи торговых городов. Классический пример — промышленная Флоренция, в которой цех составлял основу политического строя, и торговая республика Венеция, где значение цеха было ничтожно. Но и в одном и том же городе права и роль цеха могли быть различны. Наибольшее значение имели цехи тех отраслей промышленности, в которые проникли элементы капиталистического способа производства, как например флорентийский цех суконщиков, так называемый Lana.

Это многообразие форм цеховой организации необходимо учитывать при решении вопроса о наличии или отсутствии её в тех случаях, когда вопрос этот не решён ещё историческим исследованием, как например в отношении городов древней Руси. Так, Новгород, крупнейшую торговую республику, следует сравнивать в области цеховой организации не с Флоренцией, а с Венецией. Если в Новгороде и существовали цехи, то они играли весьма скромную роль, а вся деятельность их протекала под строжайшим контролем новгородских властей.

Доклад профессора С. П. Толстова был посвящён проблеме генезиса средневекового среднеазиатского города. С. П. Толстов отметил, что вплоть до недавнего прошлого эта проблема разрешалась историографией двояко: одни исследователи считали античный город Средней Азии прямым предшественником средневекового города; Якубовский стоит на другой точке зрения: он начинает историю среднеазиатского города лишь с периода, последовавшего за арабским завоеванием. Город домусульманской эпохи — это лишь город по названию, а не по социально-политической сущности. Старая концепция покоится на скудном материале литературных источников. В настоящее время накопился большой археологический материал, относящийся к среднеазиатскому городу. Опираясь на этот материал, С. П. Толстов рисует гораздо более сложный и многообразный путь развития среднеазиатского

города, чем это представлялось раньше. В античную эпоху Средняя Азия была страной городов, говорит С. П. Толстов. Но античный азиатский город, о котором докладчик сообщил ряд интереснейших топографических данных, принадлежал к рабовладельческой формации, между тем как средневековый азиатский город сложился на почве феодальной формации. В V в. нашей эры античный город и городская культура падали. Ремесло, в частности керамика, хирело. Только очень крупные города, как например Бухара, пережили эту эпоху упадка и дошли до нас от античности. Но в X в. картина резко меняется. Началось возрождение городов, и число их быстро росло. Это поселения с развитым ремеслом. Среди них различимы два типа: одни примыкают к старому, феодальному замку, другие складываются независимо от него.

М. М. Дьяконов поддержал большую часть тезисов, выдвинутых профессором С. П. Толстовым на основе хорезмийского материала, считая их приложимыми и к другим областям Средней Азии и к Ирану. М. Дьяконов полагает, однако, что для более крупных городов типичной является цитадель.

Научная сессия истфака МГУ, посвящённая истории средневекового города, дала значительные научные результаты. Обмен мнений урбанистов выявил во всемирноисторическом масштабе бесспорность некоторых основных положений о городе. Города повсюду возникали в процессе роста производительных сил и общественного разделения труда, повсюду являлись в средние века центрами промышленности и торговли. Повсюду, не исключая древней Руси и Востока, превалирующим элементом в составе городского населения являлись ремесленники из числа иммигрировавших в города крестьян. Роль транзитной торговли в процессе происхождения города оказывается сильно преувеличенной. Это очень ценный вывод для борьбы с теорией о происхождении города из купеческого поселения, получившей широкое распространение в западной историографии¹. Установлен факт зависимости структурных и функциональных различий цеха от экономического характера города и характера государственной власти, и отсюда сделаны выводы для разрешения проблемы цеха в древней Руси.

Остаётся пожелать, чтобы встречи урбанистов перестали быть случайными и приобрели некую организационную прочность. Это не только будет содействовать развитию марксистско-ленинской концепции города во всемирноисторическом плане, но вместе с тем поможет стать на ноги молодой урбанистике нашей страны.

Проф. В. Сток Лицкая-Терешкович

¹ См. особенно работы Ф. Рерига, основанные на любекском материале, «Der Markt von Lübeck» и др.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОРИЯ СССР

АРЦИХОВСКИЙ А. В., проф. «Древнерусские миниатюры как исторический источник». Издание Московского государственного университета. 1944. 214 стр. 25 руб.

Древнерусские миниатюры принадлежат к числу источников, изучение которых требует затраты громадного количества времени и труда, основанного на непосредственном знакомстве с рукописями, так как лишь незначительное количество лицевых рукописей более или менее фототипически воспроизведено. Да и эти фототипические издания только отчасти передают краски и рисунок подлинников и служат скорее подсобными материалами, чем источником для суждения о древнерусской миниатюре. Добавим тут же, что история русской миниатюры — почти неразработанная область. Несмотря на отдельные исследования и замечания о русских лицевых рукописях история и взаимоотношение школ русских миниатюристов, их связь с иконописными и живописными школами остаются неясными. Совсем слабо была изучена историческая достоверность изображений, помещённых в лицевых рукописях. В науке существовало представление о крайней условности изображений в русской миниатюре, говоря проще, — о незначительной исторической достоверности рисунков русских художников-миниатюристов, дававших чисто условные фигуры людей и животных, пейзажа и домов («палатное письмо») и т. д. Тем более надо приветствовать появление книги А. В. Арциховского, который изучает древнерусские миниатюры как исторический источник. Тема, поставленная в таком разрезе, разрешается впервые в нашей науке. В дальнейшем все будущие исследователи русской миниатюры будут основываться на книге А. В. Арциховского.

Из громадного количества материала по миниатюрам автор выбрал для своего исследования пять важнейших лицевых сборников: Кенчгсбергскую, или Радзивилловскую, летопись, Никоновскую летопись, житие Бориса и Глеба, житие Сергия и житие Антония Сийского. Такой выбор имел основания: названные сборники принадлежат к числу выдающихся, они отражают развитие русской миниатюры начиная с Киевской Руси и кончая XVII веком. С необыкновенной тщательностью автор прослеживает рисунки названных рукописей, обращая внимание на историческую достоверность изображённых на них фигур, предметов и сцен.

Книга А. В. Арциховского — своего рода комментарий к нашим лицевым сводам, комментарий научный и, прямо скажем, одинаково полезный для историка, археолога, этнографа и даже историка литературы. Читателю становится совершенно ясно, какое

большое внимание уделяли миниатюристы иллюстрируемому тексту. Так, рисунки, связанные с текстом о стране вятичей, всегда изображают лес, так как вятичи жили в глухих лесах, хотя в тексте летописи нет прямых упоминаний о лесе.

Автор предполагает, что «оригиналы рисунков возникли ещё тогда, когда свежо было древнее представление о земле вятичей» (стр. 15). В миниатюре, изображающей уилату дани мехами, показана связка куньих мехов, называемая русскими охотниками «круглым бунтом».

А. В. Арциховский правильно замечает, что «дальнейшее изучение подобных особенностей позволит многое понять в некоторых древних хозяйственных документах, например в новгородских» (стр. 25). Внимательное изучение миниатюр позволяет порой вскрыть неожиданные детали. Так, изображение символического льва на одной миниатюре Радзивилловской летописи, по мнению автора, является геральдическим изображением в гербе суздальских князей, начиная с Юрия Долгорукого (стр. 33—34), сохранившимся в гербе города Владимира Залеского. Это наблюдение автора кажется весьма убедительным, с тем только, на наш взгляд, добавлением, что лев похож на барса. Вспомним первое упоминание о Москве, когда черниговский князь подарил Юрию «пардуса» (барса). Этот необычный дар становится понятным в свете наблюдений автора над миниатюрами.

Особенно много внимания А. В. Арциховский уделяет изучению изображений различного рода оружия. Большая осведомленность автора в этой области делает его книгу полезным комментарием для всех интересующихся древнерусским военным искусством. Некоторые неясные вопросы в истории русского оружия становятся понятными при изучении миниатюры. Например автор даёт небольшой, но ценный экскурс о московских щитах (стр. 63). Экскурс тем более интересный, что уже Задонщина восхваляет «щиты московские» наряду с различными иноземными предметами вооружения. Содержание книги, конечно, нельзя исчерпать немногими приведёнными замечаниями. Потребуется дополнительное изучение не только многих рисунков, но и текстов, которые они иллюстрируют.

Конечно, такая большая работа, как исследование А. В. Арциховского, не лишена некоторых недостатков. Самый крупный её недостаток заключается, на наш взгляд, в отсутствии ясных выводов о происхожде-

нии изучаемых сборников. Автор несколько сузил свою задачу, выбрав предметом изучения наиболее интересную для него сторону миниатюр, и не обратил достаточного внимания на вопрос о происхождении изучаемых сборников, что отразилось и на некоторых выводах работы. Автор, например, кратко замечает, что возвращаться к спорам о происхождении лицевого свода нецелесообразно, так как дата его возникновения доказана Н. П. Лихачёвым, А. Е. Пресняковым и А. А. Шахматовым (стр. 42). Исследования пишутся для того, чтобы они оказывали влияние на развитие науки; результаты их должны быть приняты или отвергнуты; но ведь некоторые вопросы, специфически важные для темы, избранной А. В. Арциховским, были вовсе не затронуты названными исследователями. В частности никто из них не касался сколько-нибудь подробно вопроса об источниках, которыми пользовались художники для воспроизведения некоторых деталей в рисунках. Согласимся с автором, что пушки и мечи художники миниатюр срисовывали с летописных рисунков XIV или XV в., что для других художников оригиналом служили боевые срудия кремлёвских пушкарей (стр. 51), но в тех же лицевых сводах изображена перевозка турецких пушек на морских кораблях. Оригиналов для изображения кораблей в Кремле не было, в XIV в. морских кораблей в России не было, откуда же взяты эти изображения? Ведь выдумать их было нельзя. Во второй половине XVI в., когда стали возникать тома лицевых летописей у русских художников, возможны были различные, в том числе иноземные, пособия. Для определения исторического значения того или иного изображения мало сказать, что оно совпадает с таким-то типом предмета, а следует объяснить причину подобного совпадения. Если изображение пушки Павла Дебоссиса 1488 г. совпадает с рисунком «ленивой Метты» 1411 г., то возникает вопрос: отчего произошло такое совпадение?

К числу более мелких недочётов работы А. В. Арциховского надо отнести чрезмер-

ную лаконичность его стиля, отчего текст становится порой каким-то обрывистым. «Войско в житии Сергия изображается только конное» (стр. 184). Удовлетворит ли такая короткая фраза читателя, если он посмотрит хотя бы на прориси миниатюры на страницах 180 и 182? Даже на прорисях можно различать необыкновенно выразительные жесты сражающихся, мчащегося всадника с развевающейся во время езды одеждой и т. д. «В качестве свитков изображены типичные древнерусские столбцы, частично развёрнутые в руках переписчиков, частично свёрнутые в трубки и обвязанные (по три тесьмы). Тетради в виде книг» (стр. 191). Надо основательно знать палеографию, чтобы понять эти отрывочные фразы, напоминающие заметки в записной книжке. Автору следовало бы немножко подумать о своих читателях. Наряду с этим встречаем не очень удачные неологизмы. Автор, например, говорит о «новгородизмах» (стр. 13). На этом же основании можно говорить о «москowitzмах», «киевизмах» и т. д., но зачем так «измывать» русский язык?

Конечно, наши замечания преследуют только цель обратить внимание автора на некоторые недочёты его работы, которых лучше было бы избежать. В целом же необходимо признать, что А. В. Арциховский проделал трудную и в то же время совершенно необходимую работу, проложив пути для ряда исследований по истории русской миниатюры. Ценность всякой книги измеряется в первую очередь тем новым, что автор вносит в науку. В этом отношении право первого исследователя, поставившего во всей широте вопрос об изучении древнерусской миниатюры как исторического источника, всецело останется за А. В. Арциховским. Книга его — ценный и полезный труд. В заключение отметим, что книга издана Московским государственным университетом просто, но в то же время изяшно, а прориси достаточно точно воспроизводят основные черты миниатюр лицевых сборников.

Проф. М. Тихомиров

КНЯЗЕВ Г. А. *«Краткий очерк истории Академии наук СССР (1725—1945)»*. Под редакцией акад. С. И. Вавилова и акад. В. П. Волгина. Издательство Академии наук СССР. М. и Л. 1945. 94 стр. 6 л. факсимиле и снимков. 5 руб.

Среди изданий, выпущенных к 220-летию Академии наук, большее значение имеет работа Г. А. Князева. Впервые публикуется очерк, посвящённый истории Академии за всё время её деятельности.

Двухтомный «Сборник материалов для истории Академии Наук в XVIII в.» А. А. Куника (1865 г.) содержит отдельные фрагменты из жизни Академии. Автор сборника считал, что время для составления истории нашего первого научного учреждения ещё не наступило. Труд П. П. Пекарского «История Академии Наук» в двух обшир-

ных томах, напечатанный в 80-х годах прошлого века, не соответствует полностью своему названию. Он даёт насыщенные фактическими сообщениями, но всё же только биографические данные о жизни и деятельности академиков XVIII века. Десять томов «Материалов для истории Академии Наук» (печатались в 1885—1900 гг.) содержат публикацию исключительно архивных документов, относящихся к первой половине XVIII века. История Академии XIX и начала XX в. освещена значительно слабее. Тяжёлые тома «Материалов для истории

академических учреждений за 1883—1914 гг.» носят характер отчетов. Попытка неперменного секретаря Академии К. С. Веселовского осветить развитие деятельности Академии в речи, произнесенной в 1865 г., не представляет особого интереса.

Между тем роль Академии наук в истории науки и культуры России исключительно велика. Академия была первым и основным научным учреждением в XVIII веке. В ней работали крупнейшие учёные. В её стенах выковывались слабые школы русских учёных. В советскую эпоху Академия выросла в грандиозную научную организацию. По разнообразию своих интересов, по масштабам своих работ она не имеет равных среди иностранных академий. История Академии выходит за рамки истории учреждения, — это одна из основных глав истории нашей науки в целом.

Незадолго до Великой отечественной войны была организована Комиссия по истории Академии наук. Коллектив Комиссии посвятил немало труда составлению истории Академии. Война помешала опубликованию подготовленных к печати материалов.

В своём кратком очерке Г. А. Князев знакомит читателей лишь с основными фактами из истории Академии. Он удачно показал роль Петра I в основании своеобразной Академии с университетом и гимназией. Организация Академии происходила в период возраставшего могущества страны. Создание нового научного учреждения было заключительным звеном среди многих культурных начинаний той эпохи.

Пётр I умер до начала деятельности созданной им Академии. Первые годы после основания Академии не были благоприятными для её развития. Реформы Петра находились под угрозой. Академия была забыта. Следует отметить роль первых приезжих академиков: им удалось начать в Петербурге подлинную научную работу. В это же время выдвинулись первые русские учёные, которые приняли участие в работах Академии: М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский, С. П. Крашенинников. Первым шагом Академии следовало бы уделить больше внимания в рецензируемой книге.

Автор очерка совершенно правильно подчёркивает значение величайшего русского учёного XVIII в. М. В. Ломоносова для Академии и для культуры страны в целом. Организованные после смерти Ломоносова большие экспедиции Палласа, Лепёхина, Зуева, Озерецковского, Севергина были равносильны новому открытию страны для научного мира. Академия наук положила начало систематическому изучению наших природных ресурсов. Это время деятельности Академии не уступает по своему значению её первым шагам и времени работы Ломоносова. Более чёткое выделение ведущих периодов в развитии Академии в дальнейших работах по её истории повысит к ней интерес читателей.

В литературе по истории Академии XIX в. Г. А. Князев не имел предшественников. В начале XIX в. Академия в организационном отношении находилась в упадке. Учеб-

ная часть, издание научно-популярной литературы отошли от неё. Были основаны университеты, конкурировавшие с Академией. Российская Академия, возникающая по инициативе Е. Р. Дашковой, работала над составлением словаря русского языка. Академия наук, не проявившая себя в 1812 г., могла казаться даже излишней. Президент Академии С. С. Уваров пытался придать ей новые формы. Российская Академия вошла в состав Академии наук.

Академия наук возрождением своей деятельности в эти годы, как и в первое время после своего основания, была обязана крупным учёным, членам Академии. Благодаря научной работе М. В. Остроградского, К. М. Бэра, несколько позднее П. Л. Чебышева и др. Академия сохранила положение первенствующей учёной организации страны.

Различные группировки в среде академиков в XIX в., борьба между передовыми и реакционными членами Академии представляют интересную страницу не только в истории науки в России, но и в развитии её общественной мысли. Стремление приблизить Академию к запросам жизни сталкивалось с реакционными тенденциями, замыкавшими науку в узких кругах. Из-за боязни новых веяний многие академики отказались от избрания в действительные члены Академии величайшего химика Д. И. Менделеева. Царская Россия боялась чрезмерного роста Академии и не поощряла его.

Вполне понятно, что Г. А. Князев в кратком очерке не мог дать подробного описания научных работ Академии XIX — начала XX в. и характеристику её общественных настроений. Всё же он сообщил много фактического материала и вышел за рамки сухого перечня событий. Приводимые им данные отобраны с большим умением и знанием. Неосвещёнными остались только международные научные связи Академии.

В. И. Ленин видел в Академии, в этой былой «пленнице самодержавия», большую силу и коллектив выдающихся и нужных Советской стране людей. И действительно, Советская Академия наук стала центром научной жизни страны, строящей социализм. С 1925 г. она становится Всесоюзной Академией. Организация сложных комплексных экспедиций, подготовка научных кадров, издание научно-популярной литературы находятся вновь в центре её внимания. Академия тесно связывается с жизнью, участвует в разрешении актуальных вопросов страны, создаёт сеть своих филиалов и баз на местах. Академия наук выдержала тяжёлое испытание, когда полчища фашистской Германии вторглись в пределы Советского Союза. Война выдвинула перед Академией новые, сложные задачи. Она не осталась, как это было в 1812 г., в стороне от борьбы за защиту родины.

Для подробного освещения советского периода в жизни Академии требуется большая исследовательская работа. Г. А. Князев отмечает лишь отдельные, основные моменты этого периода.

Интересный, добросовестно составленный, основанный на большом знании материала

краткий очерк Г. А. Князева характеризует основные этапы развития Академии. История нашей науки и Академии наук живо интересует широкие круги читателей. Публикация материалов, подготовленных комис-

сией по истории Академии наук, а в дальнейшем — издание монографий о развитии различных отраслей знания и биографий учёных смогут шире удовлетворить эти запросы.

К. Шафрановский

«Учёные записки Ярославского государственного педагогического института». Вып. I. Гуманитарные науки. Ярославль. 1944. 232 стр. Тираж 200 экз.

Ярославский государственный педагогический институт впервые за время своего существования начал издание своих научных трудов. В ознаменование исполнившегося в 1943 г. 25-летия института издан первый выпуск «Учёных записок», содержащий работы из области гуманитарных наук. В годы войны, в связи с трудностями военного времени, лишь очень немногим педагогическим высшим учебным заведениям удалось продолжать выпуск своих трудов. Тем более надо отметить заслугу Ярославского педагогического института, который именно во время войны впервые начал издавать свои труды.

В первом выпуске помещено четырнадцать статей работников института по истории, истории литературы, языкознанию и педагогике, в том числе работы выдающихся советских учёных, работавших в годы войны в Ярославле: профессора литературы А. А. Смирнова (Ленинград), историка профессора-орденоносца И. П. Шмидта (Москва), профессора педагогики П. Н. Горшкова (Ленинград) и др. В настоящей заметке мы постараемся осветить исторические статьи сборника.

Сборник открывается вводной статьёй директора института доцента И. В. Бортникова «Ярославская область в дни Отечественной войны». Статья написана по неопубликованным материалам, хранящимся в Ярославском обкоме ВКП(б) и облисполкоме, а также по материалам центральной, фронтовой и местной печати. Статья представляет первую попытку подытожить огромную работу на помощь фронту, проведённую трудящимися Ярославской области в годы Великой Отечественной войны.

Перу одного из старейших профессоров педагогического института, В. И. Борковского, принадлежит исследование «Смоленская грамота 1229 г.—русский памятник» (стр. 27). Оно посвящено одному из важнейших памятников внешних сношений древней Руси — торговому договору смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой и Готландом в 1229 году. В начале исследования автор доказывает, что договор 1229 г. не был, как думали до сих пор, первым соглашением между Смоленском и Ригой, что ему предшествовали в первой четверти XIII в. более ранние соглашения (возможно, не оформленные документами). Основная задача исследования — решить вопрос о происхождении отдельных списков договора и по сохранившимся шести спискам восстановить исто-

рию написания договора. В более ранних работах, касающихся этого вопроса (Куник, Лерберг, Голубовский), было высказано и обосновано мнение, что оригинал договора был написан не на русском, а на немецком или латинском языках. Проф. Борковский путём детального анализа текста и разбора доводов указанных выше учёных весьма убедительно доказывает, что текст договора 1229 г. был впервые составлен на русском языке в Смоленске при княжеском дворе до отъезда послов в Ригу и на Готланд. Этот текст почти в неизменённом виде дошёл до нас в так называемой «готландской редакции договора» (список «А»), был утверждён в Риге и на Готланде. Так называемая «рижская редакция» составлена позднее, во время возвращения русских послов в Ригу, на русском языке, но принята не была, она является лишь проектом договора.

Проф. П. Я. Черных опубликовал статью «О выражении «за шеломянем» в «Слове о полку Игореве» (стр. 47). Обычно это выражение переводилось «за холмом, за курганом» (от древнерусского «шелом» — курган, холм). Профессор Черных предлагает другое толкование: он обращает внимание на обстоятельство географического порядка, отмеченное в своё время в малоизвестной статье И. И. Малышевского¹. В «Слове» говорится о Тмутаракани гораздо больше, чем о других древнерусских городах (за исключением Киева). Присоединяясь к мнению А. И. Майкова, что автор «Слова» сложил свою поэму, находясь в половецком плену, профессор Черных выдвигает предположение, что местом плена были не степи, а Тмутаракань. С этим согласована главная мысль автора: выражение «за шеломянем» происходит не от слова «шелом», а от существовавшего в древнерусском языке и сохранившегося до наших дней в областных наречиях слова «соломя» — пролив, проток. Автор приводит все известные в литературе случаи употребления этого довольно редкого слова. По мнению автора, в «Слове» идёт речь о Керченском проливе. Пленники прибыли, по его мнению, в Тмутаракань с берегов Кальмиуса—Каялы—по обычной в то время дороге, вдоль Арабатской косы, мимо Керчи и далее через пролив; в таком случае русская земля осталась для пленников «за про-

¹ Малышевский И. К вопросу об авторе «Слова о полку Игореве». «Журнал министерства народного просвещения». Август 1879 года.

ливом». Гипотеза профессора Черных, снабжённая довольно солидной аргументацией, представляет интерес для исследователей «Слова о полку Игореве».

Старшему преподавателю Ф. Ф. Грищенко принадлежит «Заметка о рукописях Ярославского областного музея». Старинные рукописи, хранящиеся в Ярославле и сосредоточенные после революции в Ярославском областном музее, до сих пор не имеют полного описания; лишь три рукописи из этого фонда подвергались изучению исследователей. В данной заметке даётся описание двух любопытных рукописей. Первая из них — пергаментный «служебник», писанный уставом, с богатой орнаментацией; по почерку, орнаментации и именам князей и духовных лиц, упоминаемых в «синодике» (являющемся частью «служебника»), автор датирует рукопись началом XIV века. Вторая рукопись — «Слова Фёдора Студита» — тоже пергаментная, с бедной орнаментацией, писанная крупным каллиграфическим полууставом; по почерку автор датирует её первой половиной XV века. К статье приложены три снимка с отдельных страниц обеих рукописей.

Статья «Ярославская губерния в Отечественную войну 1812 г.» написана доцентом П. Г. Андреевым в результате изучения неизданных архивных фондов Ярославского государственного областного архива. На большом фактическом материале автор показывает, что «население Ярославской губернии приняло активное участие в великом общенародном деле помощи армии и родине». Описываются пожертвования на устройство и обеспечение вновь формируемых полков, на ополчение, на подвижной магазин для армии, пожертвования в пользу разорённых войной жителей временно оккупированных районов и семей воинов, сражающихся в рядах армии. Хотя оказалось невозможным подсчитать общую сумму пожертвований, приводимые материалы показывают, что она

достигала многих сотен тысяч рублей. Во второй части статьи автор рассказывает о наборе ополчения в Ярославской губернии и о его деятельности. По последнему вопросу автору, к сожалению, не удалось найти новых архивных сведений, и он излагает события по уже опубликованным материалам.

Статья проф. И. П. Шмидта «Русская армия и провал германской стратегии в первой мировой войне» охватывает события первых месяцев войны, восточнопрусскую операцию русской армии и её роль в крушении немецкого плана «молниеносной» войны. Автор показывает, как после вторжения двух русских армий в Восточную Пруссию германское верховное командование было вынуждено снять для спасения Восточного фронта три (а не два, как обычно считают) корпуса с основного стратегического направления, где в битве на Марне решались в этот момент судьбы войны. Поскольку русский фронт, вопреки плану Шлиффена, вместо небольшого «заслона» с самого начала приковал к себе 11 германских корпусов и потребовал снятия в самый ответственный момент с Западного фронта ещё трёх корпусов, немцам не удалось создать для решительного сражения на Марне численный перевес над противником, необходимый для одержания победы. На Марне против 65 французских дивизий немцы имели только 51 дивизию, что и предопределило их поражение. Свои положения автор подкрепляет большим количеством фактов и высказываний участников событий.

В заключение остаётся лишь пожалеть, что условия военного времени не позволили Ярославскому педагогическому институту выпустить свои «Учёные записки» массовым тиражом: они выпущены тиражом всего в 200 экземпляров, который сможет удовлетворить лишь библиотеки основных научных центров страны.

И. Шаскольский

«Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры». Вып. XI. Академия наук СССР. Институт истории материальной культуры имени Н. Я. Марра. Изд. АН СССР. М. и Л. 1945. 156 стр. 10 руб.

Очередной, XI выпуск «Кратких сообщений ИИМК», вышедший после долгого перерыва¹, содержит материалы происшедшего накануне войны (11—15 марта 1941 г.) пленума института, посвящённого археологическому исследованию древнерусских городов. В книге опубликованы далеко не все доклады, заслушанные на пленуме, и напечатан ряд сообщений, представленных на пленум, но оглашённых в секторах института².

Книга открывается статьёй М. К. Каргера «Землянка-мастерская киевского художни-

ка XIII века». Автор даёт описание исключительного по научному значению комплекса, открытого во время раскопок 1938 года. Землянка входила в состав ремесленного квартала, погибшего от пожара, повидимому, в 1240 г., при разгроме Киева монголами. Жители посёлка в момент пожара отсутствовали и, очевидно, после не возвращались; об этом свидетельствует тот факт, что в развалинах жилищ сохранился весь их инвентарь. Описываемая землянка представляла собой помещение, углублённое в лёссе, её стенки обмазаны глиной и обожжены; наземные части были деревянными и также обмазанными глиной. В углу землянки была глиняная; на деревянном каркасе, куполообразная печь, рядом с которой находился стол, о чём свидетельствуют сохранившиеся следы от его ножек. Под столом

¹ Обзор I—X выпусков «Кратких сообщений ИИМК» см. «Исторический журнал» № 3 за 1944 год.

² Обзор работ пленума см. «Историк-марксист» № 6 за 1941 год.

стояла огромная корчага, среди черепков которой было собрано около пуда обгоревшей пшеницы, хранившейся в ней. Большой редкостью для археологов является находка нескольких целых глиняных сосудов, в том числе одного жёлтого поливного; в одном из них сохранились обгоревшие комки пшённой каши. Ещё более примечательны фрагменты деревянной посуды: ведра, кадушки, мисок, ложек. Среди других предметов бытового назначения отметим совершенно целый глиняный светильник, остатки обуви, медную блесну, трубчатые замки. Особый интерес представляют предметы, рисующие облик хозяина землянки — ремесленника, обладавшего разнообразными знаниями. Здесь были найдены: набор деревообделочных инструментов и 14 маленьких горшочков с красками, медная литая лампада с рельефными фигурами четырёх святых и фрагментами медной цепочки, серебряная подвеска-лунница, украшенная изображением парных птиц, и около 600 граммов янтаря, частью в виде заготовок для бус и крестовельников. Повидимому, хозяин землянки был не только иконописцем, но также был знаком и с другими отраслями художественного ремесла: он мог, видимо, чинить ювелирные металлические изделия и изготавливать янтарные бусы. Значение этих находок для истории древнерусского ремесла домонгольского времени трудно переоценить.

Статья Б. А. Рыбакова «Жернова Вщижского городища» знакомит читателя с одной из интереснейших находок раскопок авторов 1940 г. — комплектом жерновов от домашнего ручного жернового постава. Эти жернова были обнаружены в подвале сгоревшей избы XII века. Путём тщательных наблюдений над условиями находки и сопоставлений с этнографическими данными автор смог дать весьма точную реконструкцию устройства этой «домашней мельницы». Выясняется большая изобретательность русских жерновников, которые «сумели преодолеть колоссальное сопротивление двух соприкасающихся поверхностей и остроумно подвесить «верховод» с зазором любой величины... Основные технические детали будущей мельницы были разработаны ещё на ручных жерновах» (стр. 19). Попутно автор рисует и облик избы XII в. — с огромными зерновыми ямами, вмещавшими до 3,5 тонны зерна. Каждый такой двор имел свою мукомольную установку.

Доклад архитектора И. М. Хозерова «Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска» освещает важнейшие достижения советской археологии в этой области. В итоге работ, начатых в 1923 г., в историю русской архитектуры вошёл настолько обильный смоленский материал, что стало возможно говорить о совершенно своеобразной смоленской школе русского зодчества XII—XIII веков. Помимо углублённого изучения построек — храмов Петра и Павла, Иоанна Богослова, Михайловской-Свирской церкви, — в результате которого были открыты новые художественные и технические особенности этих памятников, особый интерес представляют разведки развалин храмов, скрытых ныне под зем-

лёй. Церковь на Воскресенском холме имела сложные пилястры и многообломный портал романского характера, расписанный фресками. В развалинах храма на берегу речки Рачевки автор видит остатки «немецкой божницы», о которой упоминается в смоленском торговом договоре 1229 года. Романские черты обнаруживает и храм на Спасском холме. «Все эти черты, — замечает автор, — свидетельствуют, что владимиро-суздальское зодчество с его ярко выраженным романским обликом было не одиноко» (стр. 25). Небольшие разведки развалин Мономахова Успенского собора 1101 г. позволили установить пока лишь характер кладки и значительные размеры здания: ширина его составляла около 23 м. Интересны новые многочисленные наблюдения над техникой кладки и производством древнего кирпича. Попутно автор сообщает об обнаруженных им следах культурного слоя VI—VIII и IX—X вв. на холме, на котором был построен Мономахов собор. Последующее исследование этого холма может дать новые материалы по истории дофеодального поселения на месте Смоленска и по-новому осветить соотношение с ним Гнездовского и Ольшанского городищ.

С Гнездовом связана и находка интереснейшего по ритуалу и инвентарю женского погребения X в., описываемого в статье Н. А. Андреева и Н. П. Милонова «Раскопки на Гнездовском городище в 1940 г.». Умершая была сожжена на костре, разложенном над вырытой под ним ямой, куда и осели остатки трупа. На дне ямы были найдены богатые золотые и серебряные украшения; среди них особенно интересна золотая подвеска — солид византийского императора Александра (912—913).

Этой уникальной находке посвящена специальная заметка М. А. Тихановой «Золотая византийская подвеска-монета из женского погребения в Гнездове». Автор подчёркивает исключительную редкость монеты: насчитывается всего пять экземпляров солида Александра. Ценность шестого, гнездовского, экземпляра увеличивается тем, что он был найден в археологическом комплексе, тогда как остальные — неизвестного происхождения и попадали в музей путём покупок. «Весьма соблазнительно было бы поставить появление этой монеты на Руси в непосредственную связь с договором 911 г. русских с греками» (стр. 30), заключает автор.

Следующая группа статей посвящена древностям Великого Новгорода и Старой Ладogi.

Большая статья В. И. Равдоникаса «Старая Ладога» знакомит с итогами раскопок 1938—1940 гг. этого интереснейшего памятника. Земляное городище Ладogi привлекало внимание археологов ещё в дореволюционные годы: Н. И. Репников в 1910—1913 гг. впервые провёл здесь большие раскопки. К площади этих раскопок примкнула площадь раскопок В. И. Равдоникаса, составив в целом 1040 кв. м. Мастерская методика раскопок позволила установить ряд этапов в жизни городища и с исключительной точностью фиксировать отдельные па-

мятники. В верхнем слое были изучены развалины западной стены церкви Климента (1153), упавшей в XVII веке. Далее была обнаружена мостовая соборной площади из известковых плит, валунов и кирпича, сооружённая в XV—XVI веках. Ниже мостовой шёл слой с остатками деревянных построек XIII—XIV вв., располагавшихся поблизости от церкви и затем уступивших место открытой площади. Далее был обнаружен ряд погребений XI—XII вв., местами прорезавших нижележащий слой с остатками деревянных построек IX—X веков. Изучение последних позволило установить типические черты северо-русских деревянных построек этой древнейшей поры: это квадратная мощная срубная изба 4—5 м в квадрате, с завалинами, тесовой кровлей на стропилах, земляным или тесовым полом, с каменной печью в заднем углу избы, волоковыми скнами, сенями и иногда обширным крытым двором. Этот тип жилья, сложившийся к началу феодального периода, был очень устойчив. Из отдельных хозяйственных построек лучше всего изучены хлевы и житницы. Установлены и некоторые черты планировки посёлка: жилища были расположены двумя параллельными рядами, обращаясь друг к другу своими хозяйственными постройками и задними фасадами. С одной стороны (западной), по видимому, была улица. Постройки очень скучены и имеют лишь узкие проходы и задворки. Огромный вещевой материал — свыше 20 тыс. номеров — позволил восстановить характер хозяйства ладожан IX—X вв., которое определяется как крестьянское индивидуальное хозяйство с домашней промышленностью, но и с несомненным наличием развивающегося ремесла. Кроме поселения, исследованию подверглись и приладожские могильные памятники VIII—X веков.

При раскопках Старой Ладogi впервые в широком масштабе были собраны растительные остатки в слое IX—X вв., характеристика которых дана в статье В. А. Петрова «Растительные остатки из культурного слоя Старой Ладogi (IX—X век)». Анализ остатков дал любопытные выводы как о ландшафте посёлка, так и о хозяйственном значении отдельных растений. «Вдоль домов высились высокие стены «бурьянов» с ютящейся в тени их по поверхности почвы мокрицей... где проходила дорожка, поднималась приземистая щётка придорожных сорняков, гичьей гречи и розеток пастушьей сумки и большого подорожника» (стр. 44). Из культурных растений, по видимому, возделывалось лишь метельчатое просо.

Статья крупнейшего нашего нордиста, покойной Е. А. Рыдзевской «Сведения о Старой Ладoge в древнесеверной литературе» представляет ценнейший свод источников, комментированных со свойственной автору огромной эрудицией и мастерством анализа и обильными оригинальными наблюдениями над оттенками текстов.

Доклад А. А. Строкова «Раскопки в Новгороде в 1940 г.» освещает ряд исключительно интересных открытий, сделанных в итоге широко поставленных раскопок в Нов-

городском кремле. Обнаружены и изучены фундаменты Борисоглебского собора, построенного в 1167—1173 гг. знаменитым новгородским гостем Садко Сытиничем. Храм оказался обширным шестистолпным собором, близким по типу соборам Юрьева и Антоньева монастырей, но превосходящим их по размерам, с хорами в западной части и, вероятно, с деревянной внутренней лестницей на них; его фасады членились мощными пилястрами и были, видимо, украшены резными закладными крестами. Особый интерес представляет резная из известняка листовая капитель, которую автор относит также к фасадному убранству храма. В соборе был открыт ряд захоронений в каменных саркофагах, часть которых с остатками богатых уборов, возможно, связывается с родом Садко Сытинича. Четыре из них имели драгоценные очелья-повязки в виде диадем с нашивками из серебряно-вызолоченных бляшек, цветных камней и эмалей. Предложенная автором реконструкция диадемы (рис. 32), конечно, пока очень сомнительна.

Сообщение С. А. Таракановой «Археологические разведки в Новгородских пятинах» знакомит с итогами работ 1940 г., дополняющими ранее опубликованные результаты разведок автора в 1938—1939 гг. по исследованию сельских поселений новгородской земли.

Следующая значительная группа статей посвящена древностям Владимиро-Суздальской области.

Доклад автора этих строк «Основные вопросы реконструкции Боголюбовского дворца» посвящён краткой аргументации главных элементов публикуемого варианта реконструкции дворца князя Андрея 1158—1165 гг., открытого раскопками 1934—1939 годов. Сложность этой задачи состоит в том, что в зодчестве времён Андрея сливались в органическом единстве черты русской национальной традиции с элементами романской архитектуры. Сравнительно ясен и бесспорен характер прекрасного дворцового собора с его величественным интерьером, мощными колоннами и богатейшей декорировкой: фреской, металлопластикой, майоликовыми и медными полами, резным камнем. Больше спорных моментов в реконструкции крыльев переходов с их аркадами и лестничными башнями. При ясности общей композиции, документированной сохранившимся северным звеном переходов с башней и открытыми цоколями и деталями, особенно интересен вопрос о покрытии башни. Реконструкция даёт шатровые верхи, которые представляются наиболее реальными на основе приводимых аналогий и данных источников. Форма и масштаб шатров могут быть трактованы различно, но самый принцип покрытия башни шатром, а не главой со световым барабаном представляется автору единственно возможным решением. Ансамбль Боголюбовского дворца является пока уникальным памятником русской дворцовой архитектуры XII в. и прекрасным документом расцвета и высокого уровня владимирской культуры этой поры.

— Статья В. В. Гинзбурга и М. М. Гераси-

мова «Андрей Боголюбский» документирует публикуемую реконструкцию физического облика этого крупнейшего государственного деятеля древней Руси, сделанную на основе его подлинного черепа, хранящегося во Владимирском музее. Скульптурный портрет Андрея, известный уже и ранее по экспозиции Государственного исторического музея, вызвал горячие споры и возражения, связанные главным образом с ярко выраженными монголоидными чертами лица — наследством матери-половчанки. Однако приводимые авторами точные показатели, лежащие в основу реконструкции, настолько сужают поле произвола и ошибок, что скептические возражения должны значительно ослабеть. Предложенная реконструкция, если вдуматься в её основные черты, также прекрасно согласуется со всем тем, что мы знаем о характере «владимирского самовластца», соединившего в своей крови наследие русских князей с наследием прабабки — византийской принцессы, бабки — Гиты Гаральдовны и матери-половчанки.

В обзоре А. Ф. Дубынина «Археологические исследования г. Суздаля (1936—1940 гг.)» первостепенный интерес представляет открытый автором в кремле комплекс жилищ X—XIV веков. Древнейший тип X—XI вв. представлен землянкой криволинейного очертания, целиком опущенной в грунт, над которой возвышалась лишь кровля, опирающаяся на оставленные выступы почвы; землянка имела очаг и небольшое подполье, по стенкам шли нары. К XI—XII вв. относятся земляночные или полуземляночные жилища правильной четырёхугольной формы с укрепленными плетнём или тёсом стенками, очагом в центре и, вероятно, четырёхскатным деревянным перекрытием. Одно из этих жилищ имело сруб, который охватывал его нижнюю часть. На том же участке были прослежены подпольные ямы срубных наземных жилищ, датируемых XIII—XIV веками. Намечившиеся хронологические определения едва ли могут говорить о последовательной эволюции типов жилищ. Последующие раскопки в кремле, вероятно, установят сосуществование этих различных типов жилья, представляющих, как можно думать, социальные различия. Далее автор описывает обнаруженное при раскопках в Суздальском соборе погребение в белокаменном саркофаге, по его мнению, принадлежащее князю Святославу Юрьевичу, умершему в 1174 году. Своеобразная форма саркофага с плечами и полукруглым изголовьем находит прямую аналогию в саркофаге XII в., открытом автором этих строк в Боголюбове. Разведочные работы на территории города определили дату сооружения кремлёвских валов (XII в.), насыпанных на культурном слое IX—XI вв., и валов острога, сооружённых в XIII в. на слое XII века.

Сообщение А. Д. Варганова «К архитектурной истории Суздальского собора (XI—XVII вв.)» подытоживает исследования этого сложнейшего памятника, проводившиеся

автором (частью совместно с А. Ф. Дубыниным) в течение ряда лет. В основании существующего собора XIII в. открыты стены древнейшего кирпичного храма, построенного Мономахом в конце XI в. по образцу собора Киево-Печерской лавры. Этот памятник свидетельствует о том, что суздальское зодчество этой поры придерживалось киевской художественной и технической традиции. Исследования существующего храма 1222—1225 гг. открыли неизвестные ранее его своеобразные черты: он имел обширные хоры, ход на которые шёл не через лестничную башню, а через внутреннюю лестницу в стене западного притвора, имевшего второй этаж, — собор стал впервые храмом горожан, выйдя из связи с княжеским или епископским двором. Автор установил также ряд интереснейших подробностей строительства собора 1222—1225 гг. и его последующей судьбы.

С выдающимися памятниками русского прикладного искусства, сохранившимися в Суздальском соборе, связаны статьи Е. С. Медведевой «О датировке врат Суздальского собора» и Ф. Я. Мишукова «К вопросу о технике золотой и серебряной наводки по красной меди в древней Руси». Е. С. Медведева путём анализа изображений святых на валиках врат и их сопоставления с одноименными историческими лицами XIII в. устанавливает точную дату южных (1222—1233) и западных (1227—1238) врат. Ф. Я. Мишуков в своей статье раскрывает интереснейшую и сложную технику изготовления суздальских врат, сделанных, по всем данным, русскими мастерами.

В докладе В. и Е. Голубович «Кривой город — Вильно» на основе археологических исследований города выдвинуты интересные предположения: «1. Кривой город — Вильно мог быть основан кривичами во время расширения в раннефеодальную эпоху территории кривичского княжества на запад. 2. Ещё до времени княжения Гедимина Кривой город развился и вырос в такое значительное поселение, что Гедимин, если верить письменной традиции, счёл нужным перенести сюда столицу Великого княжества Литовского» (стр. 123—124).

В статье тех же авторов «Славянские поселения правобережной Днисны в Вилейском округе БССР» подытожено археологическое обследование данного района в 1933—1939 гг., установившее наличие здесь в IX—XIV вв. славянского населения и сосуществование двух обрядов погребения (труположение и трупосожжение), указывающих, по видимому, на соседство двух славянских племён.

Таковы в кратких чертах интереснейшие итоги работы советских археологов-медиевистов, отражённые реферируемым выпуском «Кратких сообщений ИИМК». Следует пожелать, чтобы вслед за этими краткими публикациями институт скорее издал полные, обстоятельные отчёты об археологических раскопках древнерусских городов.

Проф. Н. Воронин

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Иностранные книги по истории нового времени II. 1789—1914.

NEWTON A. *A hundred years of the British empire*. London. Duckworth. 1940. 416 p. (The hundred years series).

НЬЮТОН А. *Сто лет Британской империи*.

ROBERTS M. *The whig party, 1807-1812*. London. Macmillan. 1939. VIII, 453 p. (Studies in modern history).

РОБЕРТС М. *Партия вигов, 1807—1812*.

BROCK W. *Lord Liverpool and liberal toryism, 1820 to 1827*. Cambridge. University press, 1941. 298 p.

БРОК У. *Лорд Ливерпуль и либеральный торизм, 1820—1827*.

PHILIPS C. *The East India company, 1784—1834*. Manchester. Manchester university press. 1940. VII, 374 p. (Publications of the University of Manchester, N 270. Historical series № 77.)

ФИЛИПС К. *Ост-Индская компания 1784—1834*.

COLE G. *British working class politics, 1832—1914*. London. Routledge. 1941. VIII, 320 p.

КОЛ ДЖ. *Политика британского рабочего класса, 1832—1914*.

PANCOAST E. and LINCOLN A. *The incorrigible idealist Robert Dale Owen in America*. Bloomington, Indiana. The Principia press. 1940. 150 p.

ПЭНКОСТ Е. и ЛИНКОЛЬН А. *Неисправимый идеалист Роберт Оуэн в Америке*.

LEVESON GOWER G. *Years of content 1858—1886*. London. Murray. 1940. X, 270 p.

ЛЕВИСОН ГОВЕР Г. *Счастливые годы 1858—1886*.

Воспоминания личного секретаря Гладстона.

OMAN Ch. *Memories of Victorian Oxford and of some early years*. 3d ed. London. Methuen & co. 1942. XII, 288 p. (First published October 16th 1941. Second ed. December 1941).

ОМАН Ч. *Воспоминания об Оксфорде времён королевы Виктории и о нескольких более ранних годах*.

FOX G. *British admirals and Chinese pirates, 1832—1869*. London. Kegan Paul, Trench, Tribner & co. 1940. XIV, 227 p.

ФОКС Г. *Британские адмиралы и китайские пираты, 1832—1869*.

KIERNAN E. *British diplomacy in China 1880 to 1885*. Cambridge. University press. 1939. XI, 327 p.

КИРНАН Е. *Английская дипломатия в Китае с 1880 до 1885 гг.*

MARDER A. *The anatomy of British sea power*. A history of British naval policy in the pre-dreadnought era, 1880—1905. New York. Knopf. 1940. XIX, 580, XV p. (Bureau of International research. Harvard university and Radcliffe college)

МАРДЕР А. *Британские морские силы*. История Британской морской политики в эпоху, предшествующую появлению дредноутов, 1880—1905.

GAVIN C. *Edward the Seventh*. A biography. London. Cape. 1941. 256 p.

ГЭВИН К. *Эдуард Седьмой*. Биография.

HALE O. *Publicity and diplomacy*. With special reference to England and Germany, 1890—1914. New York—London. Appleton Century co. 1940. XI, 486 p.

ХЕЙЛ О. *Общественное мнение и дипломатия, в особенности в Англии и Германии в 1890—1914 гг.*

WAVELL A. Allenby. *A study in greatness*. The biography of field-marshal viscount Allenby of Megiddo and Felixstowe C. D. B. G. C. M. G. London. Harrap. 1941. 312 p.

УЭВЕЛЛ А. *Алленби*. Очерк жизни великого человека. Биография фельдмаршала виконта Алленби.

BROWNRIGG D. *Unexpected* (a book of memories). London—New York—Melbourne Hutchinson. 1942. 172 p.

БРАУНРИГ Д. *Неожиданное*. Книга воспоминаний.

Генерал-лейтенант Дуглас БРАУНРИГ—участник Первой и Второй мировых войн.

VILLAT L. *La revolution et l'Empire*. (1789—1815). I. Les assemblées révolutionnaires, 1789—1799. Avant-propos de S. Charléty. Paris. Les presses universitaires de France. 1940. LXXII, 421 p. (Clio. Introduction aux études historiques, 8).

ВИЛЛА Л. *Революция и Империя (1789—1815)*. I. Представительные собрания революционного периода. Предисловие С. Шарлети (Клио. Введение в изучение истории, [Серия справочников] вып. 8).

CHILDS F. *French refugee life in the United States, 1790-1800*. An American chapter of the French revolution. Baltimore. John Hopkins press. 1940. XVII, 229 p. (Institut Francais de Washington).

ЧАЙЛЬДС Ф. *Жизнь французских эмигрантов в Соединённых Штатах, 1790—1800.*

SLOANE J. *The life of Napoleon Bonaparte.* Introduction by W. Van Loon. Vol. 1—2. New York—London. Appleton century. 1939.

СЛООН И. *Жизнь Наполеона Бонапарта.* Предисловие Г. Ван Луна.

Первое четырёхтомное издание вышло в Нью-Йорке в 1896 г. Имеется сокращённый перевод этого издания на русский язык В. Л. Ранцова под заглавием: «Новое жизнеописание Наполеона». Спб. 1896 иллюстрированное приложение к «Вестнику иностранной литературы»).

RATH R. *The fall of the Napoleonic kingdom of Italy (1814).* New York. Columbia university press. London. King. 1941. 247 p.

РЭТ Р. *Падение итальянского королевства Наполеона (1814).*

In Napoleonic days. Extracts from the private diary of Augusta, duchesse of Saxe—Coburg—Saalfeld, queen Victoria's maternal grandmother, 1806—1821. Selected and translated by the princess Beatrice. London. Murray. 1941, VII, 237p.

В дни Наполеона. Выдержки из частного дневника Августы, герцогини Саксен-Кобург-Заальфельдской. 1806—1821.

MAYER J. *Alexis de Tocqueville.* A biographical essay in political science. Transl. by M. M. Bozman and C. Hahn. New York. Viking press. 1940. 233 p.

МАЙЕР ДЖ. *Алексис де Токвиль.* Биографический очерк. Пер. М. М. Бозман и С. Ган.

BRABANT F. *The beginning of the Third republic in France.* A history of the National assembly. (February—September 1871). London. Macmillan & co. 1940. XII, 555 p. (Studies in modern history, ed. by L. B. Namier).

БРАБАНТ Ф. *Возникновение Третьей республики во Франции.* История Национального собрания (февраль — сентябрь 1871 г.).

SOULIER A. *L'instabilité ministérielle sous la Troisième république (1871—1938).* Préf. de M. Prélot. Paris. Recueil Sirey. 1939. 12, XXIV, 603 p. (Bibliothèque d'histoire politique et constitutionnelle, IV).

СУЛЬЕ А. *Неустойчивость министерства в период Третьей республики (1871—1938).* Предисл. М. Прэло.

TAYLOR A. *The Habsburg monarchy 1815—1918.* A history of the Austrian empire and Austria—Hungary. London. Macmillan & co. 1941. XII, 316 p.

ТЭЙЛОР А. *Габсбургская монархия 1815—1918.* История Австрийской империи и Австро-Венгрии.

SWEET P. *Friedrich von Gentz. Defender of the old order.* Madison—Wisconsin. University of Wisconsin press. 1941. VIII, 326 p.

СЮИТ П. *Фридрих фон Генц, защитник старого порядка.*

ANDERSON P. *The background of anti—English feeling in Germany, 1890—1902.* Washington. American university press. 1939. XXII, 382 p.

АНДЕРСОН П. *Основные причины антагонистических настроений в Германии, 1890—1902.*

BARLOW L. *The Agadir crisis.* Chapel Hill. The University of North Carolina press 1940, VI, 422 p.

БЭРЛОУ У. *Агадирский кризис.*

TIMS R. *Germanizing Prussian Poland.* The H. K. T. society and the struggle for the Eastern marches in the German empire, 1894—1919. New York. Columbia university press. 1941. 312 p.

ТИМС Р. *Онемечение прусской Польши.* Общество «Ганземан — Кеннеман — Тидеман» [гакатисты] и борьба за восточные провинции в Германской империи 1894—1919 гг.

Указанные лица — лидеры Союза восточных марок (Ost-Marken Verein).

BUTLER R. *The roots of national socialism, 1783—1933.* London. Faber & Faber. 1941. 310 p.

БЕТЛЕР Р. *Корни национал-социализма, 1783—1933.*

The revolt of the Serbs against the Turks (1804—1813). Transl. from the Serbian national ballads of the period, with an introd. by W. A. Morison. Cambridge, University press 1942. XL, 181 p.

Восстание сербов против турок (1804—1813). Переведено из сербских национальных баллад этих лет.

FORSTER E. *A short history of modern Greece, 1821—1940.* London. Methuen. 1941. XIII, 237 p.

ФОРСТЕР Е. *Краткая история Греции в новое время, 1821—1940.*

FERRERO G. *The reconstruction of Europe. Talleyrand and the Congress of Vienna 1814—1815.* Transl. by Th. R. Jaeckel. New York. Putnam. 1941, XIV, 351 p.

ФЕРРЕРО ДЖ. *Восстановление Европы.* Талейран и Венский конгресс 1814—1815 гг. Перевод Т. Джекля.

MACLEMORE R. *Franco—American diplomatic relations 1816—1836.* Louisiana. Louisiana state University press. 1941. XI, 227 p.

МАК — ЛЕМОП Р. *Франко-американские дипломатические отношения 1816—1836.*

- DAVID W. *European diplomacy in the Near Eastern question, 1906—1909*. Urbana. University of Ill. press. 1940. 124 p. (Illinois studies in the social science. Vol. 25, № 4).
- ДЭВИД У. *Ближневосточный вопрос в европейской дипломатии 1906—1909 гг.*
- TOWNSEND M. *European colonial expansion since 1871*. With the collaboration of C. H. Peake. Ed. by W. C. Langsam. Chicago — Philadelphia — New York. Lippincott. 1941. VIII, 629 p.
- ТАУНСЕНД М. *Европейская колониальная экспансия с 1871 г.* С участием К. Пик. Под ред. У. Лангзам.
- BATTEN T. *Tropical Africa in world history*. Book 1—3. Oxford university press. 1938—1941. Book 1. The foundations of modern history. 1938. Book 2. The growth of Europe and the British empire. 1941. Book 3. Africa in modern history after 1800. 1940
- БЭТТЕН Т. *Тропическая Африка в мировой истории*. Кн. 1—3. Кн. 1. Начальный период истории нового времени. Кн. 2. Рост государств континента Европы и Британской империи. Кн. 3. Африка в истории нового времени после 1800 г.
- LIVINGSTONE D. *Some letters from Livingstone 1840—1872*. Ed. by D. Chamberlin. With an introduction by R. Coupland. London. Oxford university press. 1940. XXVI—279 p.
- ЛИВИНГСТОН Д. *Письма Ливингстона 1840—1872*. Подгот. к печати Д. Чемберлин. С введением Р. Коуплэнда.
- COUPLAND R. *The exploitation of East Africa, 1856—1890*. The slave trade and the scramble. London. Faber & Faber. 1939. X. 507 p.
- КОУПЛЭНД Р. *Торговля рабами в Восточной Африке в 1856—1890 гг. и борьба вокруг неё*.
- CROWE S. *The Berlin West African conference, 1884—1885*. London. Longmans. Green & co. 1942. X, 249 p. (Royal empire society. Imperial studies, № 19).
- КРОУ С. *Конференция 1884—1885 гг. в Берлине по вопросу о Западной Африке*.
- PURYEAR V. *France and the Levant*. From the Bourbon restoration to the peace of Kutiah. With an introd. by H. Hauser. Berkeley and Los Angeles. University of California press. 1941. XV, 252 p. (University of California publications in history. Vol. 27)
- ПЕРИИР В. *Франция и Левант от реставрации Бурбонов до мира в Кутайе*. С предисловием Г. Озе.
- NICHOLS J, and Nichols R. *The Republic of the United States*. A history. Vol. I 1493—1865. New York — London. Appleton century. 1942. XIII, 638 p. (The century historical series. W. E. Lingelbach, editor).
- НИКОЛС ДЖ. и НИКОЛС Р. *Республика Соединённых Штатов*. История. Т. I. 1493—1865.
- BOGART E. and Kemmerer D. *Economic history of the American people*. New York — London — Toronto. Longmans, Green. 1943. X. 909 p.
- БОГАРТ Е. и КЕММЕРЕР Д. *Экономическая история американского народа*.
- HOCKETT H. *The constitutional history of the United States, 1826—1876*. A more perfect union. New York. Macmillan. 1939. XLII, 405 p.
- ХОКЕТТ Г. *Конституционная история Соединённых Штатов, 1826—1876*.
- CAMPBELL T. *Two fighters and two fines*. Stetches of the lives of Matthew Lyon and Andrew Jackson. 2d ed. Little Rock. Pioneer publ. co. 1941. 557 p.
- КЭМПБЕЛЛ Т. *Два борца и два взыскания*. Очерки жизни Мэтью Лайона (1750 — 1822) и Эндрю Джексона (1767 — 1845). 2-е издание.
- GREEN J. *William Henry Harrison*. His life and times. Richmond, Virginia. Garrett and Massie. 1941. XII, 536 p.
- ГРИН ДЖ. *Уильям Генри Гаррисон*. Его жизнь и время.
- У. Г. Гаррисон — 10-й президент США (1841).
- HAMILTON H. *Zachary Taylor soldier of the Republic*. Indianapolis — New York. Bobbs—Merrill co. 1941. 335 p.
- ГАМИЛЬТОН Г. *Захарий Тэйлор, воин республики*.
- Захарий Тэйлор — 12-й президент США (1848 — 1850).
- DUMOND D. *Antislavery origins of the Civil war in the United States*. Ann Arbor. University press. 1939. VII, 143 p. (Commonwealth foundation lectures. Univ. college. London, second term. 1938—39).
- ДЬЮМОНД Д. *Борьба за уничтожение рабства, как причина гражданской войны в Соединённых Штатах*.
- CRAVEN A. *The coming of the Civil war*. New York. Scribner. 1942. IX, 491 p.
- КРЭВН Е. *Канун гражданской войны в США*.
- MILTON G. *Conflict*. The American Civil war. New York. Coward—McCann. 1941. XII, 433 p.
- МИЛЬТОН ДЖ. *Конфликт*. Гражданская война в Америке.
- WASHINGTON J. *They knew Lincoln*. With an introd. by C. Sandburg. New York. Dutton. 1942. 244, 21 p.
- ВАШИНГТОН ДЖ. *Они знали Линкольна*. С предисловием К. Сандберга.
- Сборник воспоминаний.
- WILLIAMS T. *Lincoln and the radicals*. Madison, Wis. University of Wisconsin press. 1941. 413 p.
- ВИЛЛЬЯМС Т. *Линкольн и радикалы*.
- MILTON G. *Abraham Lincoln and the fifth column*. New York. Vanguard press. 1942. 364 p.
- МИЛЬТОН ДЖ. *Авраам Линкольн и «пятая колонна»*.

- LEECH M. *Reveille in Washington. 1860—1865.* New York and London. Harper, 1941. X, 483 p.
- ЛИЧ М. *Утренняя заря в Вашингтоне, 1860—1865.*
Жизнь в Вашингтоне в годы гражданской войны.
- Laws and joint resolutions of the last session of the Confederate congress* (November 7, 1864—March 18th, 1865), together with the secret acts of previous congresses. With an introd. and bibliogr. note by Ch. W. Ramsdell ed.—Durham. Duke university press. 1941. XXVII, 183 p.
- Законы и общие резолюции последней сессии конгресса конфедерации Южных Штатов* (7 ноября 1864 — 18 марта 1865), с добавлением секретных документов предыдущих конгрессов. С введением и библиографической заметкой Ч. Рамселла (ред.).
- DU BOSE J. *Alabama's tragic decade* Ten years of Alabama. 1865—1874. Ed. by J. K. Greer. Birmingham, Alabama. 1940. XXVI, 435 p.
- ДЮ БОЗ ДЖ. *Трагическое десятилетие Алабамы. 1865—1874.* Подгот. к печати Дж. К. Грир.
- DALZELL G. *The flight from the flag.* The continuing effect of the Civil war upon the American carrying trade. Chapel Hill. University of North Carolina press. 1940. XVIII, 292 p.
- ДОЛЗЕЛ ДЖ. *Бегство от флага. Длительное влияние гражданской войны на американскую морскую торговлю.*
- SCHLESINGER A. *Political and social growth of the American people, 1865—1940.* 3d ed. New York. Macmillan. 1941. XXI, 783 p.
- ШЛЕЗИНГЕР А. *Политическое и социальное развитие американского народа, 1865—1940.* 3-е изд.
- EWING C. *Presidential elections.* From Abraham Lincoln to Franklin D. Roosevelt. Norman. University of Oklahoma press. 1940. VIII, 226 p.
- ИВИНГ Ч. *Президентские выборы в США от Авраама Линкольна до Франклина Д. Рузвельта.*
- LASKI H. *The American presidency, an interpretation.* New York and London. Harper. 1940. VIII, 278 p.
- ЛАСКИ Г. *Президентские полномочия в Америке.*
Введение. Президент и его кабинет. Президент и конгресс. Внешние сношения. Заключение.
- MCCLURE W. *International executive agreements.* Democratic procedure under the constitution of the United States. New York. Columbia university press. 1941. XXII, 449 p.
- МАК КЛЮР У. *Международные договоры, заключаемые исполнительной властью.* Демократическая процедура по Конституции Соединённых Штатов Америки.
- TWISS B. *Lawyers and the constitution* How „Laissez faire“ came to Supreme court. With a foreword by E. S. Corwin. Princeton. University press. 1942. XII, 271 p.
- ТУИСС Б. *Законоведы и конституция.* Проникновение политики «Laissez faire» в Верховный суд.
- PRINGLE H. *The life and times of William Howard Taft.* A biography. Vol. 1—2. New York—Toronto. Farrar and Rinehart. 1939.
- ПРИНГЛ Г. *Жизнь и время Уильяма Говарда Тафта.*
- HANDLIN O. *Boston immigrants, 1790—1865.* A study in acculturation. Cambridge. Harvard University press; London. Milford, Oxford University press. 1941. XVIII, 287 p. (Harvard historical studies. Vol. 30).
- ХЭНДЛИН О. *Иммигранты Бостона (США). 1790—1865.* Исследование об аккультурации переселенцев.
- LUDLUM D. *Social ferment in Vermont 1791—1850.* New York. Columbia university press. 1939. X, 305 p. (Columbia studies in American culture, № 5).
- ЛЕДЛЕМ Д. *Общественное движение в Вермонте, 1791—1850.*
- PIERCE B. *A history of Chicago.* Vol. 2. From town to city, 1848—1871. London. Knopf. 1940. XIII, 527, XXXIII p.
- ПИРС Б. *История Чикаго.* Т 2. От поселка к городу, 1848—1871.
I том вышел в 1937 г.
- ROBBINS R. *Our landed heritage.* The public domain, 1776—1936. Princeton. Princeton university press; London, Milford, Oxford university press. 1942. X, 450 p.
- РОББИНС Р. *Наше земельное наследство.* Государственный домен. 1776—1936.
- HAFEN L. and RISTER C. *Western America.* The exploration, settlement and development of the Region beyond the Mississippi. New York. Prentice—Hall. 1941. XXIV, 698 p.
- ХАФЕН Л. и РИСТЕР С. — *Западная Америка.* Исследование, заселение и развитие области на запад от Миссисипи.
- OVERTON R. *Burlington West.* A colonization history of the Burlington railroad. Cambridge, Mass. Harvard university press 1941. XVIII, 583 p.
- ОВЕРТОН Р. *Западный Берлингтон.* История колонизации Берлингтонской железной дороги.
- DOWNES R. *Council fires on the Upper Ohio.* A narrative of Indian affairs in the Upper Ohio valley until 1795. Pittsburgh University of Pittsburgh press. 1940. X, 365 p.
- ДАУНС Р. *Индейцы и белые в долине Верхнего Огайо до 1795 г.*
- HARMON G. *Sixty years of Indian affairs.* Political, economic and diplomatic 1789—1850. Chapel Hill. University of North Carolina press. 1941. VIII, 428 p.

ХАРМОН ДЖ. *Шестьдесят лет политической, экономической и дипломатической истории американских индейцев, 1789—1850.*

PRIEST L. *Uncle Sam's stepchildren* The reformation of United States Indian policy, 1865—1887. New Brunswick. Rutgers university press. 1942. X, 310 p.

ПРИСТ Л. *Пасынки дяди Сэма.* Изменения в политике Соединённых Штатов в отношении индейцев, 1865—1887.

The Negro in Virginia. [From 1619 to present day] Comp. by workers of the writers. Program of the work projects administration in the state of Virginia. New York. Hasting. 1940, XII, 380 p.

Негры в Виргинии.

История негров в Виргинии с прибытия первых негров (1619) до настоящего времени.

SMITH S. *The Negro in Congress 1870—1901.* Chapel Hill. University of North Carolina press. 1940. XIII. 160 p.

СМИТ С. *Негры в Конгрессе.* 1870—1901.

LATANE J. and WAINHOUSE D. *A history of American foreign policy.* 2d rev. ed. New York. Odyssey press. 1940. IX, 1028 p.

ЛАТАН ДЖ. и УЭНХАУЗ Д. *История американской внешней политики.* 2-е пересмотр. изд.

LOGAN R. *The diplomatic relations of the United States with Haiti, 1776—1891* Chapel Hill. University of North Carolina press. 1941. XI, 516 p.

ЛОГАН Р. *Дипломатические отношения Соединённых Штатов с Гаити, 1776—1891.*

SMITH G. *The treaty of Washington, 1871.* A study in imperial history. Ithaca—New York. Cornell university press. 1941. XIII, 134 p.

СМИТ Г. *Вашингтонский договор, 1871.*

Договор с Великобританией для урегулирования так называемого алабамского инцидента.

TANHILL Ch. *The foreign policy of Thomas E. Bayard, 1885—1897.* New York. Fordham university press. 1940. XXXIX, 800 p.

ТЕНСИЛ Ч. *Внешняя политика Томаса Ф. Баярда, 1885—1897.*

HEINDEL R. *The American impact on Great Britain, 1898—1914.* A study of the United States in world history. Philadelphia. University of Pennsylvania press. London. Milford, Oxford University press. 1940. IX, 439 p.

ХАЙНДЛ Р. *Давление Америки на Великобританию.* 1898—1914. Роль Соединённых Штатов в мировой истории.

MCINNIS E. *The unguarded frontier.* A history of American—Canadian relations. Garden city—New York. Doubleday, Doran 1942. 384 p.

МАК ИННИС Е. *Неохраняемая граница.* История американо-канадских взаимоотношений.

As our neighbours see us. Readings in the relations of the United States and Latin America 1820—1940. Stillwater, Okla. 1940. 317 p.

Глазами соседей. Взаимоотношения Соединённых Штатов и государств Латинской Америки, 1820—1940.

ANDREWS W. *The Vanderbilt legend* The story of the Vanderbilt family 1794—1940. New York. Harcourt, Brace, & co. 1941. X, 454 p.

ЭНДРЬЮС У. *Легенда о Вандербильдах.* История семьи Вандербильд, 1794—1940.

NEVINS A. *John D. Rockefeller the heroic age of American enterprise.* Vol. 1—2. New York. Scribner. 1941—1942.

НЕВИНС А. *Джон Д. Рокфеллер.* Героическая эпоха американской деловой предприимчивости.

WADE M. *Francis Parkman, heroic historian.* New York. Viking press. 1942. XIII, 466 p.

УЭД М. *Френсис Паркмэн,* героический историк.

PINCHON E. *Zapata the unconquerable* New York. Doubleday, Doran & co. 1941. X, 332 p.

ПИНЧОН Е. *Сапата непобедимый.*

Об активном участнике мексиканской революции (1910—1920), возглавлявшем крестьянское движение. Имеется русский перевод. (М. 1943.)

LUDWIG E. *Bolivar.* The life of an idealist. New York. Alliance book corporation, 1942. IX, 362 p.

ЛЮДВИГ Э. *Боливар.* Жизнь идеалиста.

PADELFOED N. *The Panama canal in peace and war.* New York. Macmillan. 1942. XII, 327 p.

ПЭДЕЛЬФОРД Н. *Панамский канал в мирное время и во время войны.*

NORMAN E. *Japan's emergence as a modern state.* Political and economic problems of the Meiji period. New York. International secretariat. Institute of pacific relations. 1940. XVI, 254 p. (Institute of pacific relations. Inquiry series).

НОРМАН Э. *Япония как государство нового времени.* Политические и экономические проблемы периода Мейдэн.

CONTENTS:

ARTICLES: Zaionchkovsky P. The Military Reforms of D. A. Milyutin. Minz J., Prof. The Peace. (1919). Cheban I. The Relations between Moldavia and Moscow in the 15th—18th Centuries. Smirin M. The Social-Political Programme of National Reformation in Germany. Ranovich A., Prof. Hellenism and its Social-Economic Foundations. Zastenker N. The Weimar Myths Regarding the Reasons for Germany's Defeat in the War of 1914—1918. INFORMATION. PUBLICATIONS. REVIEWS. Prussak A. On the History of the White Sea Canal. Stoklitskaya-Tereshkovich V., Prof. A City of the Middle Ages. CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY. BOOK REVIEWS. BIBLIOGRAPHICAL NOTES. CALENDAR OF EVENTS.

SOMMAIRE:

ARTICLES: Zaiontchkovski P. Les réformes militaires de D. A. Milioutine. Minz J., prof. La Paix de Versailles (1919). Tchébane I. Les relations entre la Moldavie et la principauté de Moscou du XVe au XVIIIe siècles. Smirine M. Le programme social et politique de la Réforme populaire en Allemagne. Ranovitch A., prof. L'hellénisme, ses bases économiques et sociales. Sastenker N. Les mythes de Weimar sur les causes de la débâcle de l'Allemagne pendant la guerre 1914—1918. INFORMATIONS. PUBLICATIONS. REVUES: Proussak A. Contribution à l'histoire du canal de la Mer Blanche. Stoklitskaïa-Tereshkovitch V., prof. Une ville du Moyen Age. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. ANNOTATIONS. NOTES BIBLIOGRAPHIQUES. CHRONIQUE.

Редакционная коллегия:

В. П. Волгин (отв. редактор), Е. Н. Городецкий, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, Е. А. Косминский, И. А. Кудрявцев, И. И. Минц, А. М. Панкратова, С. Н. Ростовский, А. Л. Сидоров, М. Н. Тихомиров.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239.
А 23050. Изд. № 646.

Заказ № 2100.

Д 3-31-04.
Тираж 32.900

Подписано к печати 12/XI 1945 г.

10 печ. л.

68 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.